

№ 4

2009

**КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ**
(г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ** (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ**
(г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы),
В. Г. ШЕСТЕРИКОВ (г. Петропавловск).

В номере:

Поэзия

Н. Оразалин. «Грядёт за веком — новый век...». *Стихи* **3**
В. Шемшученко. «И светла моя грусть, и легка...». *Стихи* **65**

Проза

Р. Махатадзе. Охота на «белую ворону». *Роман* **13**
С. Викарий. Тверской бульвар, 25 (*окончание*) **73**

Наш общий дом

К. Алпысбеков. Семь писем внуку Елнуру (*окончание*) **98**

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени.

Записки редактора. Книга вторая (продолжение) 127

Искусство

С. Беккулова. Песнь Любви **158**

Краеведение

В. Шестериков. Из цикла «Приишимские хроники»

(Первопроходцы здравоохранения; Тысяча и одна

операция доктора Хамзина; Кто, если не сын Алмолды) 163

Далёкое — близкое

М. Валеев. Записки провинциального газетчика;

Рыбацкие байки **178**

Природа и мы

В. Кукаренко. Радуга над водопадом; Вылазка;

Поход «дикарей» **202**

Изоальбом «Нивы»: из работ Салихэтдина Айтбаева. На первой странице обложки — «Счастье»; на четвёртой — работа Н.-Б. Нурмухаммедова «Портрет художника С. Айтбаева».

Нурлан ОРАЗАЛИН

“Грядёт за веком — новый век...”

Перевод с казахского Александра Матвеева

Примитивный жаргон будоражит уставшие мысли.
Что ни скажешь — всё против, уж так у тебя повелось.
А дурацкий твой смех, словно в бешенстве, — трудно осмыслить.
Так и чешутся руки, чтоб врезать и выплеснуть злость.

Нурлан Мыркасымович ОРАЗАЛИН

родился 13 июня 1947 года в Уйгурском районе Алма-тинской области в ауле Улкен-дихан (в настоящее время Кокбастау). В 1970 году окончил филологический факультет КазГУ.

Первые его стихи появились в печати в середине шестидесятых годов прошлого столетия в республиканских газетах и журналах, в 1969 году вошли в коллективный сборник молодых авторов “Жас керуен”.

Трудовую деятельность начал в 1970 году в газете “Казахстан пионеры” литературным сотрудником. В 1972-1984 годах работал в Министерстве культуры редактором, старшим редактором, главным редактором репертуарно-редакционной коллегии, затем в течение двух лет — директором республиканского кукольного театра. В 1986 году был избран первым секретарём Союза театральных деятелей Казахстана. Избирался депутатом Верховного Совета Казахской ССР 12 созыва (1990-1994 годы), являлся заместителем председателя комитета по развитию национальной политики, культуры и языка, заместителем председателя комитета по науке, образованию и культуре. В 1993-1996 годах работал главным редактором газеты “Егемен Казахстан”. С 1996 года — председатель правления Союза писателей Казахстана.

Нурлан Оразалин является также сопредседателем Международного Литературного фонда, заместителем председателя Международного сообщества писательских союзов.

Автор сборников стихов на казахском языке “Беспокойный характер”, “Весенний звон”, “Седьмой континент”, “Заповедь человечеству”, “Весенняя прохлада”, “Прощание с веком”, “Время музыки”, “Истребление”, книги статей, публицистических заметок и эссе “Простор независимости”. В 2006 году в издательстве “Жазушы” вышел в свет трёхтомник избранных стихов.

Автор пьес “Ночь при свечах”, “Каменные олени”, “Легенда о белой птице”, “Возмездие”, “Лихая година” (по роману М. Ауэзова), “Последний день”, “Тревожный век”, “Памятный вечер весны”, с успехом идущих на сценах республиканских и областных театров Казахстана и за рубежом.

Его произведения переведены на многие языки мира. В 2002 году за сборник стихотворений “Прощание с веком” поэт удостоен звания лауреата Государственной премии Республики Казахстан. Недавно в Алматы издана книга Нурлана Оразалина в переводе на русский язык “Зелёный огонь”, подборку стихов из которой “Нива” предлагает вниманию читателей.

В “Ниве” стихи Н. Оразалина публиковались в 2008 г. (№ 5).

Ты же видишь прекрасно, что — есть — а чего просто — нет.
Нагло лжёшь, не краснея, почти что на каждом шагу.
Когда надо хвалить — ты, ославив, чернишь на весь свет.
А когда осудить — ты за спины других: ни гу-гу...

В яркой личности видишь ты признаки только скота,
А капризы и прихоти прячешь всегда в словоблудье, —
Потому за святошу тебя принимает толпа.
Твоей ложью однажды пресытятся всё-таки люди.

Неужели душа все пороки впитала навеки?
Мысли мерзкие теплятся, как головёшка,
Ты как острая бритва и скользкий, как уж, и вовеки
Будешь плавать по маслу, как старая грязная ложка.

Примитивный жаргон будоражит уставшие мысли.
Что ни скажешь — всё против, уж так у тебя повелось.
А дурацкий твой смех, словно в бешенстве, — трудно осмыслить.
Так и чешутся руки, чтоб врезать и выплеснуть злость.

Октябрь 1980 г.

Через бурные воды реки переправляюсь.
Не печалься, не всхлипывай жалостно, солнце моё.
Я поэт-хулиган, этим, видно, прославляюсь.
Снова молод, силен, пусть не каркает вслед вороньё.

А пока то да сё — подзасох что-то мой девясил.
Учащённо трепещет чуткое сердце.
Он меня по пустыне козлом отпущенья носил,
И злой дух из меня он изгнал, и захлопнулась дверца.

Нет, возможно, не он... Может, кто-то другой...
Придавила к земле эта злобная нечисть,
Струны нервов рвались, и дружки, что кружили гурьбой,
Поисчезли тихонько однажды далече.

Этот кто-то другой — он не ведал стыда.
Взял, присвоил моё, всё себе на потребу.
Испоганил святое, сгубил навсегда,
И душа вся в слезах, как осеннее небо...

Через бурные воды реки переправляюсь.
Не печалься, не всхлипывай жалостно, солнце моё.
Бес попутал вчера, а сегодня я снова исправляюсь.
Бесшабашная молодость вспомнила время своё...

Ноябрь 1980 г.

Двенадцать ночи... Город мирно спит...
Буянит в небе рокот грома трубный.
Ноябрь дождём занудно моросит,
Плетётся парень — будто пёс приبلудный.

Его согнула тягостная грусть,
Пронзает тело острый знобкий холод.
Куда плетётся? — знать бы... Ну и пусть...
Голодным волком заявившись в город.

В арыках, в брызгах крупного дождя
Играют россыпями отблески рекламы.
Великий мир, и ночь — твоё дитя,
Невольник горькой и душевной драмы.

Грохочет громом небо без конца.
Холодный дождь округу поливает.
Столетний дуб, берёзок деревца
От этих струй совсем околевают.

Вот пологом сползает с гор туман.
Ничтожным остаётся праздник жизни.
Здоровый мир — большой сплошной обман.
Бредёт больной, к своей шагая тризне.

Двенадцать ночи... Город мирно спит...
Буянит в небе рокот грома трубный.
Ноябрь дождём занудно моросит.
Плетётся парень — будто пёс приبلудный.

Ноябрь 1980 г.

Поклон тебе, глубокая лощина.
Припомни моё детство, земляника.
Дорога пыльная и строга вершина,
Поведайте мне обо всём великом.

Святая ночь, приподними фату!
Пусть коростель скрипит у самых ног.
Ты, город, утомил мою мечту.
А здесь витает голубой дымок...

Я выйду, как река, из берегов...
Дорога под горою на лугу...
И вдохновившись, из простых слогов
Сложу красивый стих и не солгу.

Здесь в раннем детстве, будто стригунки,
“Лягались” с Бекболатом мы и с Мэлсом...
Давайте соберёмся у реки, —
Я приведу Жараса с Елемесом.

Потом вскочу на старую савраску,
И — на вершину, в скромный тихий дом.
Платок напомнит журавля из сказки —
Припав к нему, забудусь сладким сном.

Во сне увижу красоту заката.
Глотну дымок родного очага.
Я буду спать, как крепко спал когда-то.
Проснусь, — луна под крышей, в двух шагах...

Припомни моё детство, земляника.
И ты припоминай меня, лощина.
Тоска неизлечимая велика.
Гора, утешь скорей родного сына.

Октябрь 1982 г.

Слова-лекарства я искал
Своей душе так много лет,
И жизненных страстей накал
Зря усложнял — искал ответ...

Моими песнями печали
Пугал не раз свою весну.
Витал в больших мечтах вначале,
И верил: всё перенесу.

А чтоб убить худые мысли,
Я принял стихотворный бой.
Уставшим сердцем не домыслив,
Что песня унесла с собой...

Грустит луна, смеётся солнце,
И быстроекрылое слово
Свободомыслием в оконце
Вдруг выпорхнет, в конце концов.

И в непогодь в прохладе сада,
Как милую, лелеял стих!
Судьба, ты слышишь: мне не надо
Сочувствий недругов моих.

Октябрь 1982 г.

В ноябре жизнь грядёт...

Абай

В груди моей и горечь, и печаль,
Способные сдвигать моря и суши.
Не прикоснувшись к небу невзначай,
Открою душу — станет ли кто слушать?

О ты, почтенный, станешь слушать ты,
Ты на коврах лежишь, предавшись неге?
Но внемлешь ли полёту той мечты,
Что голос мой поёт при первом снеге?

Заметил ли ты редкостное чувство
И тот огонь, и блеск в моих глазах?
Но жажду я, чтобы моё искусство
Неверие развеивало в прах.

Затрону струны — и польётся песня...
Мелодии из сердца зазвучат.
Прощанье с детством, возраст тем чудесный —
Апрельский возраст, где в цветенье сад.

Ты слышишь топот? Убегает Степь.
Мысль-аргамак летит, звеня уздечкой.
Грядёт ноябрь, сложнее в нём будет петь,
Мир чёрно-белый там во власти вечной.

Всё больше тех, кто в душу хочет влезть.
Доброжелателей всё меньше, как ни странно.
Я знаю, что поэзия — болезнь,
Угаснуть мне? Гореть ли постоянно?..

Дела мои высоки или низки?
Ответь, почтенный, резких слов не пряча.
Стихи — судьба... Они ведь очень близки,
Быть избранным — быть первым, не иначе!..

Ноябрь 1980 г.

*Не ставьте юрту у обрыва, буря дом снесёт...
Бухар Жирау, XVIII век*

И вновь война... Огонь сраженья в мыслях...
Недуг эпохи... Как же всё стерпеть?
Кобыз тоски мелодию осмыслил,
Попробуй с ним её сыграть и спеть.

Высокий стих шлифует в жилах кровь.
Стучится в сердце, обнадёжив душу.
Крик лебедей как будто слышу вновь
И журавлиный отклик слышат уши.

Накатывают мысли, словно волны,
Как метеором след черчу вдали,
Все образы настолько зримо полны, —
Ведь их воспел ещё Мукагали.

Мир без основы, без конца и края,
В огне его сгорю, всему конец...
Я чувствую, как ветер обдувает
Простор степи, чем жил Магжан-певец.

Боролся с ханом, не писал в угоду.
И за народом шёл всегда след в след,
И в каждой строчке воспевал свободу
Трагический и светлый Махамбет.

Несёт эпоха песни на стремнину.
На сердце рана — в голове война.
От музыки той сковывает спину...
Таков наш век — такие времена.

Август 2000 г.

Упаси меня, Боже, обиженным жить!
На кого-то сердиться, кого-то винить.
Никого не виню, никого не кляню!
Только б снять окаянную с глаз пелену!

Я сержусь на себя, лишь себя я виню,
Если был малодушным, тянулся к вину,
Если грубое слово друзьям говорил,
Потому что не их, а себя оскорбил.
Потому что и совесть и честь позабыл.

Как себя я кляню! Как себя я казню!
Ну зачем я в мышиную втёрся возню?!
И взрывается память позора о том,
Что случилось, как ранний незрелый бутон.

Никого не виню, никого не кляню,
Ни природу свою, ни родную страну.
И во всём виноват только сам я один
От младенческих дней до усталых седин.

Март 1973 г.

Нет давно вестей от бывлых друзей.
В памяти моей нет ушедших дней,
Стёрлись имена, встречи и дела,
Не осталось улиц юности моей.

Грустно вспоминать прошлые года,
Сердце жжёт огонь, слово — никогда!
Хоровод берёз время не вернёт,
Память о былом навсегда умрёт.

Где они теперь, старые друзья?
Встретиться опять нам уже нельзя,
Только по ночам вспыхивает вдруг
Слово, что сказал некогда мой друг.

Из далёких дней, из минувших лет
Вижу цепи гор и в пустыне след,
Слышу голос свой, пламенную песнь,
Весь в бывлых мечтах, в прошлой грусти весь.

Эх, запеть бы песнь, что явилась мне,
О берёзке давней и о той весне!
О друзьях старинных, о поре крутой
Говорит лишь в небе месяц золотой.

Июнь 1988 г.

На краю чувства

Ночь. Темень. Прочь мыслей покров.
Я ввысь устремляюсь на кромке луча.
О, Боже! Я вроде бы жив и здоров.
То сон или явь?.. Слышен говор ручья.

Я в сгустке огня мчусь, куда-то спеша.
Хоть тело в объятьях реального сна.
Вернулась ли птицей певучей весна,
И вновь обновятся ли сердце, душа?

От мартовской грусти, взошедшей на тор,* —
Прощальные всхлипы под звоны капели.
В прогретых прилавках подножия гор
Ты, Мир, убаюкай меня в колыбели.

Всю душу и чувства — делю на стихи,
В неё не проникнут ни зло, ни измены..
Я жив!.. О, Аллах! — отпусти мне грехи.
Пусть песня, как кровь, взгорячит мои вены.

*Тор — почётное место в доме.

Чувства, вспыхнув, погасли, не светят:
Пустота, отрешённость и глушь.
Кто обнимет меня на рассвете—
Снова вышла размолвка двух душ.

А на озере — блики луны..
С неба струи лучистые льются.
Были ж чувства такой глубины!
Видно, снова свечой не зажгутся..

Вся зола от кочевья остыла.
Откатилась и ночь на восток.
От мелодии грустно-унылой
В голове размышлений поток.

... Лишь проснусь — горькой думой отравлен:
В отошённых сплошной перебор.
Кюй расчёсывал локоны травам
И всю ночь с ними вёл разговор.

А замолк, растворившись с рассветом.
Сон за ним отступал не спеша.
В полыханьи зари дивным светом
Не моя ль проявлялась душа?

Гасли медленно звёзд фонари..
И сквозь дрёму, о чём-то другом,
Мне нащёптывал голос внутри:
Опасайся, твой друг стал врагом.

Сжалось сердце, страдая от боли.
О, Всевышний! — затянется ль рана?
Душу будто б штыком пропороли..
Кто?.. Зачем разбудили так рано?!

Февраль 2001 г.

Я видел месяц, сильно похудевший,
Был город, погружённый в бездну грёз.
Хотя и чувствовал себя осиротевшим,
Но удивительно — из глаз ни капли слёз...

Неистово сжигал мне душу пламень,
А чувства рвали плоть моей груди.
Я холоден был словно чёрный камень,
Кричал лишь счастьем: — Ты не уходи!..

Ни другу, ни врагу доверить тайну
Я не могу, меня бросает в дрожь..
Ведь сердце охладело не случайно,
Без счастья — существуешь, не живёшь.

И с кем придётся доживать свой век—
Кому души своей доверю тайны—
Материальны мысли, человек,
Что происходит — разве всё случайно?..

Взор не ласкают милые холмы
И гуси-лебеди снялись и улетели.
Согреет ли от холода зимы
Благая сила?.. Есть ли в самом деле?!

Оставил город месяц похудевший.
За ним ушла давившая печаль.
Чуть тлел огонь в душе осиротевшей.
Но почему ж — ни капли слёз?! А жаль...

Апрель 1998 г. — март 2001 г.

Коль к тебе любовь народа —
Только стремянами тронь:
Твоё счастье, год от года,
Будет мчать, как белый конь.

Отправляясь в дальний путь —
Прочь пустые разговоры.
Но в дороге не забудь:
За горами — снова горы.

Мать-земля с исходных дней
Равно смотрит на детей.
Побуждая: знайте, есть —
Мудрость, мужество и честь!

В битвах за Сары-Аркой
Предки обрели покой.
Память — это крови крепь.
Там, за степью — снова степь.

Недрами владей по праву,
Край земли — не Атырау.
Почитай Благою весть...
И за морем — море есть.

Не переусердствуй часом,
Глас времён — из века в век...
Нам с тобой не всё подвластно, —
Вечность! Что в ней Человек?!

Где масштабность и размах,
Там порывы дерзновенней...
Кто, скажи, воспел в стихах
Гамму хрупких откровений?..

Возвеличить не спеши,
Не встречай напрасно в споры.
Характер — зеркало души.
Правда раздвигает шоры.

Как ни лукавит человек,
Грядёт за веком — новый век.

Шумят сомнений водопады.
Звонят времён колокола.
А Мир велик — он всем в награду.
Он бесконечен — все дела.

Мы дети временных квартир.
Там за мирами — снова мир!

Вести радио бьют в ухо,
Всех газет не перечесть,
Беспредел, стрельба, разруха, —
Бог не с нами... Но он есть.

Декабрь 1997 г.

Не терзайся напрасно, Луна ты моя,
И смахни набежавшие памяти слёзы.
Здесь когда-то встречались вдвоём ты и я,
И в свидетелях были лишь ночь да берёзы...

Хоть и годы прошли, не забыть эту ночь.
Голос полупештал, так баюкают в люльке ребёнка.
Этот сказочный миг я не смог превозмочь.
Ты прижала меня, как дрожащего в дождь жеребёнка.

Моя память, а в ней твои радость и слёзы,
Аромат твоих губ, их неистовый жар.
И в свидетелях были лишь ночь и берёзы,
А в душе полыхал моей кровью пожар.

Всё ушло с откочёвкой по имени жизнь.
Всё растаяло призраком в плотном тумане.
Объяснение есть ли, Создатель, скажи,
От берёзы ль все вёсны ушли в караване?!

Не терзайся напрасно, Луна ты моя,
И смахни набежавшие памяти слёзы.
Здесь когда-то встречались вдвоём ты и я,
И в свидетелях были лишь ночь да берёзы...

Шрам на сердце моём всё ещё не зажил от обид...
На высоком холме птица пела не радости ль песню —
Я бродил по росе, полагая, что стану известным.
А берёзы шептали: “Ты будешь ещё знаменит”.

Я как будто б услышал твой голос, вплетя его в кюй.
Ты явилась в мой стих верной, преданной Музой.
В один узел связав лебединые песни союза,
До тебя я послал с губ сорвавшийся мой поцелуй.

Был прекрасен и неповторим этот миг.
А луна, отблестав, постепенно за холм закатилась.
И звезда, пролетая, сияньем небесным светилась,
Но тебя белый конь-аргамак не настиг.

Вдруг Плеяды ушли, а Венера открыла свой лик.
Всё буянил Иртыш, и бурлило в крови многословье.
Исходили сердца в отдаленье взаимной любовью,
Но никто не решался ответственность взять за двоих...

Шрам на сердце моём всё ещё не зажил от обид.
На высоком холме птица пела не радости ль песню?
Я бродил по росе, полагая, что стану известным.
А берёзы шептали: “Ты будешь ещё знаменит...”.

Реваз МАХАТАДЗЕ

Охота на "белую ворону"

Роман

Посвящаю
моим грузинским
и казахским друзьям

Пролог

Происшедшее за год до описанных в романе событий...

... На площади западногрузинского райцентра Багинети прогремела автоматная очередь. Прошёл всего год после распада Советской страны, но в независимой республике уже никто не удивляется частым перестрелкам на улицах и во дворах. Конфликты разбираются, интересы утверждаются, позиции защищаются исключительно силой оружия.

Однако сейчас, когда среди бела дня изрешетили пулями автомашину, свидетели случившегося всё же смутились и призадумались. Если б хоть ночью, в потёмках, и не в двух шагах от райотделения милиции... Ни капли страха ни перед чем!

Обстрелянная машина сорвалась с места, пересекла площадь и резко, с оглушительным лязгом остановилась у будки сапожника при выезде в улицу. Из-за руля в смятении выпрыгнул и ворвался в растворённую дверь инспектор ОБХС раймилиции Бека Гвелесиани.

— Помогите, дядя Агабо! За мной гонятся, хотят убить! — проревел он и запер дверь на засов изнутри.

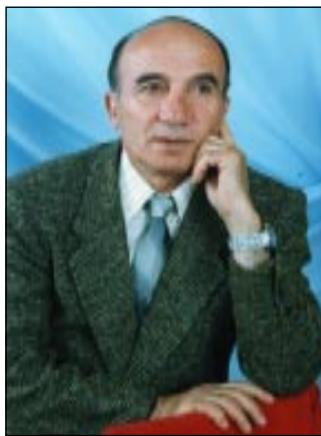
Ошарашенный Агабо выронил из рук иглу и шило и вскочил навстречу вбежавшему.

Реваз Юстинович МАХАТАДЗЕ

родился в с. Варцixe Багдадского района Грузии. После окончания Грузинского сельхозинститута был направлен в Казахстан. Пять лет проработал на Карагандинском винзаводе "Самтреста" виноделом, начальником цеха, главным виноделом. Потом продолжил трудовую деятельность на родине.

Вторично свою судьбу он связал с Казахстаном в 1994 году и по сей день живёт и трудится в Караганде — городе своей молодости.

В 2001 г. принял гражданство Республики Казахстан. Р. Махатадзе является учредителем и председателем об-

ластного общественного объединения "Грузинский общественный культурный центр "Иверия". Член Союза журналистов РК. С юных лет занимается литературным творчеством. Его перу принадлежат романы "Мутная река", "На волнах жизни", "Соприкосновение духов", "Игра крови", "Охота на "белую ворону", "Час расплаты". Эти произведения всесторонне освещают жизнь двух народов. Естественно, и

главные герои этих романов — грузины и казахи.

Предлагаем читательскому вниманию роман Р. Махатадзе "Охота на "белую ворону", переведённый с грузинского языка на русский М. Бирюковой.

— Да кто же это?! Я его!.. — с необычной для пожилого человека ловкостью и быстротой схватил он огромный наточенный нож и стал наизготовку у запертой двери: — А ну, валите отсюда, не то я вас! — пригрозил грозным тоном.

— Вы что же, хотите развалюшку-гнилушку выдать за неприступную крепость? — раздался в ответ хриплый насмешливый голос. — Ничего не выйдет! Отворяйте!

— Плеснём бензина и подожжём будку! — поддержал его другой.

— Ребята! А за что же беднягу-сапожника? — усомнился третий.

Агабо не на шутку струхнул и сник. Бека заметил, что он дрожит, как взятый на прицел зайчонок.

— Да что вы! Что вы собираетесь делать? Одумайтесь! — пролепетал сапожник, начисто лишаясь давешнего пыла.

Из-за двери не ответили.

В будке нервничали, пытались, напрягши слух, уловить, что делается снаружи.

Неужели и впрямь решатся и подожгут?

Различно донёсся шум, новые голоса, возня.

— Вот-вот сбежится толпа! И милиция подоспеет! Айда обратно! — раздался командирский голос. — Ладно! Упустили сегодня, не уйдёт завтра!

В будке с облегчением вздохнули.

Машина-преследовательница вырулила на шоссе и пустилась наутёк по направлению к Кутаиси.

Толпа на месте происшествия разрасталась. Пошли разговоры, предположения. Сначала вполголоса, потом громче.

— Не убить, должно быть, хотели, а попугать. Иначе бы на площади не промахнулись! — протолкнулся к машине майор милиции.

— Похитить, наверное, думали! — возразил старик из толпы. — Да вот, не получилось!

— Кто его знает! Может, и так! — согласился майор, принимаясь за своё дело. — Очень даже может!

Спустя полчаса народ начал рассеиваться. Расходились небольшими группками, беседуя и выдвигая каждый свою версию и причину происшедшего.

— Бека столько зла наворотил, столько гадости, что своей смерти ему не дожидаться! Рано или поздно, а расправятся, убьют! — сошлись в общем мнении.

Часть первая

Растерзанный тур

Жители Багинетского района селятся частью по отрогам горных хребтов, усеянных уютными домиками из красного и белого кирпича в окружении ухоженных приусадебных участков, частью же, притом большей, в раскинувшейся под ними долине.

Ранними вёснами благословенный сей край осеняется понемногу зеленеющим белым покровом, и от благовонного дыхания цветущих садов воздух, кажется, уплотняется и тяжелеет. Попавший сюда в такую пору чужак полагает себя в раю. Аромат не покидает края, начиная с цветения персика и мирабели вплоть до осыпания цвета виноградной лозы. После

недолгого перерыва новым благовонием, ещё более головокружительным и упоительным, окрестность пронизывается в дни полного созревания винограда и иных плодов. Душистый ветерок разбегается по горам и долинам, пролетает по ущельям двух рек — Риони и Ханисцкали — и обвевает их волны до первого снегопада.

Одна красота спешит сменить другую.

И так испокон веков.

Глаз здешних уроженцев привык ко всему этому и порой не замечает, а оценить и осознать может лишь после того, как надолго покинет и затоскует по родному краю. Лучшим украшением и покровом земли здесь нельзя не признать рядов виноградных лоз. Они взбираются на пригорки, скатываются в долины и втекают в приусадебные участки. Виноградный лист должен бы стать символом края, и тогда бы ему не обойти крохотной точки на карте района — деревни Орбети. Она лепится к утёсам у восточных врат района и вся охвачена зарослями лозы. Среди них, у обочины главной дороги, на пригорке застыло в чутком напряжении, как почуявший опасность тур, главное строение винзавода. Оно красит деревню, как золотое украшение грудь женщины.

Руководить заводом предложили выходцу из здешних мест Малхазу Махатели. И вот завог райкома партии ждёт за столом у себя в кабинете согласия кандидата. Секретарь райкома дал завогу Шавлегу Шавтухашвили нелёгкое поручение. Необходимо его выполнить. Не приведи Господь, чтоб Махатели брякнул что-нибудь этакое, то есть отказался. На носу сбор урожая винограда — ртвели, а у завода нет ни директора, ни сносных специалистов. Прежних руководителей освободили и даже привлекли к ответственности.

Махатели, видимо, колеблется. Никогда, должно быть, не думал, что его что-то может связать с этим заводом.

— Малхаз! — перебивает его раздумья Шавтухашвили. — Какие могут быть сомнения? Почему ты воздерживаешься? Другого такого случая может и не представиться.

“Поприжало вас, да?” — поднял на него взгляд Махатели.

Районному руководству сейчас и впрямь приходится туговато. Кому ни предложишь поработать на Орбетском винзаводе, все уклоняются.

Всё заметнее ослабевают советская власть, насчитывающая то ли уже, то ли всего семь десятилетий. Выпрастываются из небытия всякого рода оппозиционные партии, беззастенчиво вскрывающие взяточничество и коррупцию в рядах и центральных, и местных властей.

Не наглядный ли пример Багинетский райком партии? Давно осталось в прошлом время, когда на руководящие должности кадры подбирали по зову совести и с учётом деловых, профессиональных и личных достоинств.

Власти в центре и регионах раскачиваются, как болотный тростник под ветром.

— Что ж, я подумаю! Ответ дам завтра утром, — поднялся уходить из кабинета Махатели.

О чём здесь было думать?

Он почти уже решил идти в завпроизводством винзавода. Он не закрывает глаз на то, что делает, — принимает на плечи полуживое, полудохлое предприятие. Было бы оно доходным, живым организмом, Малхаз бы никто сюда не позвал. Нынешний секретарь райкома торгует должностями, как зеленщик на базаре.

Ладно уж, всё равно он решился! Осточертело годами сидеть инструктором в райсовете, копать в пустопорожних, безжизненных циркулярах, сочинять постановления сессий исполкома райсовета, строчить протоколы заседаний сельсоветов, осознавать, что за всякой бумагой кроются взятки и вымогательство денег.

Настоящее дело всё-таки вещь. Немало лет он проработал по розливу грузинских вин за пределами республики, но вот уже тринадцатый год, как не сталкивается со специальностью. Со времени возвращения всё ищет и ищет достойную работу. Протоптал собственную дорожку к секретарю райкома. Секретари сменяли секретарей, но разницы между ними не замечалось, и он лишь укреплялся в убеждении: не “подмажешь” — приличной работы не получишь.

И что же?! Ну и времена наступили! Сами просят принять руководящую должность на винзаводе!

На винзаводах сейчас сложились нормальные, по сравнению с предыдущими годами, условия. Новый руководитель республики Кахабер Кациашвили почти пресёк пышным цветом процветавшие на винзаводах фальсификацию и приписки. Те, кто знал прежнее положение, не могут не признать — всё это как бы мутная, вышедшая из берегов река понемногу очищается и спокойно течёт по своему руслу.

Малхаз чувствует, как в нём пробуждается доселе дремавшая любовь к своему делу, к профессии. Понимает, правда, осознаёт, что нынешнее состояние винного дела ещё очень далеко от того, каким было в прежние, давние годы, которые ему ещё помнятся.

Все, с кем он ни встречался в эти дни, — близкие, друзья, товарищи, — в один голос предостерегают и советуют: не ошибиться и не пойти работать на винзавод.

Так что же? Отказаться от своего любимого дела?

Нет, он не сможет! Ему прямо-таки выпало на долю постоянно бороться с трудностями и сталкиваться со сложными коллизиями. И это смолоду закалило его, как металл в раскалённой печи, и сейчас он никого и ничего не боится. С чем таким он может столкнуться на Орбетском винзаводе, что бы его вывело из равновесия, испугало.

Что ж, он в очередной раз вступит на шаткий мостик!

Смущает его разве только директор заводууправления.

“Бакур Члаидзе. Придётся попасть под начало этого неуча и пройдохи. Если б не знать об этом, ещё туда-сюда. Год, проведённый с ним в России, на Томском предприятии по розливу грузинских вин, показал всю его подоплёку. Подобные руководящие кадры просто-напросто гримасы времени”.

Но выхода нет, надо выдержать и его.

Вновь назначенный работник мчится на “Жигулях” на завод. За рулём — заместитель Члаидзе. На заднем сиденье — главный специалист-винодел и Махатели. Начальника производства везут представить незнакомому ему коллективу.

Машина подскакивает на спусках и подъёмах. В салоне молчат. У подступов к деревне водитель странно вытянул короткую крепкую шею, точь-в-точь как индюшонок после глотка воды, и, не оборачиваясь, бросил назад:

— Малхаз! В объединении все побросали свои партбилеты. А ты чего ждёшь?

Вопрос смутил Малхаза. Что значит побросали коммунистические партбилеты? И без того ясно, что парторганизации прекратили свою деятельность и распались. Какой же смысл бросать партбилет? Он считал, считает и всегда будет считать: временщики опасны для общества. А этот замдиректора Чантуридзе, именно временщик. Он и подобные ему пролезали сквозь игольное ушко, чтоб как-нибудь проникнуть в коммунистическую партию с тем, чтобы попасть на руководящую должность. Но вот времена изменились, и они мгновенно перескочили из одной лодки в другую, так, что даже не замочили во вздувшейся реке ног.

Выпад Чантуридзе не понравился и сидевшему рядом с Малхазом главному виноделу. Вопрос пришёлся не к месту и не ко времени. Ничего другого “Чано”, видно, в голову не пришло.

Это прозвище замдиректора Малхаз услышал сегодня в заводоуправлении впервые. Но на вопрос нужно было как-то ответить:

— А вы откуда знаете, бросил я его или нет?

— Да говорят! — снова вытянул шею Чано.

Малхаз усмехнулся. Неужели у руководства объединением нет никаких других забот, кроме как слушать пересуды?

— Ну а кто же всё-таки бросил? — как бы походя, спросил он.

— Все двести сотрудников, начиная с директора, — невозможно отозвался Чано.

“С чего это он затеял этот разговор?”. Малхаз прекрасно знает: подобные Чантуридзе и иже с ними демонстративно, на виду у всех сжигали или с выражением отвращения на лицах рвали в клочки свои партбилеты. Иные даже хвастались, что спустили их в туалет. И почитали, должно быть, это своё недомыслие за героизм.

Да-а, Чантуридзе сразу показал себя. Выдал себя с головой. Он, дипломированный специалист, пятнадцать лет подряд вкалывал рабочим винзавода. Сколько раз ни появлялась вакансия винодела, столько раз получал холодный отказ. Он обращался в райком партии, но его выпроваживали со словами: “Но ведь ты не партийный!”. Ему посоветовали вступить в партию. Что ж, он вступил! Но и это не помогло. Выручил, как ни странно, несчастный случай. Чантуридзе угодил в кипящий чан и обварился по самые поджилки. К счастью, чан был не полон и не очень горяч. Случай очень напугал руководство завода, и чтоб разрядить атмосферу, Бондо Чантуридзе назначили-таки виноделом. Спустя год вышел на пенсию замдиректора, и директор, Бакур Члаидзе, взял Чано себе в заместители. А что? Не брать же более способного и знающего, чем сам он!

Вот такие стоят нынче во главе винзавода, главного хозяйственного костяка района.

Встреча с коллективом прошла келейно и торопливо — управились за час. В обширной лаборатории на первом этаже нового завпроизводством представил “коллективу” из пятнадцати человек главный винодел завода.

Покончив с формальностями, руководители вышли во двор, пожатием руки поздравили Махатели со вступлением в должность, на прощанье пожелали ему успешно справиться с переработкой созревающего винограда, и он проводил их до ворот завода. Оставшись же один, почувствовал себя вошедшей в чужую семью молодой невесткой. Он и рад, и не рад пребыванию на полунезависимом предприятии. Напрашивался вывод: с такими начальниками, как Члаидзе и Чантуридзе, ему придётся нелегко. Чего стоит хотя бы сегодняшний вопросец Чано.

Идя от ворот назад, Малхаз внимательно оглядел знакомое ему строение. Другие подобные заводы района он так или иначе знал, а сюда заглядывать не приходилось. Но ему ведомо: здесь выжимают высококачественное вино из винограда превосходного уникального сорта “цицка”, в некотором роде материала для шампанского. В этом микрорайоне как в общественном хозяйстве, так и на приусадебных участках апробируется только этот редкий сорт. Своеобразный состав почвы и инфракрасные солнечные лучи формируют столь великолепный вкус и аромат сока, что от него с трудом отрываешься. Струясь в стакан из бутылки, отливающее золотом вино шипит и обильно пузырится. Почти готовое шампанское, требуется лишь облагораживающее касание руки человека.

Двухэтажное белое здание на небольшом пригорке оживляет и украшает дремучую окрестность. Башенка над восточным крылом как бы увлекает его в небесную высь. И всё здание напоминает напрягшегося перед прыжком тура.

Тишина, ниоткуда ни шороха. Промелькнула тень. Это не遠далеке прошёл рабочий с большой железной деталью в руках.

Механик, что и говорить, — констатировал Малхаз. Подозвал.

— Да, механик. Работаю здесь уже пятнадцать лет. Во дворе нет ни одной железки, которой бы не коснулась моя рука.

— Здорово! — с удовлетворением воскликнул Малхаз. — Пойдёмте-ка вместе посмотрим цеха. Дел, наверно, невпроворот.

— Да, немало! — чуть заметно усмехнулся механик. — Поставили вас сюда, а сами улизнули. Ничего себе введение в должность!

Малхаз попервоначально решил не реагировать.

— Что им было делать? Вина ни капли, резервуары все пусты! — отшутился он.

Тем временем подошли к кирпичному крылу, увенчанному остроконечной башней. Вошли. Взгляд Махатели скользнул вверх, задержался на небесно-голубом просторе. Что же это такое? Нет и признака крыши? Стены забраны мохом, местами осыпаются, даже обрушиваются. К углу стоймя привалены три облупившиеся проржавленные ёмкости, вроде лоханей. Когда-то, видимо, бетонный, пол растрескался, обратился в щебень и пыль, к тому же весь завален сором. Давненько, должно быть, сюда не заглядывали.

Понятно, какой процесс производства здесь заморозили.

— В прошлом котельное отделение, — конкретизировал механик. — Отсюда подавали пар в водочногонный цех и в другие нуждавшиеся в нём участки.

— И давно отделение не работает?

— Семь лет, — ни на минуту не задумываясь, отозвался механик.

— И водочный цех в таком состоянии, Шакро?

— Сейчас пройдем туда, посмотрите сами, — направился механик к выходу.

Проникнуть в водочный цех не составляло труда, так как двери были сорваны с петель, а из оконных проёмов даже вырваны рамы. Из шести гоночных котлов как-то могли действовать два. Проржавели и прогнулись соединяющие котлы паро- и водопроводные трубы.

Всё как после бомбёжки.

— Водку здесь не гоним тоже семь лет, сдаём отстой на другие заводы, — дополнил механик открывшуюся картину. — С тех пор, как стала котельная и прекратилось поступление пара и кипятка.

Спустились в цокольный этаж, можно сказать, подвал. Большую часть его составляли бетонные винохранилища, лет тридцать тому назад ещё использовавшиеся, ныне же пришедшие в полную негодность и вышедшие из строя. Не нашлось никого, кто бы разобрал их и вынес. Поодаль в два яруса были сложены полутоннотонные чугунные эмалированные резервуары.

Увиденное настроило Махатели на мрачный лад.

Тем не менее он внимательно осмотрел цех по приёму и переработке винограда. Выяснилось, что в пору уже подступающего сбора — ртвели — можно использовать только этот цех по приёму и переработке и часть винохранилища.

На всём, на что ни взглянешь, лежит печать запущенности и бесхозяйственности.

Механик Шакро Херхадзе оказался толковым и словоохотливым собеседником. Хотя и речист, но себе на уме, не проронит ни одного необдуманного, лишнего слова. Какая удачная случайность! Кто бы ещё мог так обстоятельно обо всём рассказать. Благодарение Богу, он сыплет фактами безостановочно.

Выйдя во двор, подавленные виденным, они прошли к полуобвалившейся электроподстанции и устроились на зелёной лужайке под старой развесистой смоковницей.

Осенний день выдался солнечным, ласковым, тихим. Не чувствовалось ни малейшего ветерка. Плоды смоквы мирно наливались густым сладким соком, и покой нарушало разве что жужжанье привлечённых им пчёл и мух.

Шакро потянулся к ветке, сорвал с пяток спелых плодов и протянул на ладони Малхазу.

— Из них тоже можно гнать водку, — надкусил тот один из лопнувших от спелости и улынулся, — хорошую!

— Это точно! — улыбкой же ответил ему Шакро. — Прежде, когда у нас работал гонный цех, нам ничего не стоило гнать и из них. А сейчас по домам получаем не более чем по пол-литра инжировой, — признался Шакро.

— А где рабочие обедают? Здесь что-то не видно столовой.

— Да из дому приносим хлеб с сыром да зеленью. Прямо вон в той мастерской и закусываем, — показал Шакро рукой на сбитый из досок сарай, называвшийся ни больше ни меньше как механическим цехом.

— Пойдём, посмотрим? — заинтересовался Малхаз.

Войдя в помещение, скривил губы, что не ускользнуло от взгляда механика:

— Начальники вроде вас все здесь подкреплялись, с нами. Приглашаем и вас. Думаю, быстро привыкнете.

Малхаз оглядел довольно-таки просторное помещение. Посередине его стоял длинный дощатый верстак с лавками вдоль стен, на которых могли поместиться более восьми человек.

— Уж не приносите ли вы с собой из дому и вино? — рассмеялся Малхаз. — Без него ведь кусок в горло не лезет, — попал он прямо в яблочко, и механик тоже расхохотался.

— К июню-июлю здесь и капли его не остаётся. Сдают на завод шампанских вин в Зестафони. До нового урожая горло нечем промочить. И впрямь, разве что иногда из дому прихватим.

— В прошлом году в эту пору, — вывел Шакро из задумчивости Малхаз, — нас посетил редактор районной газеты со своим другом-поэтом. Они

выволокли из машины огромную двадцатилитровую бутылку и заявили завпроизводством, вашему предшественнику, что им требуется для какого-то застолья хвалёное вино нашего завода.

— Но на заводе его нет ни капли.

— Не могу поверить, — всплеснул руками поэт. — Неужели на всём заводе не найдётся двадцати литров вина?

— Не найдётся! Есть порядком перекисшее, сваливает с ног со стакана. Вам предложить не могу, — попытался заведующий деликатно выпроводить гостей.

— Ты давай налей, — усмехнулся в рукав поэт, — а уж мы сами посмотрим, устоим или нет.

Оба — и Малхаз, и Шакро — весело рассмеялись.

— И частенько завод навещают назойливые просители?

— То и дело! — махнул рукой Шакро. — Случаются и похуже. Спросите, по сколько увозят? По сто, двести... триста литров. Смотря по тому, кто какую занимает должность. Кто ни чувствует себя в районе хоть каким начальником, все сюда жалуют. Вино и впрямь замечательное! Знаменитое! Берут не только для себя, возят даже в Тбилиси своим начальникам.

— Что же это за люди? — сорвал и надломил Малхаз травинку.

— Не скрою, вы и сами их скоро увидите. Привыкли, теперь уж не отвадишь! Секретарь райкома, — принялся загибать пальцы Шакро, — председатель райисполкома, начальник милиции, заместители... Сами не приезжают, присылают водителей.

— Один из начальников милиции, — снова пришлось Шакро выводить из раздумий Малхаза, — когда ему отлили триста литров, хлопнул рукой по чану и заявляет: попробуйте только кому-нибудь дать отсюда. Увидите тогда!

— И что же винодел?

— Не посмел возражать. Так же было, когда при Коришели начала внедряться фальсификация. Мало было побуждений властей к чёрным делишкам, так они ещё и к собственным грешкам прибегали. Страшно-ва-то было всем, потому и помалкивали. Очень большие утечки у завода. Потому и не задерживаются здесь специалисты-виноделы все последние десять лет. Поработают два-три года, а там кого уволят, а кого и...

Сбежавшиеся на лбу нового завпроизводством морщины долго не расправлялись. Собеседник заметил это:

— Вас ведь интересует истинное положение дел. Вот я и рассказываю без прикрас. О многом ещё можно вспомнить. Да стоит ли? Поработаете, освоитесь, сами увидите. Разволновал я вас, вижу. Расстроил! Ничего. На вас, думаю, так наезжать не станут.

— Это почему же?

— Про вас говорят: образованный, подготовленный, порядочный... уважает закон... и действует всегда по закону. В районе вас уважают. Те, кого я вам перечислил, таких опасаются и даже сторонятся.

Махатели, смутившись, поднялся уходить.

— Эх, Шакро, кто к чему приучился, ничем не отучишь.

— Да, в этом вы правы. А всё равно...

Более чем часовая беседа новоначенного завпроизводством со случайно встреченным механиком навела на множество мыслей. Он, конечно, знал, что столкнётся с неполадками, но... такая запущенность,

разорение?! Неужто его ждёт участь предшественников? Увольнение или того хуже? Нет-нет, он до этого не доведёт. Дело знает, трудолюбия не занимать, с организаторским даром обстоит очень неплохо. Преданность предприятию, видимо, выработается. Но как быть, если столкнёшься с противодействием? Да ещё поощряемым! Нет сомнений, придётся столкнуться со многим и многими. Борьба, безусловно, предстоит бескомпромиссная. На жизненном пути снова маячит шаткий мостик. Ему доводилось проходить по нему не однажды, но он достигал противоположного берега. Удавалось!

Неужели на сей раз не удастся?!

Время до начала сбора урожая винограда буквально летело. На Орбетском винзаводе уже был завпроизводством, но не было винодела. Но где это видано, завод без специалиста? Подобрать подходящего стало первой задачей для Махатели. Он объездил многие предприятия, расспросил близких и знакомых. Но редкие найденные отказывались. Категорически!

Такого он и в самом деле не предполагал. Дипломированные специалисты десятилетиями вкалывают рабочими, им предлагают немалую должность, а получают решительный отказ.

Двое-трое даже признались:

— Нас звали в завпроизводством, мы и то не пошли. Что же, идти теперь в виноделы?

Есть над чем призадуматься...

Очень уж дурная слава пошла об Орбетском винзаводе.

Многое прояснялось в мыслях питавшего какие-то надежды Махатели. Но надежда покидает человека последней. Так оно и оказалось. Удалось выйти на предложившего свои услуги руководителя какого-то агропромышленного объединения, правда, с неопределённым опытом работы, но с двумя дипломами заочного обучения — агронома и винодела. Ни в виноградниках как агроном он ещё себя не показал, ни на производствах как винодел. Одни дипломы!

Малхазу Махатели сейчас не до выбора. Придётся довольствоваться тем, что есть. Только бы надеть на быка ярмо, а потащить он потащит за двоих. Хватит и сил, и знаний, и опыта. И главное, в небольшом ещё трудовом коллективе есть на кого положиться, у большинства работников многолетние профессиональные навыки.

Завод сейчас похож на лес и луг, пробуждающиеся весной после долгого зимнего застоя и спячки. Идёт уборка, всё по возможности приводят в порядок. Все облачились в спецодежду, халаты, начиная с завпроизводством, кончая привратниками. Подтянули разорванную и поваленную проволочную ограду вокруг территории. Восстановили почти засыпавшийся землёй водовод из высокогорного родника. Спозаранку открывали цех приёма и переработки винограда

Производство на глазах реанимировалось и оживало.

С урожаем управиться удалось. Поднаторжились, и несколько резервуаров наполнились благородным соком.

Но Махатели помнил, что вокруг быков всегда вьются назойливые слепни. Улавливал их пока ещё слабое жужжание. Да и механик Шакро при первой же встрече предостерег его. Чувствовалось, однако, что вокруг завода кружит, как волк вокруг овечьей отары, некто пострашнее слепней. Хищники проявляли себя осторожно. Пока ещё не смели налететь и

распоясываться и, как его предшественникам, кто вкрадчиво, кто наёмками, кто просительно, давать понять о вошедших в обыкновение, уже традиционных претензиях. Кто побаивается его, кто смущается. Время такое, что порядочный человек, рядовой он или руководитель, представляется опасным и неприступным. Таких, правда, и днём с огнём трудно найти, так подавило прежнее руководство крестьянина ли, рабочего, интеллигента, вовлекло и впутало в сети лжи и корысти и желавших того, и не желавших.

Малхаза Махатели печать того времени не заклеямила. Он закован в броню порядочности и честности. Во многих она вызывает искреннее уважение, для иных же оборачивается бельмом на глазу.

Сбор урожая идёт к концу. В чанах — и в подвале, и во дворе — бурлит и неистовствует энергичное, непокорное молодое вино.

Осень мягкая, тихая, солнечная. Даже выпущенные на жнивье куры напевают от неги и умиротворения, выискивая и заглатывая попутно жучков и червей.

На часах время обеденного перерыва. Он захлопывает дверь кабинета и спускается вниз, во двор.

Всё вокруг пронизано благоуханием щедрой осени.

У ворот показался и направился прямо к нему незнакомый молодой человек и, даже не поздоровавшись, резко бросил:

— Мне нужен завод по производству!

— Это я. В чём дело?

— Пойдёмте в кабинет, здесь говорить неудобно.

— Пойдёмте! — направился Малхаз к зданию. Прошли по широкому коридору нижнего этажа к ведущей в верхний лестнице.

“О чём же это неудобно было сказать внизу? Вокруг никого не было. На вора не похож, выглядит прилично, подозрений не вызывает. Но тон...”.

Он прошёл за свой стол, указал посетителю стул у приставки.

Тот вытянул из нагрудного кармана какую-то картонную корку, показал ему:

— Я член этой партии!

Малхаз взял у него корку, внимательно со всех сторон осмотрел. Прочёл название партии, фамилию и имя её члена. О партии слышать ему уже приходилось, она претендовала на руководство республикой. Фамилия Какауридзе подсказала ему, что носитель её выходец из соседней деревни.

— Что ж, пусть будет добрым наше знакомство! — вернул он незнакомцу билет. — Что вас привело ко мне?

“Виноград, видно, привёз или намерен привезти сдать. Вот и хочет его загодя усладить! Немало их таких нынче является”.

— А вот что! — качнулся на стуле и усмехнулся пришелец. — Мне надо выписать четыре тонны винограда!

Ошеломлённый услышанным, Махатели заметил, тем не менее, что на лице собеседника не дрогнул ни один мускул и на низкий лоб не выступило ни единой капли пота от смущения.

“Четыре тонны! — прикидывал Малхаз. — Если провести как цырку, то это четыре тысячи рублей, стоимость легковушки. Чтоб собрать столько с приусадебных участков, сборщикам нужно здорово поднапрячься и сбить себе ладони”.

Он не смог сдержать смеха:

— Мераб! Если мне кто-нибудь выпишет столько, я тут же уйду с поста. Пришелец и ухом не повёл.

“Не понимает он, что ли, что каждый поступающий сюда килограмм винограда находится на учёте и что существует норма выхода из него вина. Или ему до лампочки, что за недостатку ничего не стоит угодить... Или, полагает, продолжаются времена, когда пышным цветом цвела фальсификация, диктовавшаяся и поощрявшаяся властями. Если даже так, всё равно, какой дурак решится подарить ему такую сумму”. Сказать он ничего подобного, естественно, не сказал, но принял вразумлять молодого человека:

— Мераб! Я работаю на заводе всего только год. Я столкнулся здесь с пропастью трудноразрешимых проблем. Так что... — выдвинул он ящик стола, достал из него центральную республиканскую газету “Комунисти”, ещё не утратившую тогда свой вес и значение в обществе, протянул посетителю и указал на вторую страницу. Тот скользнул взглядом по набранному крупными буквами заглавию — “Сегодняшние проблемы виноградарства и виноделия в Грузии”. Статья небольшая, четверть страницы. Автор — М. Махатели, завпроизводством Орбетского винзавода.

Пришелец недоуменно взглянул в лицо сидевшего перед ним и вырвал газету из рук, будто их внезапно обварило кипятком. Взгляд, — ошибиться было невозможно, — выражал опасение: “К кому это я попал?!”. Обладатель его резво вскочил, пробормотал извинения и выскользнул из кабинета, так что не только пускаться в дальнейшие объяснения, но и толком попрощаться не удалось. Впрочем, с такими не до деликатностей. В окно Махатели увидел, как недавний гость торопливой походкой устремляется к выходу: шаг напоминал скорее бегство.

Малхаз провожал непрошеного посетителя взглядом до тех пор, пока тот не скрылся из поля зрения. В голову лезли подозрения: “Неужели в этой партии много подобных “членов”? Такие ведь расшатывают сложившиеся устои! Разрушать легко, попробуй построить. Разрушитель не годится в созидатели”. Ему вспомнился давний знакомый, односельчанин. Он смолodu жил в родительском деревянном, на славу сбитом из породистого каштана прекрасном доме на высоких сваях со всею своею семьёй. Но изнутри его начал точить какой-то червь. Многие из его соседей возвели себе двухэтажные кирпичные дома и, соблазнившись их обликом, он разобрал жилище своих предков и принялся на его месте складывать капитальное солидное здание. Залил фундамент и на этом остановился. Дальше оказалось не по силам. Строительство и поныне пребывает в том же самом состоянии, в каком его заморозили двадцать лет тому назад.

После посещения незваного гостя прошла неделя.

Малхаз Махатели продолжал оставаться под впечатлением.

Он сидит сейчас в кабинете и вникает в форму № 5 баланса прошедшей переработки урожая.

Раздался осторожный стук в дверь, и из-за неё вошёл дежурный вахтёр-привратник:

— В проходной, уважаемый Малхаз, вас ждут посетители!

Надсадный голос, спокойный тон сторожа не предвещали ничего утешительного. Обычно он говорил напористо, гулко, громко.

— Что ж ты их не позвал сюда? — поймал его взгляд Малхаз, пытаясь прочесть в них что-нибудь значимое и понятное.

Вахтёр отвёл взгляд и сделал вид, что не расслышал вопроса.

— Сколько там человек?

— Три!

Малхаз вышел из кабинета, и за ним последовал, шаркая высокими резиновыми сапогами, и сторож.

На площадке за воротами поблёскивал светло-жёлтый “Москвич”. Малхаз замедлил шаги и бросил идущему вслед:

— Ты никого из пришедших не узнал?

— Одного да. Лет пять тому назад он был оформлен у нас на заводе рабочим. Поговаривали, что был оком тогдашнего директора. Пробыл года два и куда-то бесследно исчез. Вроде бы загремел...

Не приходится сомневаться, что явились за птицы. Он толкнул от себя дверь проходной и остановился.

Сторож замер у стены и прислушался. Впрочем, в этом нет никакой надобности. И без того ясно, с чем явились пришельцы. Он, что-то бормоча и напевая себе под нос, прошёлся между резервуарами во дворе, не спуская глаз и с проходной. За дальним рядом ёмкостей возился механик Шакро, завидев его, двинулся навстречу.

На узенькой лавке вдоль стены проходной теснятся трое мужчин лет под сорок. Один крупный, плотный, большеголовый, глазастый и краснощёкий, второй низкорослый, но пухлый и круглый, как шар, третий, видимо, высокий и тощий, бесцветный и блёклый.

Напротив них восседает винодел завода. Он недовольно морщится, должно быть, после разговора, предшествовавшего появлению завпроизводства.

Поздоровались за руки.

— Пройдёмте ко мне, там будет удобнее...

— Да нет! Мы ненадолго, — заколебался крупный и краснощёкий. — Из зоны мы... в побеге. Думаю, вы нас поймёте.

— Слушаю вас, — насторожился Малхаз, взгляделся в каждого по отдельности и остановил взор на своём понурившемся виноделе.

— Попали в трудное положение... Не то бы не беспокоили вас. Посодействуйте тремя тысячами рублей.

— Что я могу вам сказать, ребята! — задумавшись на мгновение, отозвался Малхаз. — Очень бы хотел вам помочь. Но как? Мы ещё сами не знаем, сколько и какое вино получим. К тому же и времена не прежние, те ушли в прошлое.

— Это мы знаем. Знаем и то, какой вы человек. Поймите нас по-мужски и помогите хотя бы чем можете. Совесть не позволяет настаивать.

Последние слова подкупили Малхаза. Случается, что у проворовавшегося совесть чище, чем у прикрывающегося дипломом чинуши на немалом посту. Он позвонил безмолвно сидевшему в уголку винодела и вышел с ним из проходной:

— Можно, как ты думаешь, что-нибудь сделать?

— Да надо бы. Как-никак один года два работал у нас. Негоже спроваживать с пустыми руками. Может, что соберём?

— Что-то в них меня подкупило, конечно... Но и трёх тысяч нам не раздобыть. Хорошо, если полторы наскребётся. Не хочется бросать ребят в беде...

Винодел приободрился от слов начальника. Отлегло от души.

— Попросим в долг у завлабораторией Гугули, — предложил он выход. — Уж она-то достать сумеет.

Так и сделали.

Сообщение сторожа Ушанги о явившейся троице встревожило мирно обходившего и осматривавшего резервуары механика Шакро. Он скинул с головы и расправил на бетонном бруске лёгкую летнюю кепку и опустил на неё. Отёр платком со лба пот.

— Да ну, Ушанги! Глазастый думает, что всё осталось таким же, как пять лет назад. Мы тогда на сборе работали не покладая рук, семь потов проливали, а он все три месяца разгуливал, заложив руки в карманы, как петух со шпорами. Появлялся ну разве что три раза в неделю, а в остальное время попойки, пирушки, словом, вино. А к концу сезона стопки денег в карман.

— Ради Бога, не напоминай, Шакро, то треклятое время, — перебил его Ушанги. — Разогнуться не могли тогда после того, как всю ночь таскали на спине мешки с сахаром.

— Сам, небось, понимаешь, для чего!

— Тоже мне, головоломка! — усмехнулся Ушанги. — Подогнать план и обеспечить очередную звезду героя Платону Коришели. Мало было таких, что купались в деньгах? А другие... а мы... Впрочем, мы что тогда, что сейчас перебиваемся...

Он с отвращением плюнул через плечо, вытащил пачку сигарет, протянул Шакро, закурил сам.

— Иногда, как начнёшь вникать, так душа не выдерживает, сердце... Вот мы, а вот англичане, японцы, корейцы... Чем они лучше? И при чём тут строй? Строй формируют сами люди... Народ.

Завидев идущего в их сторону начальника, он сразу умолк, толкнул в плечо Ушанги: разойдёмся, мол, по своим рабочим местам.

Малхаз решил обойти в сопровождении винодела Левана ёмкости с вином, которые приходилось держать под открытым небом. Беседующих вахтёра и механика они заметили ещё издали:

— Нашли время отсиживаться! Нужно собрать людей, перелить сусло, вычистить и выполоскать ёмкости!

Механик смутился, даже покраснел, быстрым движением натянул на голову кепку, подхватил неразлучный инструмент.

— Бу сделано, начальник. Я никакого дела не задержу! — бросился он отворять заслонку ближайшего пустого резервуара.

Ушанги боком двинулся к проходной, проверил замки ворот, взгляделся в расстилающуюся за ними дорогу. Асфальтированная магистраль, проходящая по центру деревни, под лучами солнца отливала ослепительным блеском. Ушанги притемнил лоб ладонью, сощурился. По сбегавшей со склона дороге полз, как черепаха, золотистый “Москвич” троицы беглецов из зоны, и Ушанги не отрывал от него взгляда до тех пор, пока тот не скрылся из глаз.

— Э-эх! — слился с лязгом ворот вырвавшийся из груди его глубокий вздох.

Внедрявшиеся последние десять лет фальсификация и приписки, как чума, охватили все виноградарские и винодельческие районы республики.

Крестьяне-виноградари сдавали государству весь сбор с приусадебных участков до последней грозди, не оставляя себе ничего даже для повседневного употребления. Так предпочтительнее, экономически выгоднее, сахар дешёв, вода даровая.

В пору сбора к давяльным цехам винзаводов тянулись длинные очереди людей с мешками под мышками, чтоб незаметно вынести со двора сусло и разлить по кувшинам фальсифицированный сок.

— Но где великолепные, ароматные грузинские вина? — спрашивали культурные их потребители — русские и казахи, христиане и мусульмане, буддисты и иудаисты.

Попрана слава грузинской лозы, она утратила своё прежнее достоинство. Сравнились цены на трудоёмкий виноград и не требующую особых усилий кислую сливу — ткемали. Труженик охладел к недавней своей гордости — винограду и замахнулся на него топором.

Приближаются к грани уничтожения посадки на приусадебных участках. Лозу выкорчёвывают, а землю пускают под более выгодные, бахчевые культуры. Закупочная цена винограда слишком низка, осознают и крестьяне, и некрестьяне, и учёные, и неучёные. Далее разговоров дело не идёт.

Малхаз Махатели пришёл на винзавод в пору именно такого состояния виноградарства. Человек с чувством ответственности, специалист-профессионал, он не мог не принять близко к сердцу беды лозы и вина. И, подняв проблему на государственный уровень, вынес её на обсуждение властей и народа, выступил со статьёй в республиканской газете “Соплихovreba” (“Сельская жизнь”), коснувшись, в частности, вопроса о необходимости повышения закупочных цен на виноград.

К чести властей следует сказать, что спустя три месяца после публикации цены и в самом деле повысили. Стоимость сорта “цицка” поднялась с шестидесяти копеек до рубля.

Орбетский же винзавод был в районе единственным, принимавшим этот сорт к переработке. Из близлежащих сёл к заводу потянулся гружённый виноградом транспорт. Производство с трудом справляется с переработкой обильно поступающего винограда.

Завод понемногу возвращает себе былое достоинство и славу. Поставщики винограда твёрдо уверены: здесь не будет злоупотреблений ни в опделении сахаристости, ни в весе.

Приём всё прибывающей продукции длится до часа, до двух часов ночи.

Малхаз Махатели принимает урожай уже второй раз, второй год.

Мягкая, тёплая ночь. Двор завода, въездные ворота ярко освещены. Перед ними стоят с десятков гружённых дополна автомашин. У обочины дороги громко спорит, почти кричит небольшая толпа сопровождающих.

Выясняется, что председатель колхоза Бесо Мухадзе, сдающий урожай вверенного ему хозяйства, приехал с пирушки навеселе, расшумелся, и его никак не могут унять. Трезвый он спокойный, рассудительный, но бутылка вина развязывает ему язык настолько, что он выходит из равновесия, как река из берегов после продолжительных дождей. Всего час, как он ушёл с застолья, и сейчас решил выяснить отношения и посчитаться с виноделами завода. Стоит, опираясь о борт “Виллиса”, который его возит. Заметив приближающегося давнего друга и кореша Малхаза Махатели, приумолк и с вопросительным выражением лица сделал шаг навстречу.

Поздоровались, похлопали один другого по плечу.

— Чего ты, Бесо?

— Да как чего?! Сдал я тебе двести тонн колхозного винограда? — он оглядел собравшихся вокруг и увлёк Малхаза в обход цепочки машин.

— Сдал! Так что же? С весом что-нибудь? С сахаристостью?

— Не в этом дело! — качнулся на нетвёрдых ногах Бесо. — Нет! С тех пор как ты пришёл сюда, такого не случается.

— А прежде случалось?

— Прежде! Прежде с машины килограмм по тридцать, по сорок при-
сваивали! Да содержание сахара сводили с двадцати трёх процентов к
пятнадцати.

— Ну так в чём же дело?

— В том, что мне это было предпочтительнее. Они и сами приворыва-
вали, и со мной делились, и мне в карман совали квитанцию на пять тонн,
— распахнул он пиджак и указал пальцем на нагрудный карман.

— Стало быть, обкрадывали колхоз, околпачивали людей, — не же-
лая вступать в спор с другом, рассмеялся Малхаз. — Так, что ли?

— Ну что ты, ей-Богу, как первоклассник! Колхоз! Колхоз... да пусть
огнём горит! Домой-то, в семью, надо принести?!

— А ты что же, Бесо, не знаешь, что при таких делах у предшествен-
ника моего обнаружилась недостача целого моря вина, и где он теперь? —
воздержался от дальнейших упоминаний Малхаз.

— То есть как?! — подался Бесо вперёд, хлопнул в ладоши и затенил
рукою наподобие козырька лоб. — Ты что же, собираешься работать честно?

— Как видишь!

Бесо в раздражении вспрыгнул в свой “Виллис”, бросил водителю:

— Поехали! — и высунул голову в окно: — Бог тебе, брат, в помощь! Не
думаю, чтоб из этого что-нибудь вышло! Не перейти тебе брода.

О перепалке председателя Бесо Мухадзе и завпроизводством Малха-
за Махатели руководству завода стало известно на следующий день. Со-
общил весть замзавпроизводством Чантуридзе. При разговоре присутство-
вали двое — директор Бакур Члаидзе и главный винодел.

— Да ну его, этого председателя! Трезвый он туда-сюда, а с одной
бутылки — скандалист, драчун и дебошир, знай только обходи за три вер-
сты. Уж я от него натерпелся! Каждый сезон мучил. Все виноделы, зави-
дев его пьяного, разбегались врассыпную! — аттестовал председателя глав-
ный винодел Джемал Гегешидзе, а уж он-то знал его по десяти, если не
больше того, годам совместной работы.

— Я не хуже тебя знаю, что за птица Бесо! — встрепенулся Чантуридзе.

Директор заинтересовался совсем другим:

— Джемал! Вроде это ты выписывал ему фальшивые квитанции. А?

— Тогда было другое время! Тогда и Малхаз Махатели поступал бы так
же. Что делалось, и сейчас страшно вспомнить. Воды и сахара не жалели,
лили и сыпали! К чему только не принуждали! Откуда тебе знать? Ты тог-
да работал за пределами республики и не видел всего этого безобразия.
Завод вынес такое!..

— А почему сейчас не может вынести? — сузил и направил на вино-
дела мутные, как у зайца, глаза директор.

— Я же сказал, — от души рассмеялся Джемал Гегешидзе, — сейчас
совсем другое время. Сейчас и я бы поступал, как Махатели. Нужно учесть
ещё и второе: у здешних сортов винограда кожица ягоды плотная и соот-
ветственно выход сока значительно меньший. И третье: поставщики из
окрестных деревень народ сложный. В каждом типе сидит по три обман-
щика и пройдохи. Все норовят обвести винодела вокруг пальца. И этого

никто не может пресечь. Я все их проделки вынес на своём горбу, так что тамошнего винодела можно только пожалеть.

— Так ты полагаешь, — потёр бровь Члаидзе, — Махатели не уважит и не потрафит нам по окончании сбора?

— Этого я сказать не могу. Подождём, поглядим!

Новый партиец Мадонна Дейсадзе

Стоит первый месяц весны.

Отзимовавшая под снегом земля свободно дышит и исходит паром.

Слышно, как на долго дремавших деревьях потрескивают, лопаясь, набрякшие почки.

Везде всё гуще и заметнее зеленеет.

Оглушительный щебет разносится по примолкшей было зимой окрестности. Певчие птицы наперебой, не жалея горлышек, что ни утро и вечер, вступая в неразрывный контакт с окружающим, звенят на всевозможные голоса.

Медведь, рыча, потягиваясь после спячки, широко позёвывая, вразвалку тянется к свежееющим зарослям каштана в надежде откопать из мягкой сейчас почвы прошлогодние плоды.

Вереницы людей с заступами и лопатами через плечо шагают по вязкой ещё земле в виноградники, на поля, луга. В них работы и работы! Но вечером можно немножко отдохнуть у телевизора. Впрочем, наслушаешься такого! Много, много нового происходит в мире и в стране. Идёт активный натиск на советский строй. Новым партиям несть числа, лезут, как грибы после дождя. Пресса бурлит. Неужели грядёт новая революция? — содрогаются от ужаса некоторые, порядком развитые и образованные. — А нужна ли она? — задаются вопросом самим себе.

Огромная страна очерчивается бурными океанскими валами. Хорошо что природа здесь на таком фоне предстаёт спокойной, мирной и ласковой, хоть весна и ведёт к переменам. Жизнь сейчас, как загнанное в кувшин молодое вино, бурлит и разбрасывает брызги.

Чтоб вино побыстрее унялось, умелый, знающий винодел время от времени снимает с горла кувшина покровы и размешивает сок длинной палицей. То, что с вином при этом делается, более всего сходно с нынешней жизнью, если взглянуть на неё трезвым, пронизательным оком. Будто сотни и тысячи резкими движениями размешивают, пробуждают, подстёгивают кипящую и бурлящую смутную сегодняшнюю общественность, дабы вовремя усмирить и охладить её пыл.

Так везде — начиная от центра и кончая самой глухой деревушкой. Впрочем, нынче её ещё поискать! Куда только не подведена шоссейная дорога, автобусные маршруты, телевидение. Везде высятся двухэтажные здания школ, завозятся журналы и газеты, битком дипломированных специалистов.

Да, ликвидируются различия между городом и деревней, так резко бросавшиеся в глаза до революции. И всё же — нужно ли это?

В столице Союза, в столицах республик, областях, районных центрах проходят многотысячные митинги. У микрофонов на наскоро сколоченных трибунах сменяют друг друга десятки ораторов, в основном молодых. Молодёжь преобладает!

К высящимся на площадях гранитным и бронзовым монументам подкатывают грузовики, и в них с грохотом летят подхваченные канатами и сбитые с пьедесталов вчерашние идола. С грохотом сливаются оглушительные рукоплескания, поощрительные выкрики, проклятия и ругань в адрес свергаемых.

Махатели ещё не присутствовал ни на одном из митингов. Пока что только с чужих слов знает, что там происходит. Но у него уже формируется свой, правда, сторонний взгляд на события. В провозглашаемое верхоглядями с трибун ему верится, хотя, порой его посещают сомнения и в самом себе. Публично избегает, но в кругу знакомых и близких нет-нет да и отметит: какой смысл подражать другим народам и странам? Если рядом живут лучше, так, как подобает жить законопослушным, предающимся труду просвещённым честным людям, значит, там они лучше нас. Лучше лучшего на свете не переведётся. Но ведь из этого вовсе не следует, что нужно громить и разорять то, что возведено предками и может ещё послужить. Впрочем, об этом, увы, поговоришь не со многими. Бог их знает, как они нынче настроены. Мало ли?!

На митинги его положительно не тянет. Но в последнее время нет-нет да и приходится заглядывать туда ненароком.

Вот и сегодня он едет по делу в город на своей машине.

На центральной автостанции, как всегда, толчея, суета и беготня между гудящими и пытящими автобусами.

Выйдя из машины, он направился к газетному киоску. Взглянул на часы: почти одиннадцать. Воскресенье. Дел в городе много, но нужно успеть переделать всё за два-три часа.

Один за другим подкатывают автобусы из ближних и дальних деревень. Из них высыпает по большей части степенные сельчане, нагруженные сумками, мешками, корзинами. Быстрее бы распродать их содержимое и, набив городскими товарами, через пару-другую рейсов тем же путём отправиться обратно домой.

Внимание Малхаза привлёк громкий разговор выпрыгнувших чуть ли не на ходу из замедляющего ход автобуса людей. Судя по надписи на борту машины — рейс из соседней с Малхазовой деревни. Одними из последних вышли молодая, лет двадцати семи-двадцати восьми, рослая, с вызывающим лицом, обрамлённым спадающими на плечи подкрашенными в красный оттенок волосами женщина, и аккуратно, скромно одетая, пожилая её товарка. Они горячо о чём-то спорили.

Пожилая стояла у двух высоких, обвязанных поверху тканью корзин.

Молодая удерживала за ремень рукой с наманикюренными в желтоватый цвет пальцами перекинутую через плечо сумку и, видимо, испытывала неудобство из-за остроносых туфель на высоченных каблуках.

И о чём они спорят? — насторожился прислонившийся к стене Малхаз.

— Мадонна Дейсадзе! Возмись за ум, пока не поздно. Ничего хорошего не жди от тех, что день и ночь пропадают на митингах!

— Тётя Натэла! Вроде никто не назначал вас мне в наставницы! Я не дитя, и могу отличить хорошее от плохого, белое — от чёрного!

— Ничего себе, отличаешь! А чего тогда бросаешь одних слепую свекровь, обезноженного свёкра и трёх малых ребят? Мотаешься по митингам в райцентре и столице, а дойная корова мычит на привязи в глубоком овраге, без капли воды в такую жару! У меня душа разрывается...

— Тётя Натэла, пригляди лучше за своими домашними да за своею коровой!

— Я и гляжу! А твоих ребят жалко, слоняются целыми днями без присмотра! Небось, все, кто там собираются, только и ждут, как бы чем поживиться. А чего ждёте такие, как ты? Забыли, что дело женщины — дом и семья?

— И чего ты, тётя Натэла, разбираешься со мной здесь, при всём честном народе? Каждый знай своё дело! Ну, я пошла!

Пробежав несколько шагов, она резко обернулась, грубо бросила:

— Если хочешь знать, я и сейчас спешу на митинг на площади перед театром! — и скрылась из виду.

— Как же! Как же! Без тебя там не начнут! — махнула ей вслед рукой Натэла и повернулась к своим корзинам. — Мне семью её жалко, а саму-то... пусть идёт хоть к самому чёрту! Тут своих забот по самое горло...

Малхаз сложил газету и двинулся уходить. Остановила его беседа, можно сказать, реакция разложивших и расставивших неподалёку от него, в ожидание автобуса, свои корзины и сумки женщин.

— Родня твоя, что ли? — приступали они с вопросами к Натэле.

— Соседка! — поясняла им Натэла. — С тех пор как началась эта кутерьма да неразбериха, потеряла покой, рвётся на митинги! Сейчас немало таких пошло!

— Ну! И у нас их навалом! — в один голос воскликнули бабы, среди которых выделялась плотная, краснощёкая, с обширным подрагивающим брюхом. — Так что же, муж не может привести её в чувство? — отломила она кусок лаваша и протянула его притулившемуся у её юбки мальчишке: — Ешь! Не то, пока попадём домой, пройдёт часа два, а то и больше.

— Муж! Верзила и силач такой, что с места не сдвинешь, а с женой тряпка тряпкой!

Женщины расхохотались.

Малхаз тоже не смог сдержать улыбки.

— Ну и где он вкалывает? — спросила старуха с повязанной чёрным платком головой.

— Преподаёт... Учитель!

— О-о-о! — вырвалось разом у всех.

Уловив живой интерес, Натэла продолжила:

— Свёкр и свекровь, пока были силы, работали засучив рукава... и в поле, и в винограднике... и в колхозе, и на приусадебном участке... Поставили добротный двухэтажный кирпичный дом. Обстроились. Занялись хозяйством. А сейчас по двору не пройдёшь, весь зарос сорняками. Заметили, какие у неё руки? Ногти, как у орла, и что ни неделя, красит их...

— Да-да... невестушка! Такая весь очаг разорит за милую душу! — вздохнула краснолицая. — У меня сын неженатый, так я что ни день молю Господа послать работающую сноху.

— Одной молитвой, голубушка, не обойдёшься, — прижала руку к груди Натэла. — Свекровь Мадонны этой не молилась, как ты думаешь? А видишь, что получилось? Чего ждать от такой недоучки? — показала Натэла рукой в сторону, куда направилась Мадонна. — Да и учёные, вижу, сошли с панталыку! Слышали, наверно, о нашем односельчанине, профессоре Вахтанге Чиковани. Одно время был то ли министром, то ли замминистра...

— Слышали. Как не слышать! — хором подтвердили женщины.

Малхаз в нетерпении взглянул на часы. Нужно было торопиться. Но любопытно было бы узнать, что же скажут сельчанки о Чиковани. Пока было нужно, тот таскал билет Компартии в нагрудном кармане, а теперь выбросил и переметнулся в новую партию. Рвётся в парламент... Нередко появляется на телеэкране.

— Чем только не помогал ближнему в министрах, — продолжала между тем Натэла. — Устраивал в институты! Вся молодёжь из нашей деревни попала, куда желала, с его помощью. Разумеется, не бескорыстной! За это и погнали его из министров. Теперь выступает с речами на митингах, по телевизору... поругивает тогдашние власти, строй. Тот самый, что вырастил и служил ему. Хочет снова взобраться на высокое кресло. Понятно, министерское. Но чего добивается эта пустоголовая Мадонна?!

Из-за двери автостанции показался крупный пузатый мужчина с листком бумаги над головой и хриплым голосом провозгласил:

— Ну, где мои пассажиры?! Кто со мной в Ткемлиани? А ну, живо в машину! — ловко распахнул он дверь автобуса и дал короткий сигнал.

Потом опустил на баранку мощные длани и принялся ждать.

Натэла отодвинула свои корзины, чтоб пропустить уезжающих.

Малхаз Махатели торопливо шагал к стоявшим в дальнем конце пристанционной площади вишнёвым “Жигулям”.

Спасибо водителю автобуса на Ткемлиани — помог ему оторваться от наивных пересудов сельчанок о нынешних делах в стране. Что же, глас народа — глас Божий! Но народ ныне буквально одержим политикой, болен ею, и ему нужен врач, исцелитель. Если б все думали и заботились о деле собственном — крестьянин о земле, рабочий о заводе, учитель о школе, медик о больнице, домохозяйка о семье, — многое бы пришло в порядок. А что происходит в жизни? Пустоту в сознании многих, очень многих, наскоро заполняют бациллой политики всеми средствами информации: с экрана телевизора, радиоэфира, со страниц прессы. Бациллы легко внедряются и быстро распространяются. Испокон веков внимание людей сосредоточивается на отрицательном, к нему прислушиваются, присматриваются, обсуждают. Положительное интересует куда меньше. Спросишь, что самим им не нравится и не устраивает в существующем, и не получишь вразумительного ответа. Прислушиваются к стуку шагов и покорно и бездумно следуют за ними. Как плывущая по тропе овечья отара, в жаркий день прячущая головы в ногах идущего впереди. Звенит колокольчик вожака, и если он подойдёт к краю пропасти, вся длинная неразумная цепь свергнется вместе с ним.

Малхаз порядком задержался, очень теперь спешил по делу к другу, проживавшему у небольшой площади в Сапичхии, и решил ехать по короткой дороге, наперерез через центр. Но центр запружен толпами митингующих. Машина не самолёт, и над ними не пролетишь. Уж не вернуться ли назад и не поехать в обход? Но... нет! — сжал он баранку. Надо же хоть раз послушать-поглядеть, что это за митинг, тем более такой многолюдный.

Сюда, видимо, давеча и устремлялась Мадонна Дейсадзе из Ткемлиани. Он откатил машину задним ходом к обочине и поставил в укромном месте.

Забитая людьми площадь перекатывалась, как поверхность озера в непогоду под ветром, и жужжала не хуже пчелиного роя в улье.

Кого только здесь сейчас не было! Преобладали представители и делегаты от наиболее крупных производств и предприятий города.

В руках многих развевались флаги и тянулись транспаранты. “Автозавод”, “Шелкоткацкий комбинат”, “Литопонный завод”, “13-я средняя школа”, “Политехнический институт”. Транспарантов ещё много, но надписей на них Малхаз разобрать по отдалённости не может.

С насоро, видимо, сбитой дощатой трибуны горластый оратор обращается к собравшимся с пламенным призывом к чему-то. Время от времени из толпы вырываются поощрительные, подзадоривающие выкрики. Их поддерживают громом рукоплесканий. Гулкие волны голосов растекаются по прилегающим улицам и умолкают в далёкой дали.

Малхаз протискивается поближе к трибуне в надежде найти знакомого, оглядывается по сторонам. Уж не та ли это женщина с красноватыми волосами, которую давеча пробирала на автостанции соседка? Точно. Она! Стоит в окружении толпы близ самой трибуны, опершись о её подножье, прикрыв глаза огромными тёмными очками и вытянув, как голубка, шею. Вперяется и вслушивается в оратора.

Она! Или он ошибается?!

Женщина между тем сняла и сложила очки, раскрыла объёмистую сумку и опустила их в неё. Он и сумку узнал. Конечно, та самая.

Все стоявшие у трибуны, кроме неё, уже выступили. Но что скажет она, вряд ли прежде представавшая перед столь многочисленным сборищем?

Красивая, полная энергии, молодых сил, плотно заполняющая цветастое платье гибким, здоровым телом, на трибуне красуется, как роза в высокой вазе. Покачивается в такт волне согласных с ней возгласов, как тростник под ветерком.

Жара нарастает и к полудню оборачивается на площади духотой.

Митинг приближается к концу.

К трибуне подходит ведущий с громкоговорителем в руке.

— Друзья! В едином порыве отправимся пешком к храму Гелати! — простирает он руку в названном направлении. — Вознесём молитву за дарование нам победы!

— Вознесём! — разом выдохнула многотысячная толпа.

Площадь качнулась мощной волной, как внезапно нашедшая выход запруженная река, и мерно потекла в русло узкой, круто ведущей вверх улочке.

Во главе потока шествуют организаторы с флагами и откуда-то появившимися крестами.

До храма чуть не три десятка километров.

Рати не страшны ни зной, ни предстоящий отнюдь не короткий пеший поход.

Улочка понемногу втягивает в себя толпу.

Острый глаз Малхаза Махатели мгновенно улавливает: те, что притирались к самой трибуне, дождались, пока площадь немного освободилась, расселись по трём легковым машинам, те юркнули в сторону, видимо, с тем, чтобы в объезд далеко опередить ход толпы и примкнуть к ней уже у подходов к цели.

В замыкающей тройку машин “Ниве” у окна с флагом в руках восседала Мадонна Дейсадзе.

На опустевшей площади перед драматическим театром остались лишь распростёршийся навзничь на земле старик лет семидесяти и в ужасе склонившаяся над ним и в отчаянии умолявшая о помощи молодая девушка:

— Помогите, люди добрые! Сюда! Дедушке дурно... О Господи, что с ним?!

Дрожащими руками она расстёгивала на груди у деда рубаху, тормошила его, просила очнуться.

Двинувшийся было к своей машине Малхаз замедлил шаг, прислушался и, уловив слова, бросился на площадь.

Подбежав, тотчас узнал в седовласом старце своего дальнего родственника Геронтия Замбахидзе. Его хорошо знали в городе. На протяжении двух десятков лет он руководил одним из передовых его предприятий — мебельной фабрикой. Можно даже сказать, был её строителем и основателем. Продукция фабрики получила известность и добрую славу во всём Советском Союзе. Выполнялись заказы и из-за границы. К двадцатилетию фабрика была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Спустя три года было переизбрано руководство республики. В индустриальном центре оно появилось в лице нового первого секретаря горкома. Первый секретарь вызвал Геронтия к себе и предложил оставить должность. Причина? Разумеется, никакой причины. Просто-напросто руководство пожелало поставить своего человека.

Геронтий выразил резкий протест — до выхода на пенсию-де, мне осталось всего три года, вот и нужно их отработать. Учесть это секретарь горкома и не подумал. Наслал на предприятие финансовую ревизию, та всё поставила с ног на голову, добросовестного, заслуженного работника провозгласила главой группы махинаторов, он был отдан под суд и попал в заключение. Старый коммунист, порядочнейший человек десять лет протирал тюремные нары.

Всего года два как его выпустили на свободу. Сейчас зачастил на митинги. Можно сказать, не пропустил в своём городе ни одного. В глубине души затаил обиду. На митингах немного отводит душу.

В машине старик немного отдышался от жары, начал медленно приходить в себя, размежил веки. Они с внучкой сидят на заднем сиденье. Малхаз оглядывается и спрашивает у девушки:

— Куда поедет? В какую больницу?

— Домой бы! Мама врач, сделает ему укол и всё нужное...

К счастью, врач оказалась дома. Первая же инъекция привела старика в чувство. Он приподнялся с подушек и окинул взглядом ещё не успевшего уйти Малхаза.

— Молодой человек! — проговорил с чуть заметной улыбкой. — Не сын ли ты Акакия Махатели — Малхаз?

— Да, дядя Геронтий... Сын! — с улыбкой же отозвался Малхаз. — Как вы меня узнали?

— Память, как погляжу, ещё не подводит. Не подводит..

Невестка сделала знак рукой девушке, своей дочери, и та, не прошло и десяти минут, подкатила к гостю невысокий столик с фруктами и коньяком.

Давно, в годы пребывания директором фабрики, Геронтий Замбахидзе захаживал в дом Махатели. Как-никак, крестник деда Малхаза. И после отбытия Геронтием срока мимолётно виделись ещё пару-тройку раз: в чёрный день, когда через шесть месяцев после возвращения Геронтия скончалась его жена, и потом на сороковой день и на годовщину её смерти. Только и всего.

“И впрямь память что надо”, — разлил по рюмкам коньяк Малхаз и выпил за здоровье Геронтия Замбахидзе.

Недолгое молчание прервал всё более приходящий в себя хозяин дома.

— На сегодняшний митинг, брат, меня привело неодобрение нынешнего руководства, — перевёл он дух, — руководства, которое извращает и компрометирует строй. А что тебя, неглупого человека, туда занесло? Как я понял, ты возглавляешь что-то на винзаводе...

— Я на митинге оказался случайно, дядя Геронтий! — откровенно и искренне признался Малхаз.

— Благодарение Господу, на моё счастье и спасение, — осенил себя крестным знамением Геронтий. — Такое разнузданное руководство, предающее свой народ, конечно, следует устранить. Но не подумай, что я противник строя вообще. Не в этом дело. Главное — быть человеком.

Слово за слово беседа затянулась, пока утомлённый Геронтий не задремал.

Перекатывающийся людской поток миновал городскую околицу и растёкся по шоссе, избегающему к Гелати.

Мощные возгласы идущих впереди знаменосцев и набирающий силу шум движущейся толпы разрывали тишину и оглашали окрестности.

Шли плотно взявшись за руки и пели, в основном о родине и народе.

Высыпавшие из-за калиток старики и дети удивлённо осведомлялись, куда движется толпа, которой не видно конца. Что за шествие? Уж не второе ли пришествие? Ребяшня на бегу вдоль края потока взирала на него зачарованными взглядами, но узнать у поющих ничего не удавалось.

Пятилетняя девчушка тормозила старшего, восьмилетнего брата:

— Куда дядя идут пешком? Что, автобуса не дождались?

— Разве хватят на них автобусов, глупышка? — приподнимаясь на носки, вглядывается в ряды мальчик. — Вон их сколько, хвоста не видно!

Герои своего времени

— Вот, ей-Богу, угодил в кутерьму! — медленным шагом движется по проспекту Чавчавадзе в Ваке чуть-чуть растерянный Махатели. — И здесь эти митинги и беспорядки!

То есть как это здесь! Здесь поток и начинается, а потом растекается по всей стране. Исток в столице! Здесь выявляется, будет поток прозрачным или мутным.

Сейчас Тбилиси возбуждён и замутнён, как вышедшая из берегов, ещё недавно чистая горная река, после долгих непрерывных дождей. Она несёт и перекатывает на бурно вздымающейся спине всё ненужное, отжившее, засоряющее — гнилые сучья, обрезки, пучки пожухлой травы.

Столица возбуждена, шумна, нервозна.

Ритм жизни полностью нарушен, ни учреждения, ни предприятия не работают, учебный процесс в институтах и школах давно прекращён.

Впрочем, никто и не тянется ни к труду, ни к учёбе.

Митинги... митинги... всюду митинги...

Чудная солнечная погода. Ни малейшего ветерка, ни капли дождя. Так и тянет выйти из дому, пройтись, прогуляться.

Людской поток прибил Махатели к выкрашенному в жёлтое трёхэтажному зданию в конце проспекта. Перед ним толпится чуть не сотня

мужчин и женщин в белых халатах. Они стоят группками под разлапис-
тыми елями и оживлённо беседуют. Говорят о своём. Вышли на улицу, по-
тому что последовал приказ начальства: оставьте рабочие места и проде-
монстрируйте солидарность с оппозицией. Что же, они это и делают.

В жёлтом здании размещается недавно открытая частная клиника,
в которой они работают и которой владеет профессор Вахтанг Чиковани.
Сам он в знак протеста против всего появился на улице первым.

Малхаз Махатели ещё издали приметил седовласого мужчину лет
шестидесяти в белом халате, с длинной заморской сигарой во рту, чинно
прогуливающегося по тротуару вдоль здания.

“Наверняка это Вахтанг Чиковани”, — догадался Малхаз, хоть никог-
да профессора вживе не видел. Только раз по телевизору. Помогло и это, и
то, что тот в белом халате и держится здания поликлиники.

Не полностью доверяясь себе, Малхаз всё-таки предпочёл подойти к
одинокое стоявшей под деревом женщине средних лет в белом, естествен-
но, халате и, извинившись, спросил:

— Скажите, пожалуйста, не Вахтанг ли Чиковани вот этот, — показал
он взглядом, — прогуливающийся человек?

— Да, это он! — подтвердила женщина. — Наш директор, профессор.
Почему вы интересуетесь?

— Да просто так! Где-то видел его давно и вот узнал, — скинул Малхаз
пиджак, перекинул через плечо, неторопливо отошёл от женщины и про-
должил свой путь. Он явно не ожидал встретить в этом околоте кандида-
та в депутаты парламента. Решение же принял мгновенно, отложил все
планы на день, повернул назад и направился к собравшимся. Поскольку
ему не довелось прежде видеть Вахтанга Чиковани, то хоть раз уж выпала
такая удача, как следует рассмотрит сейчас.

Конкурента же Чиковани, из блока коммунистов, Мхеидзе, он знает
хорошо, и не просто знает, а является его доверенным лицом.

Прогуливающийся между тем по краю тротуара профессор прибли-
зился к троллейбусной остановке, вглядываясь в подъезжающих, будто
кого-то ожидая.

Из одной из машин легко выскочила молодая стройная женщина в
красном, радостно вскрикнула:

— Батоно Вахтанг?! — и бросилась ему навстречу.

— О-о, Мадонна! Приехала? — с заметным удовольствием приветство-
вал её профессор.

Он пожал ей руку. Она поцеловала его в щёку.

— Ну как дела в районе, в деревне? — взял её под руку профессор,
забрасывая вопросами и отводя к стене.

— Неплохо! Идут дела, идут! — раскрыла женщина сумочку, достала
из неё конверт и передала профессору, который сразу же надорвал его и
принялся за чтение.

Махатели показалась знакомой и приехавшая женщина. Не та ли
это, что на минувшей неделе повздорила со своей соседкой на автостан-
ции? А спустя полчаса красовалась на трибуне, наскоро возведённой пе-
ред зданием городского драматического театра?

И вот, пожалуйста, явилась в Тбилиси!

“Мадонна Дейсадзе”, — он хорошо помнит эту выкрикнутую возму-
щённой соседкой её фамилию.

Он остановился в некотором отдалении от беседующих у стены. Вытянул из перекинутого через плечо пиджака свежую газету и углубился в неё. Кое-что из разговора доносилось до него. Нужно прислушаться получше. Кто и в чём может его заподозрить?! Ни один, ни другая его не знают. Неподалёку стоят три женщины и тоже беседуют. Правда, вполголоса.

Профессор же сочно басит:

— Мадонна, знаешь, дорогая, на районных выборах ни я, ни соперник не набрали нужного количества голосов. Коммунист Мхеидзе по их количеству меня здорово превзошёл, но для победы их ему не хватило. Всё-таки не хватило! Второй тур через месяц. Так постановила республиканская избирательная комиссия. Ты, как только вернёшься в район, сразу передай Нанули и Лео, чтоб подняли врачей. Нужно использовать не только врачей и медсестёр, но и технический персонал поликлиник, амбулаторий, больниц и медпунктов. Пойти в народ, привлечь на свою сторону друзей и всех близких. Из медперсонала всего района не найдётся ни одного, кому бы я хоть чем-нибудь не помог. А сейчас их поддержка требуется мне.

— Всех обработаем, господин Вахтанг! — с готовностью обещала Мадонна.

— Как показал первый тур, — продолжал профессор, неумоимо дымя сигарой, — команда Мхеидзе поработала лучше, чем наша. Особую активность проявило его доверенное лицо, какой-то винодел, подвизающийся на Орбетском винзаводе.

У Малхаза чуть не вскипела в жилах кровь.

— Ты не знаешь этого типа?

— Нет! Слышать вроде слышала. Отзываются неплохо.

— Да, видимо! Прошёл слухок, что Мхеидзе хочет приобрести этот завод. Вот этот тип и старается, лезет из кожи вон! — усмехнулся профессор. — Если победа достанется мне, не будь я Вахтангом Чиковани, если в какой-то месяц не выживу его с завода.

“Ничего себе помыслы у профессора”, — пронеслось у Малхаза, и он с отвращением плюнул в жёлтую стену, прикрывавшую собой частную клинику профессора.

Прокашлявшись и отерев платком губы, господин Вахтанг вернулся к интересующей его теме:

— Вчера в республиканском штабе нашей партии сказали, что в будущий четверг, тринадцатого мая, перед зданием райкома будет проведён многолюдный митинг с требованием отставки первого секретаря. Конечно, в нём примет участие и представитель нашей партии. Сам я не поеду, как-то неловко. Старое руководство заменено почти везде. На освободившиеся места назначены многие из наших партийцев. Нужно разобраться и с Зоидзе. Распустился!

Профессор оглянулся на рассыпавшихся по тротуару сотрудников. Те тусовались небольшими группками, судя по раздающемуся время от времени смеху, рассказывали друг другу анекдоты и вспоминали забавные истории. Опытный глаз заметил и прикрывавшегося газетой мужчину неподалёку у стены, вроде бы глубоко погружённого в чтение. “Кого-то ждёт у остановки?” — задался вопросом. Перенёс взгляд на проспект — по нему шумной толпой с развевающимися флагами шли вниз учащиеся. Детей много. Видимо, объединились несколько школ. По возрасту, должно быть, от пятого по самый выпускной класс.

Профессор взглянул на часы и звонко, чтоб было слышно всем, хлопнул в ладоши.

— Через час всем нам вместе нужно быть на центральной площади! — поманил он кривоватым указательным пальцем стоявшую неподалёку, по-видимому, свою заместительницу:

— Уважаемая Мзекала! Созовите всех и двинемся, чтоб не опоздать. Что-то, мне кажется, нас маловато!

— Большинство подойдут прямо на площадь, — заверила его заместитель.

— Уважаемый Вахтанг! Мне бы тоже очень хотелось побывать на митинге, — напомнила о себе Мадонна.

— Умница! Молодец! — легко потрепал её по плечу профессор. — Присоединяйся к нам! — и двинулся в окружении своих, не прерывая беседы: — Я вам составлю список обвинений, которые нужно предъявить секретарю райкома, и к тому же дам письмо к Нанули и Лео. Митингу надо придать прогрессивный, демократический характер и постараться, чтоб он не перерос в бессмысленный хаос.

Малхаз Махатели тем временем направился дальше своей дорогой.

Кто-кто, а уж он-то знает, какие дружеские отношения были прежде у секретаря райкома Зоидзе и заместителя министра Чиковани. Чиковани устроил на заметные и даже высокие должности в районе многих своих родственников и знакомых. Мог ли Автандил Зоидзе в чём-нибудь отказать такому протектору? К тому же он был предусмотрителен, строил далеко идущие планы. Вскоре сын его закончит мединститут и наденет белый халат врача. В этом смысле Вахтанг Чиковани просто незаменим. Ему во всём следует оказывать содействие и демонстрировать верность. Он, конечно, частенько встречает его широким, богатым застольем, когда тот приезжает навестить родную деревню и поглядеть отчий дом. Зоидзе тоже не ударяет лицом в грязь, устраивает изысканные банкеты в ресторане.

Малхаз чуть не рассмеялся прямо на ходу, вспомнив один забавный случай. Чиковани не щадит даже своего давнего друга Зоидзе, так пощадит ли его, какого-то Малхаза Махатели?

Автандил Зоидзе не сегодня-завтра сам слетит со своей должности, как перезрелая груша с ветки дерева. Разве требуется для этого раскачивать ствол?

Если измерять уровень нынешней жизни в метрах, то профессору Чиковани до абсолютной величины недалеко. Он обласкан удачей во всём. Личная жизнь идёт как по маслу. Не отстаёт и служебная — престижная должность, владелец собственной клиники. Но... всего этого ему мало. Он стремится к большему. Рвётся в парламентарии? Чтобы служить стране и народу? Ничуть не бывало! Ему смешно даже подумать об этом. Малхаз и сам в душе посмеялся над нелепостью такого предположения.

Несколько минут тому назад он, Малхаз, не только увидел, воспринял физически облик этого человека, но разобрался и во внутреннем, раскусил его, его натуру. Точней, тот сам волею случая неожиданно раскрылся перед ним. Оказывается, образование, учёная степень, общественное положение отнюдь не определяют уровня человечности их обладателя. Главное — нравственная позиция, высота сознания. С этой же стороны профессор Чиковани представлялся Малхазу просто-напросто пигмеем, куда более незначительным, чем даже, скажем, неучёный, необразованный крестьянин или рабочий. Последние никогда не станут лебезить перед тем, с кем когда-либо чокнулись стаканами вина. Такое сознание в них внедрялось из поколения в поколение.

Малхаз даже замедлил шаг, представив перед собой весы Фемиды с Чиковани на одной чаше и соседом-крестьянином Багратам Квирикашвили на другой.

Крестьянина потянуло вниз, профессора подкинуло вверх.

Склон поросшего лесом косогора в Багинети — великолепный фон для установки перед ним трибуны. Широкие естественные ступени, нерезко и неназойливо ведущие вверх, дают великолепную возможность для обозрения окрестности. Каких-то полчаса для монтирования радиоаппаратуры, и приветствуй по микрофону осеняемые знамёнами ряды колхозников, рабочих совхоза и других предприятий, учащихся, проходящие понизу и просматривающиеся как на ладони.

Попробуй пренебреги праздничным шествием Седьмого ноября или Первого мая. Реагирование будет незамедлительным, вплоть до увольнения.

Разве что учащиеся, пионеры в красных галстуках проходили мимо трибуны бесечно и беззаботно, наивно приветствуя стоявших на ней поднятием рук. В центре — первый секретарь райкома и председатель исполкома, по правую и левую руку от них надутые, как кувшины, члены бюро райкома.

Подобную форму проведения праздничных шествий ввёл руководитель республики Платон Коришели. Микроподобие помпезных демонстраций в Москве и столицах республик.

Достойны ли те, что на трибуне в Багинети, громких приветствий и поздравлений проходящих перед ними колонн? Многие знающие и учёные, а то и просто понятливые люди хорошо их знают и потому спешат пройти как можно быстрее с неприятным чувством сознания того, что пришлось прийти против желания. Кого им приветствовать? Бюрократов, лицемеров, взяточников? Трибуну уже более чем десять лет топчут кадры, подобранные и выдвинутые Автандилом Зоидзе и его предшественником Буду Курасбедиани. Их впору сравнивать с червём-древоточцем, не оставляющим в покое ствол дуба и доводящим его до полного усыхания.

Нынче трибуну украсили по-новому и сборищу придадут новое содержание. Никаких прежних гирлянд и полотнищ с призывами. Только микрофон, которым завладели стоящие в оппозиции к правительству. Глава района и председатель райсовета стоят чуть поодаль от микрофона и терпеливо вслушиваются в речи организаторов митинга Нанули и Лео, сменяющих друг друга.

Площадь и скверик перед райкомом, прилегающая к ним территория забиты народом. Яблоку негде упасть. Любопытные подростки усеяли, как дрозды, мощные ветви густых деревьев и награждают понравившихся ораторов оглушительным свистом.

Головастый рыжеволосый паренёк лет пятнадцати влез на трёхметровый столб колоннады и колотит ногами прогретый под лучами солнца камень. Ещё неделю тому назад столб этот увенчивался бюстом вождя мирового пролетариата Ленина, пристально вглядывавшегося прямо в здание райкома. Этот шедевр скульптуры был воздвигнут три года тому назад по инициативе Зоидзе и стоил бюджету района ни больше ни меньше, как двести тысяч рублей. Ну, три года всё-таки простоял!..

— Эй, ты, парень, оставь голову там, а сам слезай. Как бы не свалиться и не ушибиться! — шутит с рыжеволосым острослов водитель такси. Стоявшие вокруг весело хохочут.

Организаторы митинга Нанули и Лео считались приближёнными к районному руководству лицами. Так во всяком случае они воспринимались общественностью. Нанули, врач, более десяти лет руководила партийной организацией больницы. Доктор Лео возглавлял хирургическое отделение и в то же время почитался поставщиком теневых кадров для Зоидзе. По его рекомендации в последние годы было назначено чуть ли не десять руководителей производств и предприятий. Но вот уже год, как оба они откололись от Зоидзе, вступили в оппозиционный отряд профессора Чиковани, порвали свои партбилеты и подались в члены какого-то нового движения. Во всеулышание обвиняли районное руководство и не кого иного, как первого секретаря райкома, во множестве нарушений, взяточничестве и коррупции.

Зоидзе нервничал, вспыхивал от возмущения, кусал от злости губы. Эти докторишки-революционеры менее чем год тому назад лебезили перед ним, поскуливали, как щенки, а сейчас... сейчас... Кто другой бросал бы ему в лицо такое, он... н-ну, выдержал бы... Но они?!

У микрофона сменяли друг друга лидеры каких-то сложившихся в районе партий. Говорили горячо, вдохновенно, будто бы никогда не принимали ни малейшего участия в процессе разложения и затемнения сознания населения. Все в один голос предъявляли секретарю райкома обвинения в одном и том же: в вымогательстве денег, в злоупотреблении служебным положением, взятках, приписках, протекционизме, приводили конкретные примеры.

Их было множество.

Что он может сказать в своё оправдание? Не признаться же им, что ко многому он прибегал по указанию сверху, по настоянию Коришели и его окружения? Откажешься, и... прощай должность и положение!

Оттого рыльце у него и оказалось в пушку. Нажмёшь на тех, сам будешь не рад.

Вот и стоит он понурый, прибитый, сжавшись, как индюк под проливным дождём.

Куда делись его спесь и высокомерие, крикливость и удары кулаком по столу, к чему он так щедро прибегал, когда бушевал на пленумах, заседаниях бюро райкома, собраниях партактива.

— Исключить из партии!

— Снять с должности!

— Провести ревизию!

— Под контроль!

Многих слабых здоровьем и духом доводил до инфаркта.

И всё это не от заботы об общем, государственном деле, пользе населения, а от стремления отвлечь внимание и прикрыть флёром свои делишки.

Многие, даже большинство терпеливо сносило разносы, возражать не решалось. Чем можно было защитить и подтвердить свою правду? Невольно приходилось включаться в процесс растаскивания госимущества, способствовать вымогательству. Не согласен, свернут голову, как цыплёнку.

Таковы были многолетние, внедрившиеся стиль и методы управления. В этом смысле Автандил Зоидзе, как две капли воды, походил на своих коллег, коллеги же на него.

Но вот нынче... Площадь обратилась в коллективного обвинителя. Он пожинает плоды севшегося на протяжении семи лет.

К микрофону подошёл бодрый плечистый старик с открытым, вызывающим доверие лицом.

Митингующие замерли.

Человек почтенный, ветеран войны и труда Пармен Бухрашвили, стоит на трибуне. На груди его поблёскивает звезда Героя Социалистического Труда. Он стар, ему за восемьдесят. В районе его знают как человека дела и чести. Он не сразу решился подойти к микрофону, но подступающие к горлу обида и гнев не давали покоя. Нелегко, но нужно их высказать, излить, снять с себя тяжесть.

Он прокашлялся в кулак, обратил взгляд на стоявшего почти рядом с трибуной Зоидзе и махнул рукой в его сторону:

— В прошлом году я обратился к этому молодчику с просьбой выделить мне из спущенного на район государственного займа десять тысяч рублей. Решил на старости лет построить себе новый дом. Старый деревянный совсем развалился. Конечно, распределение займа не дело секретаря райкома, он не имеет к нему ни малейшего отношения. Им должен заниматься районный совет. Но не тут-то было. Секретарь всё прибрал к своим рукам. И все вы знаете, почему. Он забирает себе десять процентов выдаваемого. И это представитель власти, секретарь райкома партии? И народ соглашается, отстёгивает. И какой народ! Люди какого толка?! У кого всего навалом, по горло. Спекулянты, проститутки, воры-мошенники. А меня он спровадил с отказом. Вы знаете, что такое обида? Он буквально ошеломил меня своим ответом: “Нужно было обзавестись домом, имуществом, когда был в силе и состоял при деле”. — Он резко обернулся в сторону Зоидзе и бросил ему: — Тогда, в кабинете, я не сказал ничего, но сейчас дам такой ответ: в моё время секретари райкомов и председатели исполкомов не погрязали по горло в коррупции и честно служили стране и народу.

— У-у-у-! — в один голос возмутилась площадь.

Лидер одной из партий подошёл к понурившемуся Зоидзе и жестом показал, чтоб тот направился к микрофону и дал собравшимся объяснение: как, в отличие от этого почтенного человека, он использовал служебное положение, ведь далеко не все это знают.

Зоидзе, ошеломлённый, отшатнулся от наглеца, хоть и подумал: “Не выступить ли в самом деле и не предать ли гласности делишки самих этих Нанули и Лео, ведь сказать можно столько, что...”.

Но сразу отказался от этой мысли, осознавая, что собравшиеся не склонны, далеко не склонны ему верить, что пойдёт такая кутерьма... дело осложнится до предела. Время и обстоятельства работают не на него. Столько лет был на плаву, а теперь его относит от течения.

Из толпы митингующих выбрался пожилой согбенный человек лет не меньше семи десятков. Кто это? Откуда?! Вот, назвали: гробовщик Зосиме Худжадзе, из деревни Шавхеви. Ему-то что нужно? Чем он недоволен?

Зосиме знает весь район. У него сложный, тяжёлый характер, слышит неутомимым жалобщиком. Ни в колхозе, ни на тяжёлых земляных работах спины никогда не гнул. Выделенный виноградник запустил до полного высыхания. Не брал в руки ни кирки, ни тяпки. Со всеми, кто призывал его потрудиться на колхозных угодьях, вступал в длительные, бесконечные конфликты: с председателями колхоза и сельсовета, с бригадиром и землемером, участковым и фининспектором. Во дворе у него мастерская, но за плоды своего ремесла он запрашивает втридорога, от налогов же всячески уклоняется. Всюду утверждает, что кругом, во всём и всегда прав и безукоризнен. И неутомимо рассылает во все вышестоящие инстанции жалобы на “обиды и притеснения” со стороны властей.

Да, неприятный и опасный тип. Таких лучше обходить стороной. И все его знают за такого! Как говорится: хвалить хвали, а избегать избегай. Так родичи и односельчане и делают, обходят стороной. Власти тоже не приближаются, и он, секретарь райкома, сторонился. А сейчас от злости к лицу его приливает кровь, и он готов крикнуть: тебе-то, тебе что нужно?! Но крик застрял в горле, зато до слуха донеслись визгливые возгласы:

— Зосиме! Шуруй давай! Поставь им по гробу! — поощрительно гремело из первых рядов. По площади прокатывались волны рукоплесканий. Так что к трибуне старик подошёл уже под гром оваций, которые пришлось унимать поднятием руки.

Зосиме в жизни не приходилось стоять у микрофона. Он даже на собраниях в колхозе больше помалкивал, не отвечал на порой раздававшуюся в его адрес критику. Властей побаивался, поэтому демонстрировал терпение и выдержку. Да и оратором, надо думать, был не выдающимся. Где уж неучу проявить логику суждений и красноречие.

Но сегодня чутьё подсказывает Зосиме, что бояться сейчас нечего. Да и прежние его опасения властей вызывались не трусостью, а каменносердием и беспощадностью. Бить он и всегда предпочитал поверженного. Так можно ли ожидать от него пощады для тех, из чьих кабинетов он не раз выходил обруганным, с поджатым хвостом?

А сейчас его время!

Попутный ветер дует для него.

“Ну, Зосиме, не оплошай! Покажи им...” — подбадривает и подзуживает он сам себя.

Обойдя микрофон, он начал было перечислять и бросать свои обвинения прямо в лицо руководству. Но толпа внизу зашумела и потребовала:

— Не слышно, Зосиме! Говори в микрофон!

Тот подозрительно оглядел аппаратуру, но всё-таки подошёл:

— Фининспекция обложила меня непосильным налогом! Чего, в конце концов, я такого делаю? Сбиваю какие-то четыре доски. Не ракеты ведь запускаю в космос? А финотдел вздел меня, как поросёнка, на шампур. Если так продолжится, скоро мне придётся сколачивать доски для самого себя...

По рядам прокатился оглушительный смех.

Оратор приободрился:

— Старший сын мой Шакойя (парня звали Шалвой, но за ним закрепилось прозвище) привёз мне из леса на склоне горы сухостой каштана. Так его задержали, потребовали свидетельство на право вырубки. Наложили штраф и уперли на три года. И сейчас там. Обернулось бы так, скажите на милость, если б я сунул в лапу милиции? Вот в каком мы живём районе! Младший мой Томайя завёз из России машину сушёной рыбы. Перепасть ему могли какие-то жалкие копейки. Так милиция пришила бедняге целое дело. Пришлѣпнули ярлык спекулянта и дали целых пять лет. Представляете? Хорошо, попал под амнистию и обошёлся тремя годами!

— Да брось ты! — перебил его басистый голос снизу. — Кого сейчас интересуют делишки твоих Шакойи и Томайи! Говори о тех, кто сейчас стоит рядом с тобой!

— О ком? О нём? — оскалился Зосиме, обнажив ряд грубо посаженных золотых коронок. — Это ж растлитель всего нашего района! А до него, его предшественники, шкурники, как нас обдирали?! Этот, правда, всех превзошёл! Покойнику в гроб боялись положить сколько-нибудь денег. Приспешники не щадили, разрывали могилы!

Площадь долго одобрительно гудела, провожая Зосиме с трибуны.

После него выступили ещё несколько горлопанов.

Наконец ведущий, доктор Лео, объявил выступления завершёнными, от имени собравшихся предложил огласить обращение с требованием отставки районного руководства и передал листок с текстом представителю из Тбилиси.

Ровно через неделю после митинга созвали чрезвычайный пленум Багинетского районного комитета компартии. Освобождённому от должности Автандилу Зоидзе подыскивали местечко в столице.

Возглавлял республику ещё ЦК КП.

Советская власть кое-как держалась. Так что руль управления Багинетским районом вручили опять-таки коммунисту. Но знающему, энергичному, бескорыстному молодому человеку. Он взялся за дело с охотой и энтузиазмом. Но, увы, ему не светило задержаться на этой работе надолго.

В стране, как в кувшине с виноградным суслом, всё кипит, вздувается и бродит.

Процесс неостановим. Жизнь несётся, как кадры кино. Один день не похож на другой. Сегодня и в помине нет того, что было вчера. Завтра и помнить не будут о сегодняшнем.

Руководитель района

Член одной из новых партий профессор Вахтанг Чиковани на выборах победил с небольшим преимуществом коммуниста Павле Мхеидзе. Заделался депутатом нововведённого парламента.

Новопартийцы одержали победу в масштабах всего государства, начиная с Москвы.

Советская страна распалась, советский строй рухнул.

Украшал он или уродовал карту мира, определит лишь будущее.

Парламент республики принял меморандум о независимости.

Уже независимой страной правят новопартийцы.

Структура управления изменилась. Бывший секретарь райкома стал называться “гамгбели” — управителем.

Управитель руководит сейчас и Багинетским районом.

По ходатайству депутата парламента Вахтанга Чиковани и при поддержке гамгбели Багинетского района управление селом Ткемлиани поручили новопартийке Мадонне Дейсадзе.

На волнах бурлящей общественной жизни взлетел вверх и новопартиец Зураб Леладзе, гамгбели Багинетского района. Он родился, вырос и окончил школу в селе Багинети. В институте учился в Тбилиси. Получил специальность инженера. Семьей и работой обзавёлся тоже в столице. После родителей продал отчий дом и участок и порвал все связи с деревней. Никогда не интересовался политикой, не имел ни навыков, ни склонности к руководству. Никогда не мечтал быть во главе даже самого небольшого коллектива, не говоря уж о целом районе республики. К политике прикоснулся, вступил в новую партию под влиянием и давлением жены. Но митингами не увлекался, никогда на них не ходил. Разве что супруга тащила за своей юбкой насильно, к его огромному неудовольствию.

Зато сама супруга, Кекела, была яркой активисткой.

— Послушай, Зура! Скажу тебе, что все наши друзья и коллеги повступали в новые партии. Погляди мне в глаза! Не отворачивайся! Мы что, хуже них? Или как?

— Ну, вступили! И что? Что это даёт?!. — удивлялся Зураб. — Я пятнадцать лет был членом Компартии. И что? — раздражался он и совал ей в нос свои натруженные ладони.

— Но даст! Вот увидишь, даст очень многое.

— Ну а нам-то что?

— И нам, Зура, перепадёт! В клан коммунистов мы не вписались. Может, сейчас удастся проявиться?

С год тому назад такие разговоры возникали между ними частенько.

Времена стремительно менялись. Зураб отбросил, как старую шапку, свою робость и застенчивость, вслед за женой записался в новую партию, мотался с митинга на митинг, изо всех сил рукоплескал своим постоянно громоздившимся на трибуны лидерам, поощрял их огненные речи, обливающие грязью всех бывших руководителей без разбору.

Над дворцом правительства давно уже не развевается красный флаг, целых семьдесят лет украшавший его. Сейчас он заменён новым.

Кекела Леладзе вывесила этот новый и из окна своей квартиры.

Она постоянно занята, буквально разрывается, крутится перед зеркалом, что-то прикладывает к себе, примеряет.

— Чего ты там кокетничаешь? Собралась куда, что ли?

— И ты ещё спрашиваешь? — встрепенулась Кекела. — Как это куда? В Дом правительства! — подчёркнуто заявила она.

— Правительства-а? А зачем?.. Там ещё не всё установилось. Попросить хочешь что-нибудь?

— Чего ж мы с тобой пропадаем на митингах, и в дождь, и в снег. Себя не щадим?

— Не надо торопиться! — нахмурился Зураб. — Люди ещё не привыкли к своим должностям и креслам.

— А когда же, ты полагаешь, нужно идти? — ухмыльнулась Кекела. — Когда? Когда разберут все места? Куй железо, пока горячо.

— Вообще-то да! — в душе обрадовался Зураб и отвернулся к окну, чтобы не дать жене заметить. — Но что же ты задумала попросить?

— Что?!. Чтоб тебя назначили управителем твоих родных мест, — призналась-таки Кекела в своих замыслах и намерениях и, закончив прихорашиваться, отошла от зеркала.

Зураб замер на месте от неожиданности.

— Мужей моих товарок, которые вместе с нами посещали митинги, уже поназначали на высокие должности, кто пристроился в кресле министра, кто возглавил администрации городов и районов. Пальцев на руках не хватит, чтоб всех перечислить! Нужно же вознаградить тех, кто боролся с отжившим и старым.

— Ну, конечно! — с удовлетворением подтвердил Зураб. — Цари Грузии, выиграв крупные битвы, всегда щедро одаривали своих бойцов и военачальников. Наделяли княжескими и дворянскими титулами, осыпали золотом и серебром, освобождали крепостных рабов и давали им фамилии.

— Ну, так вот... Но разве достаточно только знать об этом? — подошла Кекела к мужу и ласково потрепала его по подбородку. — Необходимы практические действия.

Наконец она окончательно отлипла от зеркала, перебросила длинный ремешок от сумочки из крокодиловой кожи через плечо, бросила утонувшему в глубоком кресле Зурабу:

— Мы ведь просим только причитающееся нам, и не больше того. Управителем, и не куда-нибудь, а в Багинетский район! — и отмахнулась как бы от предлагаемого чего-то другого.

Уже подойдя к входной двери, обернулась:

— Ну хоть пожелай мне успеха!

Зураб вместо ответа поощрительно поднял из глубины кресла руку.

Стоило супруге затворить за собой дверь, как он встал, прошёлся по комнате под наплывом странного двойственного чувства. Знал, был уверен, что если Кекела что задумала, то непременно добьётся. Не будет, конечно, сбоя и на этот раз. Основание воспарить на седьмое небо было немалое. Перед взором замаячил кабинет в Багинети.

Мечтать стоя как-то несподручно. Мысли то ли не приходят, то ли сразу распыляются. Он прилёг на диван, заложил обе руки за голову и вперился в потолок.

И мечты не замедлили охватить его, хлынули, как водопад, сверху, с потолка, и с боков — со стен.

“Спервоначально нужно будет, что и говорить, присмотреться и разобраться со старыми кадрами. Это традиционный метод, неизбежный при смене любого руководства. А сейчас, когда внедряются новые формы жизни, особенно. Кто решится возражать, а тем более жаловаться новому правительству? Важно, конечно, справиться с руководителями производств. Директора школ ладно уж! Вот начальство винзаводов — это да. Но как не знать обычаев и нравов родного района — не постоят ни за какими деньгами, чтоб сохранить себе должности, пота ведь за них не проливали, легко достались, как с неба упали. Ну так теперь у них нужно таскать, вытягивать, как воду ведром из колодца. Кто из здравомыслящих вздумает отказать? Выложат столько, сколько потребуется. Многие так слюбились с должностями, что влезут и в долг, только бы не распрощаться с ними. Но при таком раскладе возникает небольшая неловкость: как не сменить замшелого, разжиревшего и нажившегося, на годы присосавшегося к посту? Его не поймут. Всё ведь изменилось, пошло вверх тормашками. Народ не потерпит бездействия руководства. Все знают, что за спиной каждого прежнего руководителя стоит враг или недоброжелатель. К тому же многие давно жаждут сменить их на завидной должности. Уж он-то, Зураб, не растеряется, применит хорошо себя зарекомендовавший метод, переместит денежный мешок с одного престижного поста на другой. К тому же сдерёт и с него, и с того нового, кто ухватится за освободившуюся вакансию. Впрочем, что о таких вещах думать сейчас? Вот съездит, и на месте всё станет куда яснее.

Но одно ясно уже сейчас. Через три-четыре месяца у него будет по горло денег. Он вернёт себе отчий дом и участок, с которым давно расстался из-за нужды. Тогда он не знал цену деревенского достояния. Неужели нынешний владелец откажет ему, не продаст? Вряд ли! Не решится. Как-никак районное начальство. Да и зачем ему будет отказывать? При том, что заплатят ему вдвое? Почему бы и нет!”

Он зажмурился от удовольствия и мысленно выбежал со двора отчего дома в виноградник. И с блаженным видением перед взором погрузился в сон.

Зураб Леладзе отдавался здоровому сну, между тем как его супруга Кекела восседала в кабинете заместителя руководителя республики. Она давно была с ним знакома. Последний, предельно активный год их особенно сблизил. Они были рядом в борьбе с тогдашним руководством. И победили в этой борьбе. Сейчас он взлетел высоко, так высоко, что смещает и назначает руководящие кадры.

Кекела развернула перед ним свои планы и замыслы.

— И за какую бы он взялся работу? — отзывчиво отнёсся к просьбе соратницы Важа Чадунели.

— Я прошу немного, не назначения здесь, в столице, а всего-навсего в его родных местах, в Багинети, — прошлась пальцами по лежавшей на столе крокодиловой сумочке просительница.

— Понятно. Стало быть, должность...

— Ну, естественно, гамгбели. Кого же ещё? Там пока ещё окопался коммунист.

С Важа Чадунели не требуется никаких околичностей.

— Я знал, что ты это скажешь, — рассмеялся начальник и, встав из-за стола, прошёлся по кабинету, подошёл почти вплотную к сидевшей у приставки к столу:

— Кекела! А он справится? Сможет? Есть у него хоть какой опыт и организаторские навыки? Ведь тот коммунист — ого-го!

Кекела не растерялась. Ведь она явилась сюда не без подготовки:

— Как можно так говорить? Он десять лет работает в научно-исследовательском институте, рядом с докторами и кандидатами наук. Что же касается деловых навыков, то не секрет — в один из районов вы послали в качестве гамгбели священника, в другой — музыканта-барабанщика, игравшего по свадьбам. У них что, был богатый опыт руководства?

Важа Чадунели улыбнулся и покачал головой:

— О-о, Кекела! Ну и язычок у тебя. Ты думаешь, я без этого не дал бы Зурабу назначения? Ладно! Пусть придёт...

После распада богатой советской страны в банках независимых республик осталось море денег. Эти деньги всё ещё в силе.

Это несчитаная-немереная добыча, попавшая в руки новоизбранных и новоназначенных властей.

Народное достояние копилось на протяжении семидесяти лет, неутомимым трудом миллионов трудящихся трёх поколений. В ранние годы государственная казна была защищена так надёжно, что даже глава страны не мог воспользоваться ни одной копейкой для своих личных целей.

Сейчас времена изменились...

Чиьи руки дотягиваются до трудовых накоплений населения? Разумеется, властей и приближённых к ним путём родственных и приятельских связей.

Миллионные суммы распределяются между собой.

В списках редко фигурируют имена и фамилии должностных лиц, они надёжно замаскированы под других.

Большая часть добычи, что и говорить, разбирается высокопоставленными лицами в столице. Целевая направленность сумм — создание фирм и акционерных обществ, формирование частных предприятий.

С этим же намерением те или иные суммы перечисляются в города и районы республики.

Багинетскому району досталось двадцать миллионов советских рублей.

В то время это были далеко не малые деньги для столь некрупного района.

Управитель Зураб Леладзе уже знал об ожидавшейся сумме и в предвкушении глотал слюнки. Он загодя спланировал, кому выдаст и сколько. Для себя подобрал трёх подставных лиц, надёжных людей, можно сказать, родичей. Своя фамилия в списке ничего, кроме неприятностей, не принесёт. На другой же день в вышестоящие органы полетят многочисленные “телеги”. За три месяца работы он приобрёл множество обиженных недоброжелателей, которые не отступят и не уклонятся от ответного удара.

Уязвлённый человек вряд ли простит обидчика. Он всегда готов к мести. Леладзе знает это и проявляет осторожность крупного зверя.

Заврайфинотделом — Леван Хеладзе, его однокурсник. Их связывает немало лет тесного общения и, если можно так сказать о них, дружбы. На него можно положиться, в этом смысле он поистине незаменим. Зурабу явно повезло, что на столь ответственном месте он застал именно Левана. Он всегда с ним советуется по поводу других назначений. Верит ему, при этом, что совет он даст всегда дельный.

Леван Хеладзе приехал из столицы вчера поздно вечером, а сегодня утром уже сообщает управителю по телефону приятную весть.

— Ну наконец-то! — в восторге отзывается в трубку Зураб. — Скорей дуй ко мне сюда!

Он резко выдвинул ящик стола, выхватил из пачки сигарету, запалил от зажигалки, в радостном ожидании бросился к окну.

Не прошло и десяти минут, как из-за двери появился Леван.

— Ну, Леван, садись! Вот сюда, поближе! — с грохотом подвинул он стул и рассмеялся. — Ну как? Как, ты думаешь, лучше распределить? Давай применяй свой богатый опыт...

— Чего тут распределять! Это уже сделали без нас! — недовольно пробурчал завфинотделом и опустился на предложенный стул.

— Как это без нас? — изменился в лице Леладзе. — Ты что, шутишь?

— Ничего себе шучу! — вытянул Леван из кармана пиджака листок, развернул и протянул Зурабу. — Прочти, и убедишься!

Леван нетерпеливо пробежал список. Знакомых имён и фамилий оказалось всего несколько. Пять человек выходцы из Багинетского района, но сейчас живут в столице и пребывают на ответственных должностях. Куда до них гамгели небольшого района! Не дотянешься! Ближе даже не подступиться! Да и какой смысл вызывать их недовольство. Они при любой власти пускают корни глубоко в землю. Кто отважится не посчитаться с ними?

Но кто такие остальные? — дочитал он список до конца. Лично знакомы ему: директор винзавода, директор средней школы, председатель сельсовета, водитель.

— Зураб! Ничему не удивляйся, — усмехнулся Леван, — за этими людьми скрываются совсем другие. Я это знаю так же точно, как то, что ты Зураб Леладзе. Двое из списка — близкие родственники жены министра финансов республики. Она из наших мест.

Зураб брезгливо выпустил листок из рук. Сказать, что он расстроился, ничего не сказать. Он даже не знает, с чего начать, на чём сосредоточиться. Уронив обе руки на стол, неосмысленным взглядом упирается в собеседника.

— Свободных средств осталось около пяти миллионов, — первым заговорил Леван. — Да и то сомнительно, оставят ли их нам. Не исключено, что в ближайшие дни кто-нибудь позвонит или явится из Тбилиси.

— Такого я не мог и вообразить, — издал глубокий вздох Зураб. — Всё идёт по-старому, по-заведённому.

— А чего ты ждал? — расхохотался Леван. — Система, может быть, и изменилась, но люди, их нрав, их ментальность всё те же.

— Да, Леван, — потянулся Зураб к отброшенному листку и остановил взгляд на последней строке списка. — Что за сволочь этот Гоча Дейсадзе! Отхватил целых три миллиона. Знаешь его?

— Как не знать! Знаю... В селе Ткемлиани работал водителем колхозного грузовика. А где сейчас, после роспуска колхоза, понятия не имею...

— Как?! Простой работяга, и такие суммы? — поразился гамgebели.

— Зато жена ушлая бабёнка! Работает под твоим руководством. Скоро узнаешь... — многозначительно улыбнулся Леван.

— А-а?! Ткемлианская уполномоченная Мадонна Дейсадзе? — вспомнив, хлопнул рукой по столу Зураб. — Вот оно что! Это ведь я её назначил, по рекомендации депутата парламента Вахтанга Чиковани. Стало быть, этот Гоча подставное лицо?! Ты прав, Леван... Прав!

Немного прийдя в себя от испытанных эмоций, Зураб вызвал к себе и дал поручение секретарше:

— Распорядись, чтоб завтра утром, к одиннадцати часам, ко мне явилась ткемлианская Мадонна Дейсадзе! — и когда та вышла, снова обратился к Левану: — Бьюсь об заклад, что сама эта Мадонна подставное лицо Вахтанга...

— Да, пожалуй...

— Посмотрим! Завтра выяснится.

Леван поднялся с места и направился было к выходу. Вопрос о распределении частично решён, частично же выяснится в ближайшие дни по телефону или через посланца Тбилиси.

— Погоди, Леван! — движением руки попросил его сесть Зураб. — Хочу расспросить тебя об одном важном деле. Только с тобой и могу быть до конца откровенным.

Лицо Левана выражало неподдельный интерес.

— Думаю освободить от должности начальника районного винзаводоуправления Члаидзе. В ближайшие две недели. Его так характеризуют и такие ходят слухи, что дальше, видимо, держать нельзя.

— А как характеризуют? — насторожился Леван.

— Меня твоё мнение интересует.

Леван пожал плечами и закусил нижнюю губу:

— Но что я могу сказать? Знаю его не особенно хорошо, встречаюсь редко.

— Ну и что тебе дали эти редкие встречи?

— Человек неотёсанный, хотя и может похвастать, как и многие сегодня, дипломом высшего учебного заведения. Двух слов толком не может связать на совещаниях, бормочет что-то бессвязно, даже жалко становится. Столь высокой должности явно не соответствует. Но кто на это реагирует? Годами работал и за пределами республики, и на разливочных заводах в Грузии. Нажился порядком. Ну чтоб не тянуть, скажем прямо: нынешнюю свою должность купил у секретаря райкома Зоидзе и управляющего “Самтрестом”. Ну а как же тебе его характеризовали? — с живым интересом осведомился он у гамgebели.

— Именно так и даже ещё хуже!

— И кого ты метишь вместо него?

— Пока что думаю, присматриваюсь. Подробно перебрал всех руководящих работников системы, да и рядовых виноделов. Ты знаешь не хуже меня, что все они одного поля ягоды. Облиты одной и той же грязью. Конечно, догадываешься: приписки, подлоги, махинации... Не подскажешь ли достойную кандидатуру?

Леван Хеладзе, видимо, не ожидал такого вопроса. Он перебрал в уме винзаводы района, вспомнил с пяток начальников производства. Остановился на Орбетском предприятии. Даже просиял от удачно выбранного, по его мнению, кандидата.

— Если тебе нужен хороший, профессиональный, честный работник, то таков завпроизводством Орбетского винзавода Малхаз Махатели. Он буквально поставил на ноги и вдохнул жизнь в едва переводившее дыхание предприятие. Когда творились все эти безобразия, он ещё не работал в отрасли, попробовал силы в спецсфере за пределами республики, подвизался в партаппарате, потому что по возвращении его близко не подпускали к винпредприятиям. Даже в качестве рядового винодела. И знаешь, почему?

— Видимо, не сумел скопить дани Зоидзе и “Самтресту”, — улыбнулся гамгбели.

— Вот видишь, знаешь не хуже меня, — рассмеялся и финотдел.

В тот день Зураб расспросил о Малхазе Махатели ещё двух более или менее близких людей.

Окончательный вывод почти просматривался.

Примерно за час до окончания рабочего дня гамгбели поднял телефонную трубку и позвонил в финотдел:

— Леван! Я поговорил кое с кем по этому вопросу.

— Вот оно что! — видимо, улыбнулся Леван. — Стало быть, мне доверяешь не полностью?

— Ну что ты?! Просто для интереса!

— Ну и как?

— Всё, как сказал ты. К тому же я заехал днём на этот завод. Познакомился. Побеседовал. Впечатление неплохое. Ну, ладно! Всё это между нами. С выразившимся на лице удовольствием он повесил трубку.

Скрипнула дверь, и из-за неё показался заместитель управителя с коричневой кожаной папкой в руках.

Когда уполномоченной деревни Ткемлиани Мадонне Дейсадзе сообщили по телефону, что наутро её вызывает к себе гамгбели района, она, по некоторой ещё неопытности и непривычке к положению, оторопела и впала в беспокойство. Что это значит? Не поступила ли на неё какая-нибудь “телега”?

Чуть не полчаса колебалась, позвонить или нет, чтоб спросить, в чём дело. Решила позвонить. Справилась в приёмной.

— Начальник не вводит нас в курс таких дел! — вежливо ответили ей.

Пришлось прикидывать и гадать — кто бы мог наябедничать? Месяц тому назад она освободила технического секретаря, пятнадцать лет просидевшую на тёплом местечке. Все тёмные делишки сельсовета проходили через неё: записи в регистрационных книгах, фиктивные разделы,

фальшивые справки. Распоясалась до того, что вымогала и за незаконные, и за законные операции на виду у всей деревни.

При снятии чем-то ей, Мадонне, угрожала. “Неужели отважилась?!” — предположила Мадонна.

Есть, кроме неё, ещё несколько обиженных. Может быть, у них поднялась рука?

Всю ночь она не могла найти себе места.

Утром вскочила ни свет ни заря и в десять часов, насколько удалось — смело толкнула дверь приёмной гамgebели.

Тощая чернявая женщина лет тридцати пяти подняла взгляд от пишущей машинки и с улыбкой спросила вошедшую:

— Уважаемая Мадонна, что так рано? Начальника сейчас в кабинете нет. Уходя, он сказал, что вернётся к одиннадцати.

— Маквала, скажите, вы и вправду не знаете, зачем он меня вызвал? Я всю ночь не могла уснуть. И сейчас прямо сама не своя.

— Клянусь вам, Мадонна, — хлопнула себя по груди Маквала. — Если бы я знала... но я понятия не имею! Думаю, ничего такого... особенного. Садитесь! — показала она на стул у стены и возобновила печатание.

У Мадонны немного отлегло от сердца...

— Сахар тебе на уста! Я лучше спущусь в сквер и подожду там, — умиротворённая, вышла она из кабинета.

Опустившись на длинную скамью под широко раскинувшей лапы елью в сквере перед зданием правления района, Мадонна огляделась и отметила про себя, что с десятков других скамей пусты и она одна украшает собою сквер.

Она сидела напрягшись, вытянув шею, с разметавшимися по плечам выкрашенными в красновато-рыжий цвет волосами, в цветастом шёлковом платье, как пёстрый зазорный угод с хохолком.

Какое интересное место! Прекрасно видно, кто входит и выходит из здания правления. Так что появление гамgebели от её внимания не ускользнёт.

Она сидит здесь всего несколько минут, но уже заметила нескольких, даже многих знакомых.

“О-о, да это же!..” — узнала она уполномоченного села Сакаврии, Бондо Бекеладзе, бросилась за ним к лестнице и ухватила сзади за воротник пиджака:

— Вас что, тоже вызвали, Бондо?

— Нет-нет! А вас что же, вызвали?

— Да! И ума не приложу, зачем!

Бондо немного помедлил и пошёл вверх по ступеням, а раздосадованная Мадонна вернулась на свою прежнюю позицию. Наручные часы показали, что ждать ещё целых полчаса. Переброситься бы с кем-нибудь хоть парой слов, чтоб время протекло незаметнее.

Она раскрыла сумочку. Нашупала круглое зеркальце и импортную помаду, щедро подвела пухлые губы. Встреча предстоит как-никак с районным руководителем! М-м... а может, ему до лампочки, напoмажена она, не напoмажена, — резким движением оторвала она карандаш от губ.

К самым ступеням подкатила чёрная “Волга”. Распахнулась задняя дверь, и оттуда вышел, перекинув пиджак через левое плечо, гамgebели района Леладзе.

“Точен и умеет держать слово”, — отметила про себя Мадонна, поглядывая на часы. Без десяти одиннадцать. Нужно выждать и эти минуты. Нынешнее утро склонило и её в пользу собранности и дисциплины. Ни раньше, ни позже. Минута в минуту!

Мадонна поднялась, оправила платье, подбила причёску и, подойдя к лестнице, удивилась появлению другой, новенькой, с иголки “Волги”. Да, мода даёт о себе знать!

Но кто в ней? Рядом с водителем сидел, вернее, уже выходил, не кто иной, как депутат парламента Вахтанг Чиковани.

У Мадонны, казалось, выросли крылья. Она сначала затрепыхалась на месте, а потом...

Трудное поручение

Вахтанг Чиковани достиг своей цели — прошёл в депутаты парламента первого созыва недавно получившей независимость республики. Более того, поставил свою подпись под меморандумом о независимости, запечатлён при этом на фото, короче, вошёл в историю своей страны.

Полно ему отстраняться от управления. Уже десять лет как его уволили из министерства, да ещё с каким обвинением — причастность к взяточничеству и коррупции. Хорошо ещё, не исключили из компартии, ведь за этим могла последовать кутузка. Пощадили, не погубили. Друзья поднатужились, подсутились, не то бы...

Что за сила время! Регулирует всё и вся! Тогда, в случае исключения, могло, как многих других, подвести сердце. А сейчас столь дорогой прежде партбилет изорван в клочки и выброшен в мусорную корзину.

Вздувшаяся река перемен подхватила и пустила вниз по течению, как щепку, недавнее прошлое Вахтанга Чиковани, и вот он снова вступает во власть. К членству в парламенте прибавилась новая нагрузка, а впрочем, честь — он председатель одной из парламентских комиссий. К тому же руководство собственной поликлиники. С этим он, можно сказать, устроился, нашёл выход. Перепоручил многие из дел заместителю, на которого вполне может положиться. Знающий дело и опытный организатор. Так что можно считать, что депутат разом сидит и на заседании парламента, и в кабинете лечебного учреждения.

Он по горло погружён в дело. С тех пор как стал парламентарием, ни одной свободной минуты, не говоря уж о свободном дне. Ни разу не удалось съездить в родные края, где раньше он так любил проводить свой отдых. Разве что в один из выходных выкроил вечер, чтобы отметить пиршеством своё избрание в парламент. Вот и всё!

А сегодня он хочет отпраздновать это же событие в отчем доме, в родной деревне. С этой целью и приехал он с друзьями на двух машинах в Багинетский район. Гостей оставил с водителями ждать его у въезда в райцентр, у поворота на дорогу к его селу.

Сам спешит заехать к гамгели. Повидаться и поговорить. Интересно, как он освоился на месте. Но это вообще, а конкретно нужно серьёзно обсудить сумму спущенного в район займа и, главное, дать гамгели задание.

Справится ли новоиспечённый руководитель с непростым поручением? Посмотрим! Если выскажет образительность, можно пригласить его на сегодняшнее празднество. Честь для новичка отнюдь не малая!

Подъехав и приметив Мадонну, Вахтанг и обрадовался, и удивился:

— Кого ты ждёшь здесь, Мадонна?

— Вас! — пошутила та.

— Но откуда ты знала, что я заеду сюда?

— Да я же шучу! Меня вызвал к себе гамgebели. Понятия не имею, для чего.

Чиковани поднял взгляд на окна кабинета гамgebели во втором этаже. Напряг вроде бы память:

— А-а! Вот как! Наверняка в связи с займом. Как ты кстати подвернулась!

Мадонна вздохнула с облегчением. Но, на мгновение задумавшись, с некоторой тревогой спросила:

— С каким займом?

— Ты что же, не помнишь? Неделю тому назад я тебе говорил о нём в Тбилиси.

— Откровенно говоря, я тогда не обратила на эти ваши слова внимания. Просто не сосредоточилась! Думала совсем о другом, о тысяче навалившихся проблем.

— Такое бывает, и не только с тобой! — мягко взял её под руку Чиковани. — Пройдём в ту аллею, посидим, я тебе всё объясню.

Они уселись на скамью, от которой только что отошла Мадонна.

— Речь идёт вот о каком займе... Я добился, чтоб из Министерства финансов спустили в качестве займа пять миллионов рублей. Эту сумму мы получили на имя твоего мужа, Гочи. Я задумал устроить в нашей деревне небольшое винное предприятие. Вина, думаю, будет достаточно, завозить для розлива не придётся. Дело это выгодное и прибыльное, и придётся ко двору не только нам, но и нашим детям и внукам, — провёл для вящей убедительности Вахтанг ладонью по горлу.

Воцарилось довольно долгое молчание, которое он наконец прервал вопросом:

— Ну как тебе нравится идея?

Мадонна поёжилась от пробежавшего по телу холодка. Получить через мужа такую огромную сумму ей показалось рискованным и небезопасным делом. Бледность разливалась по её лицу.

— А на ваше имя её получить нельзя? — осторожно осведомилась она, нервно ломая пальцы.

— Ты же знаешь, я парламентарий. Такая сумма “кричит”. Не хочу давать своим врагам повод для разговоров. Не я один, а многие мои коллеги прибегают к такому методу.

Волнение Мадонны понемногу уступало место здравому смыслу. Она разом оценила все стороны этого “метода”. В считанные секунды представила себя владелицей собственного предприятия. Ну хотя бы совладелицей, тоже очень неплохо.

Внезапный страх обернулся решимостью.

— С вашей стороны это, конечно, предусмотрительно, — спокойно произнесла она, — совершенно незачем всем всё знать.

— Именно учитывая это, я поступил так. Когда жизнь войдёт в привычное русло, всю эту сумму я переоформлю на себя. Думаю, это сделать будет нетрудно.

Это намерение снова смутило Мадонну. Что же, её мужа хотят использовать, как резиновые перчатки, чтобы не ударило током?

— А где Гоча сейчас работает? — с ноткой участия и заботы поинтересовался Вахтанг.

— Нигде. С тех пор как распустили колхоз, он безработный. Грузовик у колхоза, правда, выкупил, но использовать не может, так машина и ржавеет во дворе.

— Ну так вот.. Отныне Гоча безработным не будет, — пообещал Чиковани. — Направим его с грузовиком на строящийся объект. У меня ведь времени в обрез, парламент, поликлиника, а теперь вот.. Не разрываться же на три части!

— Замечательный замысел, батона Вахтанг. И я, и муж будем рядом с вами, — восхитилась Мадонна и прижала от избытка чувств руку к груди.

— Потому я и выбрал вас, что могу во всём положиться!

— Неужели гамгели вызвал меня в связи с этим?

— Видимо, да. Деньги уже перечислены в райбанк, — счёл Чиковани беседу законченной и поднялся. — Интересно, Леладзе на месте?

— Да, подъехал пятнадцать минут назад.

— Ну, так пойдём?!

Зураб Леладзе в одиночестве вникал у себя в кабинете в список выносящихся на заседание правления вопросов. На скрип двери поднял голову и прямо-таки онемел от удивления. Вахтанг Чиковани? Привлекательная женщина рядом с ним вроде бы уполномоченная из Ткемелиани. Вроде бы да! И одного, и другую он видел всего один раз, и то издали. Но память не подвела.

Он поднялся из-за стола и пошёл навстречу вошедшим. Предложил сесть за приставку. Сам опустился на стул напротив.

Первым вступил в беседу Чиковани:

— Дейсадзе, — осклабился и поднятием вверх указательного пальца как бы особо акцентировал свои слова, — и к тому же моя соседка.

— Да, я видел её на совещаниях.

— Если появится какая-нибудь проблема в работе, знай, я всегда приду на помощь, Зураб! — многозначительно взглянул прямо в лицо гамгели парламентарий.

— Ни минуты не сомневаюсь, — искренне отозвался на эти слова Леладзе.

Он знает, у Вахтанга Чиковани мощный круг друзей и знакомых, ещё с советских времён, с поры работы в министерстве. Он так ловко пользовался своим служебным положением, что не многие могут похвастать таким умением. Вообще для него не существовало вопросов, самых сложных и запутанных, которых он бы не мог разрешить. Все, кому только в деревне ни требовалась помощь на районном или республиканском уровне, поголовно шли к нему. Кого слегка подлечил, кого вылечил от серьёзной болезни, кого даже вырвал из лап смерти, кого пристроил на работу, кого — на учёбу. Отзывался на сотни просьб. Секретари родного райкома всегда ощущали плечо, готовое выручить и поддержать. И сами не оставались в долгу: старались угадать и выполнить малейшее его желание. Всё, конечно, с обеих сторон делалось с опорой на занимаемую должность. Без этого не пошевелили бы и пальцем.

Вот такой благодетель сидел сейчас перед новым руководителем района!

Но явился он, однако, не без причины и не без цели. Как пить дать! Осознание этого побудило Леладзе опередить гостя с вопросом:

— Чем могу служить, уважаемый Вахтанг?

Гость взглянул на сидевшую рядом женщину, передёрнул плечами и важно заявил:

— Как вы знаете, на район спущены займы. Я попросил министра финансов выделить нам дополнительно пять миллионов, с целевой установкой использовать их на развитие мелких и средних производств.

Гамгбели вспомнились вчерашняя беседа с начальником райфинотдела. Как быстро исполнилось его предположение.

— Понятно! — простодушно воскликнул он. — Но в приложенном списке ваша фамилия не фигурирует, — зарделся он от смущения.

— Естественно, на этих деньгах, — рассмеялся Чиковани, — мои имя и фамилия не означены. С целью прикрытия. Ну как привыкаете к работе в столь непростое время? — участливо спросил он.

— Спасибо! Неплохо! Район мне знаком, многих знаю очень давно. Проблем, как и везде, тоже хватает.

— Зураб! Мне, конечно, давно следовало приехать, помочь. Но дел навалилось столько, что... Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Ну так вот, хоть и поздно, но поздравляю с назначением, — протянул он руку.

Леладзе приподнялся с места, горячо поблагодарил.

— Эту особу вы, конечно, уже знаете. В вашем ведении уполномоченная Ткемлиани, Мадонна... Дейсадзе. Заём перечислен на имя её супруга.

— А-а... да... На имя Дейсадзе Гочи Ипполитовича. Теперь всё понятно, — поднял гамгбели обе руки вверх, будто сдаваясь в плен. — Уважаемый Вахтанг! Считайте вопрос закрытым. Всё будет сделано по-вашему.

Гость барабанил пальцами по столу и взглянул на свою соседку.

— Но у меня есть к вам ещё один, более важный вопрос, батона Зураб... — неторопливо начал он.

Мадонна с пониманием поднялась и с сияющим лицом попрощалась с гамгбели. Впрочем, Вахтанг загодя, перед тем как пройти в кабинет, условился с ней, чтобы после разговора о займе она вышла и подождала его в сквере.

Дверь скрипнула, и беседа продолжилась.

— Что ж, Зураб! Нужно будет проявить стойкость и выносливость!

— А в чём дело? — насторожился гамгбели.

И тут из глубины души Вахтанга Чиковани исторглась, как лава из пробудившегося вулкана, долго копившаяся жажда мести.

— Ты знаешь некоего Махатели с Орбетского винзавода?

— Знаю, но с недавних пор. Лично познакомился только позавчера. Почему вы спрашиваете?

— Почему? — с нескрываемым отвращением процедил Чиковани. — Потому что... его надо выкинуть с этого завода.

— Выкинуть? — изумился Зураб.

— “Неужели этот учёный человек, интеллигент, не мог подобрать лучшего, чем это уличное слово?”

— Да! В прямом значении сказанного!

— Но почему?

Чиковани ждал этого вопроса. И потому тотчас же принялся за доводы и объяснения:

— Ты, наверно, помнишь, что моим единственным конкурентом на выборах в парламент был Мхеидзе из блока коммунистов, былой активный функционер, некогда влиятельный работник аппарата ЦК. Дело дошло до второго тура, который и должен был выявить победителя. Поддержать меня на многолюдном митинге приехал сам президент страны. Ты знаешь, почему меня постигла неудача в первом туре? Потому что доверенным лицом моего соперника был этот самый Махатели. По правде говоря, я с ним лично не знаком. Как говорят, в районе он пользуется большим авторитетом. Видимо, избиратели верят ему. Если бы Мхеидзе выиграл, доверенное лицо его не щадило бы никаких сил и энергии для его дальнейшего продвижения. И знаешь, почему? Мхеидзе мог бы помочь ему купить винный завод. Понял? — Чиковани поймал взгляд своего собеседника, чтобы прочесть в нём, в преддверии ответа, его подлинную мысль.

Но растерянность, выразившаяся на лице собеседника, стёрла с него все чувства, оставив лишь чистую доску.

— Понятно...

— Толкуйте мои слова, как вам угодно. Хотите как просьбу, нет — как поручение, — поднялся Чиковани с места, застегнул пиджак на пуговицу, протянул собеседнику на прощание руку.

— Да! Вот ещё что... Впрочем, это не поручение, а просьба. Сейчас я еду с друзьями в свою деревню. Меня ждут машины на площади. Через два-три часа мы устроим застолье у меня во дворе. Нынче чудная, тихая и тёплая, очень подходящая для пиршества погода. Присоединяйся к нам, Зураб, познакомишься с нужными и полезными людьми.

Зураб выразил глубокую благодарность за приглашение, прошёл с гостем по коридору до лестницы и обратно двинулся, только когда гость шагнул на ступени.

Вернувшись в кабинет, подошёл к окну и бросил взор на небольшой палисадник перед зданием правления. За короткое время привыкания к кабинету у него невольно выработалась эта привычка.

Стоило Чиковани подойти к машине, как из сквера напротив, как камешек из рогатки, вылетела Мадонна Дейсадзе и, открыв заднюю дверь, нырнула в салон.

Появление депутата парламента Вахтанга Чиковани в кабинете руководителя Багинетского района напоминало наваждение, чертовщину.

Чуть не два десятилетия он постоянно суёт нос в дела района и, похоже, не намерен отказываться от этой привычки и впредь. Напротив, чем дальше, тем всё большую проявляет активность. Ну а сейчас сам Бог, можно сказать, велел — избраннык народа!

Уронив голову на сложенные на столе руки, Зураб предаётся горьким раздумьям. “Выдвори Махатели с завода!”. Ничего себе порученьице! Почему? За что? Надо же, какую злобу затаил против человека. Волнения, связанные с выборами, давным-давно миновали. А он всё носит камень за пазухой, никак не расстанется с ним. Видимо, пока не отведёт душу, спать спокойно не сможет. Они даже не знакомы! Если бы сам он, Чиковани, обратился тогда к Махатели, возможно даже, что тот согласился бы стать его доверенным лицом — кто его знает! — агитировать за него. Такова логика выборов.

Да-а, двухполюсный человек Вахтанг Чиковани — знания, образованность удерживает в голове, а нравственность и мораль загнал в пяту. С головы же до пят огромное расстояние, можно сказать — весь человек.

Зураб Леладзе сегодня впервые осознал, что образованность и мораль совпадают отнюдь не всегда.

Он работает на нынешнем месте всего несколько месяцев. За это время пришлось освободить многих знакомых и незнакомых, близких и неблизких. Что ж, новая жизнь требует своего. Но по несправедному заказу действовать доведётся впервые. Оторвать от производства руководителя, на которого он хотел положиться, продвинуть? Не выполнить поручения, значит навлечь на себя неудовольствие мстительного должностного лица. Нет сомнений, он не даст ему после этого работать, будет всячески мешать и подкапываться.

Как быть?

Назойливые думы перебила вошедшая секретарша.

— Уважаемый Зураб! К вам Бека Гвелесиани. Просит принять!

Ещё не полностью опамятававшийся от раздумий Зураб не сразу вспомнил, кто этот Гвелесиани.

— Инспектор ОБХС, — напомнила секретарша.

— Пусть войдёт!

Низкорослый, плотный, лет сорока пяти человек, широко улыбаясь, короткими шагами подкатился к столу и тепло, пожатием обеих рук приветствовал гамгбели. Сразу чувствовалось — расположение искреннее. Да и зачем инспектору милиции лебезить и лицемерить перед владельцем кабинета? Они ведь бывшие одноклассники, вместе кончали среднюю школу в райцентре.

Но теперь дело другое. Зураб Леладзе сейчас руководитель района. При редких встречах, когда Зураб приезжал в деревню из города, они здоровались между прочим, кивком головы или поднятием вверх руки. Теперь так не пойдёт. Не приведи Господь, чтоб начальнику рассказали, как он, Бека, порой поступает в качестве инспектора. Может забыть, что их объединяет, и погнать из района ко всем чертям. Однажды его уже выпроваживали из раймилиции, лет десять тому назад, когда явился очередной секретарь райкома.

Вот чего опасается Гвелесиани.

— Бека, здорово! Знаю, пришёл не без причины. Может, помощь какая нужна?

— С Божьей помощью, Зураб. Дело доброе! В субботу в семье у нас небольшое празднество. Так что приглашаем.

— В связи с чем, Бека?

— День рождения. Мой! — пояснил Бека и шутливо прибавил: — Чёрт знает, для чего, а родился. Других мучить, что ли?

“Какой-то вкрадчивый, непонятный. Ещё в школе было заметно”, — с неудовольствием отметил про себя Зураб и нехотя улыбнулся:

— Что ты, Бека! Почему так говоришь?

— Как почему? Такое выбрал себе ремесло, что весь Кутаиси перетряс. Год, как работаю здесь, в районе, и уже по горло врагов, — пожал плечами Бека, — что, брат, поделаешь? Служу! Чем больше проходит времени, тем больше в организациях и на производствах воровства, приписок, а в магазинах левого товара и завышения цен. По плечу мне одному навести порядок во всей стране? Кутаисские торговцы прозвали меня Гвели — Гадюкой!

Зураб расхохотался. Настроение немножко улучшилось. Бека уловил это и перешёл непосредственно к делу:

— Ну ладно! Не хочу тебя задерживать. Значит, придёшь?

Зураб слегка распустил тугой галстук и расстегнул верхнюю пуговицу на сорочке.

— Так у тебя и вправду день рождения? — спросил с ноткой сомнения в голосе.

— Вот это да! — всполошился Бека. — Бывают дни рождения и не вправду?

— Да уж, бывают! Узнал про такое недели две тому назад. Отозвался на приглашение знакомого. Есть один, руководитель производства. Пир горой, вино рекой! Наутро рассказал о нём в правлении. Один из заведующих отлучился и вернулся с личным делом виновника торжества. Оказалось, что до его дня рождения ещё целых семь месяцев. Странно, не правда ли? К чему эти выдумки? Я бы и просто так зашёл к нему.

Слегка обиженный Бека выхватил из кармана паспорт, раскрыл и поднёс чуть не к носу Зураба. Но тот даже не взглянул и отвёл его руку:

— Не сердись! Просто пришлось к слову. Признаюсь по-дружески: столько приглашений, не успеваю физически. И дело не только во времени. Знаешь, какие люди приглашают? Которые прежде проходили мимо, задрав носы, здоровались сквозь зубы! А сейчас все вдруг вспомнили!

— Удивляться не приходится! Сейчас ты нужный человек, должностное лицо! Таков уж у наших менталитет!

— Что ж! В субботу вечером, да? Приду! — в знак подтверждения хлопнул Зураб рукой по столу.

Бека поднялся уходить.

Зураб знаком руки задержал его:

— погоди! Мне нужно поговорить с тобой. Первым делом скажи: как тебе видятся дела в районе с соцобеспечением?

Бека только вздохнул в ответ.

— Погляди, что делается во всей республике. Жизнь никак не войдёт в свою колею. О каком можно говорить соцобеспечении? Месяцев через пять-шесть о нём и упоминать будет нельзя... вернее, не о чем. Исчезнет и орган её защиты, отдел ОБХС. Видимо, в поисках работы мне придётся обратиться к тебе.

— Ну, без работы ты не останешься, — приободрил Зураб друга, сам же мысленно унёсся далеко. Поручение парламентария Вахтанга Чиковани всё-таки мучило его, не давало покоя. Как быть с руководителем Орбетского винзавода Малхазом Махатели? Как отозваться на задание вышестоящего? Кто в этом деле поможет ему лучше, чем Бека Гвелесиани. Он бы и сам вызвал его к себе в связи с этим. Но вот совпадение: чутьё, что ли, подсказало, явился сам.

— Бека! Исходя из своей службы, ты должен хорошо знать винные предприятия района, — начал управитель издалека.

— Разумеется! — бодро отозвался Бека.

— Знаком с их руководством?

— Да! Со всеми в хороших отношениях. А кто интересуется тобой?

— Дружен и с заводным производством Орбетского предприятия Махатели?

— Не скажу, что дружен. Скорее, знаком издалека! Его убедили стать во главе завода после долгих настояний.

Долгих настояний? На винный завод? Никогда такого не слышал, но знает, что за подобные назначения щедро благодарят.

— Настаивать пришлось потому, что завод этот невезучий, проклятый другими такими же предприятиями района, потому что отличается от них, как день от ночи, а ночь ото дня. Все работавшие там виноделы так или иначе пострадали: кого уволили, кого упекли за решётку. Предшественника Махатели и двух виноделов привлекли к ответственности. Так что отбили у всех охоту идти туда на службу. Махатели тогда работал инспектором райисполкома. Он, я это хорошо помню, долго отнекивался. Но наступила пора сбора винограда, а на заводе не было ни одного специалиста-винодела. Райком буквально силой “загнал” Махатели на завод.

Гамгебели потирал лоб, ломал пальцы — нервничал.

Бека ни о чём, естественно, не догадывался. К чему его сотоварищ завёл речь о Махатели? Неужели вздумал поставить кому-то в Тбилиси вино? Вообще-то да, продукция этого завода славится. Его предпочитает другим всё руководство района — и райком, и райисполком, милиция, словом, все. Берут сотнями литров. Что и говорить, на дармовщину. Гамгебели Леладзе же человек новый и, видно, ещё смущается. Говорит несмело, прямо-таки бормочет.

Зураб тем не менее нарушил тишину:

— Бека! Третьего дня я получил информацию о том, что руководители винных производств района почти каждый вечер собираются в доме водителя такси Тухии Робакидзе и до утра режутся в карты, естественно, на немалые деньги. Как ты думаешь, Махатели с ними бывает? — обливаясь холодным потом, решил-таки он поставить этот вопрос перед другом. В первый раз в жизни предстоит ему устроить ловушку человеку, который не сделал ему ничего худого. “Плевал я, Вахтанг Чиковани, на твои дипломы, степени и должности!” — честил он в уме своего сегодняшнего посетителя.

У инспектора ОБХС глаза полезли из орбит. Он допёр, куда метит его собеседник.

— Вы что, хотите задержать Махатели?

Гамгебели отвечал кивком головы.

— И это может получиться? Как бы не оскандалиться!

— Как? Почему?

— Махатели трудно будет поймать в сети. Вряд ли он водится с этими. С самими же этими связываться я тебе не советую. Купаются в деньгах! Сицилийская мафия рядом с ними детская забава. Они везде пустили крепкие корни. Это во-первых. А во-вторых, как я уже сказал, Махатели обходит их, не подпускает на пушечный выстрел. Это человек совершенно другого стиля, так называемая “белая ворона”.

— Белая ворона? Как это понимать...

— Он самобытен. По сравнению с коллегами, хорошо образован, как в вопросах специальности, так и в общем плане. Часто выезжал, много повидал, набрался знаний и опыта. На игру в карты времени тратить не будет. Те только и знают, что размахивают своими дипломами. Им чужды книги, газеты, культура, искусство, спорт. Их развлечение и хобби — застолья, попойки, карты.

Гамгебели заметно приуныл.

Когда речь зашла о поимке, Гадюка стал в стойку и напрягся, как собака-ищейка. Леладзе мгновенно уловил это его состояние.

Инспектор хлопнул рукой по столу и взглянул прямо в глаза собеседнику:
— Если ты задумал задержать Махатели, доверь это дело мне. Я найду, как с ним управиться!

Зураб дёрнулся и резко побледнел:

— Да ты что! Я совсем не хочу губить этого человека!

— Я возьмусь за своё, остальное же за тобой. Но... нужно время!

— Сколько? Недели хватит? Я тороплюсь.

“Ах, вот что! — сообразил инспектор. — Поручение сверху!”.

— Недели две. Максимум! Если за это время он не попадётся на удочку, придётся подумать о какой-то другой уловке.

Управитель проводил инспектора ОБХС до дверей, хлопнул рукой по плечу и подбодрил:

— Ну, гляди, не оплошай. Уволить его мне поручил такой человек, что, если не добьюсь вовремя результата, мне здесь не стоит и оставаться. Что же до твоего приглашения, то я его принимаю. Приду!

Капкан Беки

Инспектор ОБХС Бека Гвелесиани по образованию педагог — захудалый учитель географии. Педагогика никогда по-настоящему не привлекала его. Никакой склонности к знаниям у него вообще никогда не было. В пединститут поступил по настоянию родителей, позолотивших руки экзаменаторам, и кое-как окончил его. Кое-как, потому что все студенческие годы мечтал попасть на службу в милицию. Во сне и наяву представлял и видел себя инспектором ОБХС. Не раз слышал, что место это прибыльное и хлебное.

Поработать учителем однако пришлось. Годы, проведённые в школе, были мучительными и изнурительными. Надо же, Гвелесиани — и педагогика, удивлялись его собственные преподаватели.

Директор школы высказывал недовольство низким профессиональным уровнем члена своего педколлектива. Его мнение подтвердил и посетивший урок инспектор районного отдела просвещения.

Бека возненавидел школу и покинул-таки её. Но до каких пор он мог оставаться безработным? Он подсуетился и устроился на время с помощью близкого соседа директором пионерлагеря района. Сосед же работал заведующим отделом народного образования. Отцу Беки пришлось поместить немало грязи у его порога, прежде чем он допросился этого места для сына. Место, правда, сезонное, но ничего, подойдёт...

После трёх лет работы в лагере судьба по-настоящему улыбнулась Беке. Его близкого родственника сделали председателем исполкома райсовета.

Заботливый отец Беки, Платон Гвелесиани, был тут как тут, не терял ни минуты. К счастью, в раймилиции освободилось место инспектора ОБХС, и отец с сыном налетели на него, как орлы. И свершилось! Исполнилось то, о чём они так долго мечтали.

Начинающий инспектор быстро осваивался с новой работой. Попутный ветер судьбы он сочетал с собственной ловкостью и пронырливостью. Расправил крылья, как паруса корабля. Да и время способствовало и помогало.

Такие времена и порождают подобных Беке “защитников” народного достояния. Тихой, скромной сапой он обирал завмагов и завпроизводствами. Что и говорить, избирательно, проявляя при этом острое чутьё, незаметный, ненавязчивый натиск, то добиваясь, а то и не добиваясь результатов. Тех, кто улавливал опасность и совал ему в лапу, он бросал,

как пойманную трепыхающуюся рыбу, обратно в воду. Кто же беспечно ничего не замечал, ему в лапу попадался сам. За пять лет работы инспектором Бека ободрал, как липку, почти весь район. Точка на его наглой разнузданности была поставлена, когда освободили от работы его ангела-хранителя, председателя райисполкома.

Новый председатель не успевал читать жалоб на Беку, градом сыпавшихся на него в течение немалого времени. Ничто не могло помочь Беке — его попросили с должности. С запятнанной репутацией надеяться на новую в том же районе было нереально. К тому же не хотелось расставаться с милицией, с ОБХС. К вкусу денег он привык быстро и надолго. Чувствовал себя, как рыба в воде. Простор для врождённых свойств беспредельный: в какой магазин ни войдёшь, везде искажение цен и левый товар. В какое производство ни сунёшься, левая продукция и низкое качество выпускаемого.

Был бы острый глаз, и работы не оберёшься!

Попасть на такую, однако, совсем не легко. Но он не отступится, только бы найти надёжного человека, а уж отблагодарит он на славу, тем паче с гарантией на будущее. Своё возьмёт, как пить дать!

Взоры его обратились на Кутаиси. Это не маленький, вроде Багинетского, район, а крупный город. Какое счастье получить здесь местечко! Но к кому обратиться за помощью?

Долго раскидывать мозгами не пришлось — вспомнился крёстный сынишки — Гогия Ахаладзе. С ним, агрономом колхоза села Квемо-Кеди, Беку свёл некий счастливый случай.

Агроном Гогия Ахаладзе в самый разгар ртвели — сбора винограда — подогнал грузовик с пятью тоннами неучтённого колхозного винограда и фальшивой квитанцией к винзаводу, разгрузил и сдал виноград как бы со своего собственного приусадебного участка.

Только было грузовик съехал с весов, как показался ошивавшийся на заводе Бека Гвелесиани. Ему уже сообщили, что Гогия ничтоже сумняшеся присвоил колхозное достояние.

Бека велел ему откатить машину в сторону, отвёл самого в кабинет винодела, раскрыл кожаную сумку и принялся за протокол.

— Ты что ж это, братец, задумал меня погубить? — без всякого страха, высокомерно, даже с лёгкой улыбкой на губах любопытствовал у Беки агроном, подошёл к двери и запер её изнутри.

Эге-ге, струсил Бека, чёрт знает, что задумал этот детина! Кабы мне не пришлось сбрызнуть своими мозгами стены, если он двинет рукой.

Авторучка замерла в пальцах у Беки. Подняв украдкой взгляд на сидевшего напротив, он первым делом заметил зловещий блеск в его глазах. Просматривалась и некоторая насмешливость.

— Что поделаешь? Выполняю свой служебный долг! — с ноткой сожаления в голосе пояснил Бека и снова принялся писать.

— Так вот... скажу тебе откровенно: я знаю, чего ты добиваешься. Но напрасно, из этого ничего не выйдет, — понизил голос Гогия. — Муж моей сестры, а стало быть, мой зять, — главный прокурор города Кутаиси. Многим помогает по моей просьбе, а уж ради меня расстарается. Так что заруби себе на носу!

Бека уронил ручку на лист с парой написанных строк:

— Шутишь? Или правда?!

— Шучу? Вот сдам этот виноград и хоть сегодня познакомлю тебя с ним. Хочешь, в служебном кабинете, нет, так дома!

Бека прикинул в уме, что из этого может выйти, торопливо собрал раскиданные по столу бумаги, сунул в кожаную сумку:

— Ну, ступай! Машина там у всех на виду! Сдай виноград на анализ и перебрось в давяльню. Кругом полно заинтересованных глаз! Так что будь начеку...

Гогиа замедлил у порога шаг и оглянулся на Беку:

— Скажи честно, без обиняков, кто меня продал?

— До того ли сейчас? — рассмеялся Бека. — Ступай, разгрузи машину! — опасаясь пуще самого Гогии, поторопил его. — Завтра скажу!

Они вышли из кабинета вместе.

После этого случая инспектор ОБХС Гвелесиани и агроном колхоза Ахаладзе заделались друзьями не разлей вода. Гогиа окрестил сына Беки.

Ахаладзе протянул оставшемуся без работы куму руку помощи. Зята упрашивать пришлось недолго, и по просьбе главного прокурора Беку приняли на работу в милицию на должность инспектора ОБХС. Рыбу бросили в реку, и она принялась привычно резвиться в ней.

Проработав месяцев шесть, новоиспечённый инспектор подобрал себе осведомителя — продавца рыбы в палатке Дзуку Соселиа, по прозвищу Сом.

Дзуку, приземистый и пузатый, с круглой пухлой физиономией, лет уже за пятьдесят, день и ночь неустанно вертелся у прилавка, умело зазывал покупателей, показывал и расхваливал товар. Торговал в основном мороженой рыбой. Нередко принимал у городского холодильника-склада левый товар. Порой добывал и живую рыбу, с районных рыбхозов, с фактурами и без фактур. Из-под полы приторговывал сомом из Риони и Ханисцкали, — тот пользовался большим спросом для свадеб и торжественных застолий. Обзавёлся двумя подельниками — рыболовами-браконьерами, и те регулярно снабжали его уловом. Расторопность приносила лёгкие дивиденды. Каково нынче обойтись одною зарплатой, — так что волей-неволей приходится изворачиваться.

Контрольная служба редко беспокоила Дзуку. Если ненароком кто-нибудь заворачивал, то он оказывал чувствительное уважение, и расставались, довольные друг другом.

Ну что можно сорвать с продавца этой убогой палатки?

Так годами и крутился, трясся нависающими подбородками, вокруг прилавка набивший в своём деле руку Соселиа. Особо старался и выказывал недюжинную сноровку, когда у прилавка стояла длинная очередь. Длинной она оказалась как-то в день, предшествовавший религиозному православному празднику Благовещения. Этот день и появление у его палатки инспектора Беки Гвелесиани торговец рыбой вспоминает с отвращением и проклинает. Пройдоха-инспектор поймал его на ценах, а в общем на ерунде, он взял с покупателя за килограмм сома на пять копеек дороже, чем он стоил, за три килограмма перебрал каких-то пятнадцать.

Инспектор тут же, по обычаю, сварганил акт, закрыл и опечатал палатку, а на другой день явился проводить опись. Выявил тридцать килограммов неучтённого товара. Перерыл и перевернул всё в небольшом складе. Покончив с описью, на третий день вызвал Соселиа в раймилицию. Дзуку с женой всё это время не знали ни минуты покоя. Понимали, что дело без "подпитки" не обойдётся. В семье было немного денег на так называемый чёрный день. С ними и явился незадачливый торговец к инспектору.

Но инспектор принять их не согласился.

— Акт будет передан на расследование. А там... — миролюбиво объявил он и сунул лист в сейф.

Дзуку хлопнул себя ладонью по лбу и даже не прошептал, а жалобно промяукал:

— Бедняга ты! Горемыка!

Понял, сколько ни бейся, а трёх лет не миновать. Столько времени протирать нары в кутузке. Особый ужас испытал и прямо-таки содрогнулся, представив, что потеряет любимую работу в палатке. Разрыдался:

— Уважаемый Бека! Не погубите мою семью. Не запятнайте душу таким грехом. Не...

Пристально взглянув в искажённое ужасом лицо собеседника, инспектор вдруг воочию увидел, учуял в нём человека, которого можно использовать в любом нужном деле. Он ищет такого все шесть месяцев работы здесь, и вот нащупал, набрёл, нашёл. Возьмёшь ли сейчас с него больше того, что он выиграет от сотрудничества с ним в будущем?

Словесная договорённость состоялась — Дзуку Соселиа станет исполнителем поручений Беки Гвелесиани.

Бека выудил из сейфа заброшенный в него лист и помахал им перед носом нового сотоварища:

— Дзуку! Хорошенько запомни! Этот акт будет заперт в сейфе. Если решишься нарушить данное слово, то... я дам ему ход.

Угроза серьёзная!

— Что вы, уважаемый Бека! Чтобы Дзуку нарушил обещание?! — приободрился торговец.

Дзуку не дурак, не тупица! Понимает, что эта угроза — поводья в руках инспектора-всадника, вскочившего ему на загривок и оседлавшего. Впредь, стало быть, будет ездить на нём, сколько захочет. Что же, он охотно примерит к себе это седло, потому что другого выхода у него нету. Выкрутиться бы сейчас, а там — или одно, или другое.

В чём же выражается их договорённость? Инспектор Гвелесиани обойдёт торговые точки города вместе с Дзуку Соселиа. Дзуку примется приобретать сигареты, сахар, сорочки, обувь, костюмчики-тройки. В двадцати из двадцати случаев будет выявлено нарушение цен. Это гарантировано! Инспектор сварганит акты. Деньги потекут рекой под проливным дождём.

Так слаженно работали Гадюка и Сом до тех пор, пока первый не покинул Кутаиси.

Точнее — пока его не попросили с должности.

Ехавшая впереди других машин чёрная “Волга” через полчаса езды на небольшой скорости свернула налево от главной магистрали и взяла курс на деревню Хорбети.

За нею следовали две другие машины, с гостями. Вахтанг Чиковани бросил взгляд на переднее верхнее зеркало и обратился к сидевшей на заднем сиденье Мадонне:

— Нынче тебе придётся выступить в моём доме в роли хозяйки! Продуктов мы возьмём столько, что завалишь. Ты как, располагаешь временем?

— Что вы, уважаемый Вахтанг! Можно ли говорить об этом в такой ситуации?

— Интересно, дома сейчас Дато Хачиперадзе?

— А-а, наш Тура? Я видела его утром, перед тем как ехать в райцентр. Чинил плетень у себя во дворе. Думаю, ещё дома. Почему вы спрашиваете?

— Хочу, чтоб он сыграл нам на своём барабане. Три месяца тому назад он буквально свалил с ног от смеха моих тогдашних тбилисских гостей. И поныне вспоминают и просят меня: устрой нам ещё раз пиршество с Шакалом — Турой.

Тура — прозвище одного из соседей Вахтанга Чиковани. Так его зовёт вся деревня. Подлинные же его имя и фамилия — Давид Хачиперадзе. Длинный, острый нос этого сорокапятилетнего, невысокого роста, щедушного, сутуловатого человека с лёгкой проседью в шевелюре, странно смотрится на его лице. Ходит он крадучись, подавшись вперёд. Славу в деревне стяжал как ловкий похититель кур и индеек, чем и объясняется его прозвище — Шакал.

Шакал незаменим в больших застольях. Суший весельчак! Стоит ему чуть-чуть перебрать, как он выкатывает глаза и принимается стрекотать сорокой. Просто не отличишь! От его шуток и имитаций знай только держись за живот. Прежде, давно, он ставил на стул табурет, выстукивал на нём аккомпанемент и заливисто пел. Пять лет тому назад Вахтанг привёз ему в подарок барабан-доли. С тех пор Шакал не расстанется с ним, и никто из тех, кто приглашает его к себе на пиршество, никогда об этом не пожалел. Никто лучше него не может развлечь застолье. Истинный скоморох!

Подарок Шакал бережёт как зеницу ока. В застольях умудряется и опрокидывать вино, и набивать желудок, и собирать кое-что на сигареты.

— Спасибо Вахтангу Чиковани за то, что подарил мне доли. Бог его благословит! — частенько повторял ударник-самоучка.

Два часа тому назад, когда Мадонна Дейсадзе сообщила Шакалу, что Вахтанг Чиковани с друзьями приглашают его на сегодняшний пир, тот заканчивал подбивать плетень вокруг двора.

— Правда, Мадонна? — сверкнул глазами. — Не обманываешь?

— Конечно, правда! Пошли прямо сейчас, хоть воды да дров мне натаскаешь. Столько дел! Ты ведь знаешь, Вахтанг любит цыплят, поданных горячими прямо на глиняных сковородках — кеци...

— И кукурузные лепёшки к ним тоже на глиняных подах. Погоди, сбегая за хворостом — я его давеча целый мешок приволок с косогора, — и пойдём! — звякнув ломом и топором, он счёл дело чуть ли не законченным.

Спустя два часа он и впрямь сидел в конце стола, ломившегося от яств, прямо напротив тамады.

Тамадой был хозяин дома.

Шакал поддержал три тоста, хлопнул три стакана вина, а когда разливали по четвёртому, прикрыл стакан ладонью и даже отставил его в сторону, зная, что это выведет его из нужного состояния.

Никто не настаивал.

— Ну, Дато! Поддай! — подзадорил его тамада. — Не дай гостям заскучать!

Шакал отложил на тарелку полуобъеденный куриный окорочок, обтер руки бумажной салфеткой:

— О чём речь, уважаемый тамада! — пригладил усики. — Что spoём первым делом?

— Что хочешь сам! — зашумели гости.

— Ладно! Сбегаю в поварню к Мадонне, погрею доли у огня очага... для лучшего звону, — не дожидаясь ответа, он выскочил с барабаном под мышкой из-за стола и убежал.

Тем временем тамада провозгласил очередной тост.

Стол накрыт на обставленной по периметру кадками с лавровыми деревцами веранде, освещён струящимся сверху мягким белым светом неоновых ламп.

Смеркалось, ещё когда только рассаживались. Сейчас почти стемнело. Гости засветло успели обойти приусадебный участок, спустились по кособокому к реке, двое-трое отважились поплавать в прохладной быстротекущей воде. Свежий горный воздух вызывает волчий аппетит. Так что прямо на лужайке у берега слегка заморили “червячка”, хлопнули из огромной бутылки, опущенной в реку для охлаждения. Закусив, прилегли отдохнуть на травке, когда подъехал и присоединился к ним руководитель района Зураб Леладзе.

Поднявшись в дом, продолжили отдых под густыми деревьями в саду, обложившись подушками. Встав, разбились на пары и сразились, выказав немалое мастерство, в теннис. Откуда-то сверху послышался стук бильярдных шаров. Аппетит в преддверии ужина разыгрался чудовищный.

И вот уже пять часов, как собравшиеся сидят за столом. Пьют не много, дегустируют. Торопиться некуда. Отчего не продлить удовольствие на всю ночь?

Уловив бой часов, Дато Хачиперадзе ступил левой ногой под придвинутый табурет, плотно упёрся в него, установил на колене барабан-доли, поплевал на ладони, выдал пьяный вскрик: хау! забил по барабану и запел:

*Я некто Хачиперадзе,
Но зовут меня все Шакалом,
С непокрытой головой не хожу,
Всегда на мне шапка вора.*

*Вчера познакомился с женщиной,
А она оказалась печкой.
Так меня разожгла,
Что чуть не растопила.*

Один из гостей, под хохот остальных, попросил повторить. Налили стакан вина, протянули Дато: для куражу!

— Господин профессор! Что до куражу, то его не занимать! — но поддавшись соблазну, подхватил стакан: чёрт с быком, пусть сдохнет от сена! — и когда осушил стакан до дна, опрокинул его и поднял на мизинце.

Сидевший рядом полюбопытствовал:

— Эту песенку вы сочинили сами?

— Нет, уважаемый! Поэт из меня не вышел. Это сосед, мой учитель, расстарался.

— Однако! Прямо-таки профессиональный уровень.

— Да уж! За это я опрыскал ему полгектара виноградника, — хлопнул Шакал себя по загривку. — И сейчас ещё спина трещит.

— Соседушка-а! — хохотали до упаду гости, уже совсем освоившись.

— А ну, сыграй, стоя на табуретке! — попросил тамада.

Слово Вахтанга закон! Когда раздался перестук взгромоздившегося таки на табурет Шакала, где-то поблизости пропел петух.

Шакал мгновенно слетел с табурета:

— Господа! Когда петух запеваёт не ко времени, его головку следует положить на плаху. Я сейчас сбегаю и притащу глупышку сюда, — засучил он рукава чёрной сорочки.

— Не стоит! Видишь, сколько еды. Её бы одолеть. К тому же и курятник, наверное, ещё заперт, — попытался умерить его пыл рослый, плотный профессор.

— Да он на дереве сидит, уважаемый Петре! — выкатил от удивления глаза Шакал.

— Как же ты его поймаешь? Ещё свалишься с дерева!

— С какого дерева? Что мне на нём делать? — продолжал изумляться Шакал. — Палка от половой щётки есть? Есть. Подкрадусь с нею к дереву. Зацеплю щёткой петуха. Он, конечно, сейчас с закрытыми глазами отдаётся крепкому сну. Из-за неудобства в ногах переступит и переберётся с ветки на щётку. Я осторожно спущу щётку вниз и... хват! — брошу в мешок.

— Батоно Вахтанг! Ну и сосед у вас! — хлопнул в ладоши упитанный профессор.

— Вот именно! — горделиво постучал указательным пальцем себя по распахнутой груди Шакал. — Такой у него сосед! Дато Хачиперадзе по прозвищу Шакал. — Вы, достопочтенный Петре, профессор в своём деле, ас! Правда?

— Ну! — поддержал его упитанный.

— Ну а я в своём! И вы скоро убедитесь в этом!

На этих словах он раздвинул ветви лавра и исчез в потёмках.

Пиршество продолжалось.

Не прошло и часа со времени ухода Шакала, как зашелестели и раздвинулись снова ветви лавра. Из-за них выпростался не кто иной, как именно он, Шакал, с зарезанным петухом в руках, которого он бросил в центр стола.

Гости откинулись на стульях, всполошились.

— Мадонна, а ну сюда! Свари его поскорей и подай целым!

Мадонна и поварёнок мгновенно вбежали, и Шакал показал взглядом, а потом в нетерпении подхватил и сунул им в руки чёрного, но, увы, зарезанного петушка.

— Послушай, Дато! Ты что же, хочешь угостить гостей похищенной птицей? — остоленел тамада. — Что они скажут?

— Как можно, уважаемый Вахтанг! — оскорбился Шакал. — Не позорьте меня! Разве я могу позволить себе такое? Это мой собственный петух, а давеча я шутил!

Дато с досадой вырвал петуха у Мадонны и сам бросился с ним в поварню.

Продолжение в следующем номере.

Владимир ШЕМПУЧЕНКО

“И светла моя грусть, и легка...”

Разбухли от сырости двери.
У ветра повадки судьбы.
Не видел бы, вряд ли поверил,
Что лужи растут, как грибы.

Не март, а январь на исходе.
Смиряюсь...
Сказал же поэт,
Что нет безобразья в природе...
На нет и суда у нас нет.

И всё же камин разжигая.
С полешка стекает слеза...
Дыханьем огню помогаю.
Коты округляют глаза.

Расселись.
Глядят, не мигая,

Владимир Иванович ШЕМПУЧЕНКО

родился в 1956 г. в Караганде. Получил образование в Киевском политехническом, Норильском индустриальном и Московском литературном институтах. Работал в Заполярье, на Украине и в Казахстане. Прошёл трудовой путь от ученика слесаря до руководителя предприятия. Член Союза писателей России, член Союза писателей Казахстана. Кавалер ордена Святого благоверного князя Александра Невского “За заслуги и большой личный вклад в развитие и укрепление государства Российского”. Лауреат международной премии “Поэзия” и международной премии Семёна Полоцкого, победитель Первого, Второго, Третьего и Четвёртого международного конкурса поэзии в г. Москве.

Награждён Патриархом Московским и всея Руси Алексием II золотой медалью Сергия Радонежского I степени. Лауреат Всероссийских премий имени Н. Гумилёва, А. Прокофьева и “Хрустальной розы” Виктора Розова, лауреат Первого Всероссийского Православного конкурса поэзии им. А. Невского, лауреат премии журнала “Наш современник” в области поэзии за 2007 год, обладатель “Золотого пера Москвы”, действительный член Петровской Академии наук и искусств. Главный редактор журнала “Всерусский собор”, газеты “Небесный всадник”, собственный корреспондент “Литературной газеты”. Участник шести антологий поэзии.

Живёт в г. Всеволожске Ленинградской области. Постоянный автор “Нивы”.

И жмутся поближе к теплу...
Я телеторшер зажигаю,
И тень оживает в углу,

Надсадно гнусит под сурдинку...
(Наверно, так сходят с ума).
Ну, хватит!
Дочурка, Поинка!
Сегодня ты будешь — зима!

И слышу... Нет... Чувствую кожей
(Как впавшее в спячку зверьё) —
Протопали где-то в прихожей
Весёлые ножки её.

Да, папа... Я куклу купала...
Пусть сохнет...
Подвиньтесь, коты...
Смотри, чтоб она не упала...
Кто греет под снегом цветы?

Любуюсь — и дочь, и подруга...
Ну как ей не скажешь, любя:
Беги, голенастая вьюга,
Я всюду услышу тебя!

Умученным поэтам

Власть обратительна, как руки брадобрея.
Осип Мандельштам

Вы хотели вместить в себе всё,
Потому обронули невольно:
И рыдающий звон колокольный,
И снежинки, что ветер несёт.

Вы ушли, не умея служить
И прислуживать брадобрею.
Я стихи ваши горькие грею
Под рубашкой, и сердце дрожит.

Нынче в небе так много луны,
Но темны ваши светлые лица.
И уже не успеть повиниться —
Вы на десять шагов не слышны.

Я на ночь не читаю нестихи.
И днём я их обычно не читаю.
Вместилищам словесной шелухи
Молчанье звёзд теперь предпочитаю.

Роится, разрастается толпа
Носителей писательских билетов.
Как быстро замуравела тропа
К могилам Божьей милостью поэтов.

Неповторим и непереводем
Их мир — в нём столько тьмы и света!
Читал и плакал над судьбой поэта —
Поэт Олег Тарутин был один...

Как человеку нужен человек,
Особенно когда лютует холод!
Мой разум этим холодом расколот
На да и нет, а посредине — снег.

Как нужен рядом тот, кто всё поймёт
И по любви великой не осудит.
Ну почему поэта гонят люди
Сквозь клевету — и непременно вброд!

Луна уйдёт, и вновь придёт луна,
Поскольку на земле не рассветает...
Как человека в мире не хватает!
Какая нынче лютая весна!

*Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!
Александр Блок*

Он сидит за столом. Одиночество топит в стакане.
Тонким углем ночник очертил силуэт на стене.
За окном тает снег, и, как бинт, прилипающий к ране,
Постепенно чернеет...
Стоит в летаргическом сне
У дороги аптека. Рождает бесполое тени
Одинокий фонарь. В ресторанах пропойцы кричат.
Диск на небе кривится. Вздыхают в парадной ступени.
Незнакомка уходит... Проклятые книги молчат.

Марине

1

Холодно. Сыро. Фонарь догорает.
Ветер по улице бродит, как тать.
Осень лениво глаза протирает.
Время вставать.

Время грустить. Перелётное лето
Не загостилося в полярном краю.
Кто, ради Бога, загнал на край света
Душу мою?

Время любить. Без любви умирают,
Вянут, как сбритая градом трава.
Путь — от земного к небесному раю —
Как тетива.

Что я здесь делаю? Даже не знаю.
Листья летят и летят с высоты...
Не понимаю. Не понимаю!
Вера.

Надежда.

Ты!

2

Ты о сыне неправду сказала,
И шагнул я в промозглый рассвет.
Вот стою возле кассы вокзала.
В никуда покупаю билет.

Я тебе и за ложь благодарен.
Стало легче и проще теперь —
Уходя, не сумел я ударить
Кулаком невиновную дверь.

По дороге домой, в самой гуще стекла и металла,
Где чужого бояться и буднично бьют своего,
Повстречался мне дождь, он по лужам слонялся устало,
И прохожие грубо зонтами толкали его.

Громыхнуло вдали. Сбились в стадо пугливые тучи.
Купол храма качался и плыл в дождевом гамаке.
Но откуда-то сверху пробился единственный лучик
И отвесно упал, отразившись зеркально в реке.

Тормозили машины, глаза на ходу протирая.
И троллейбус вздохнул и застыл, дождевав тормоза.
И увидели многие: радуга вышла из рая,
А не “каждый охотник желает знать, где сидит фазан”.

Я ломаю строку, между тьмой разрываюсь и светом.
Мне вовек не избыть возвышающей душу мечты,
Что никто на земле не дерзнёт прозываться поэтом,
Не постигнув величья дарованной нам красоты.

Слышащий, да услышит.
Видящий, да узрит.
Пишущий, да напишет.
Глаголящий — повторит.

Всяк — за своё ответит.
Каждому — свой черёд.
Слово, если не светит,
Запечатает рот.

Пуля — она не дура,
А Провиденья рука.
Да здоровствует диктатура
Русского языка!

Опустилась на кончик пера
Паутинка ушедшего лета.
Никогда столько синего цвета
В небесах я не видел с утра.

И светла моя грусть, и легка.
Отрекаюсь от пошлых мистерий.
Я — смиреннейший подмастерье,
Данник русского языка.

Родине

Осень. Звон ветра. Синь высоты.
Тайнопись звездопада.
Если на кладбищах ставят кресты,
Значит, так надо.

Значит, и нам предстоит путь-дорога
За теплохладные наши дела.
Сколько, скажи, не дошедших до Бога,
Тьма забрала?

Сколько, ответь, ещё водишь по краю
По-матерински ревниво любя?
Я в этой жизни не доживаю
Из-за тебя.

Из-за тебя на могилах трава —
В рост! — где лежат друзья...
Но истина в том, что не ты права,
А в том, что не прав я.

Позарастала жизнь разрыв-травой.
Мы в простоте сказать не можем слова.
Ушёл, не нарушая наш покой,
Безвестный гений, не нашедший крова.

Как в ржавых механизмах шестерёнки,
Скрипят стихи — поэзия мертва.
Мы днём и ночью пишем похоронки
На без вести пропавшие слова.

Смилуйся, Государыня-Рыбка!

А. С. Пушкин

Придержи-ка, читатель, улыбку,
И сердитые песни не пой.
Пожалей Государыню-Рыбку —
У неё перманентный запой:

Хлещет с горя солёную воду,
А душа всё горит и горит.
И в погоду, и в непогоду
Золотые слова говорит:

Это ж надо такое наделать,
Чтоб людей покарать нищетою...
Ну, старуху, понятно, — за дело.
Старика, старика-то за что?

Не милы ей ни слава, ни сила,
Ни лазурь, ни песчаное дно.
Приплыла к нему Рыбка, спросила...
Ей ответили: “Умер... Давно...”

Подснежник скукожился в банке,
Как ставшая былью мечта.
И незачем бегать к цыганке,
Чтоб чёрта увидеть с моста.

Рассыпалась жизни телега.
И губы предсмертно свело.
А тут из словесного снега
Строка родилась, как назло,

И, словно отмоленный грешник,
Для жизни открывший глаза,
В душе расцвела, как подснежник,
Взлетела, как стрекоза,

И вспыхнула, словно надежда,
В преддверии судного дня,
И губы оттаяли прежде,
Чем кто-то окликнул меня.

Спасибо, случайный прохожий,
Бог ведает имя твоё —
Поэзию чувствуют кожей
И в банку не ставят её.

В предчувствии первого снега
Трепещет больная душа.
И ночь хороша для побега.
И вольная мысль хороша.

Бреду по сиротской дороге
Под мертвенным светом луны...
Мы все вспоминаем о Боге,
Когда никому не нужны.

Мироточат иконы.
Кровоточат слова.
Колокольные звоны
Над тобою, Москва.

Окольцованной птицей
Возвращаюсь к тебе.

Я устал торопиться
И перечить судьбе.

Постою у порога,
Где толпится народ.
...Кольцевая дорога
Никуда не ведёт.

Кавказской овчарке не снятся Кавказские горы.
Ей снится пренаглый, соседский, ободранный кот,
Который приходит незванно, как беды и воры,
Глазами сверкает и гнусно при этом орёт.

Собака встаёт, потянувшись, плетётся к забору,
Отрывисто лает на юрких чернявых детей,
Затем приглашает несносных ворон к разговору
На тему пропажи оставленных в миске костей.

Устало вздыхает, вполглаза глядит на дорогу,
На серый бурьян, что дорос до обшарпанных рам.
Подходит хозяин, хромая на правую ногу,
И гладит собаку по шерсти, скрывающей шрам.

Проскакал по степи чёрный всадник на красном коне,
И ворвался огонь в белоснежные юрты аула,
И никто не ушёл, и расплавилось солнце в огне,
И крылатая смерть на корявых ветвях саксаула
Наблюдала, как дети от сабельных корчатся ран,
И пришли корсаки, чтоб обглаживать лица и ноги,
И не слышал Аллах материнского вопля: Аман!
И стоял безответным вопросом сурок у дороги,
И луна не взошла, и ушёл конармейцев отряд,
И вернулись в аул, подвывая от страха собаки...
Не ходи к роднику — не вода в нём, а памяти яд,
И не трогай руками росую омытые маки.

Корсак (тюрк.) — степная лиса.
Аман (тюрк.) — пощади.

Золотые слова растащило по норам ворьё.
И аукнулась нам бесконечная наша беспечность.
Поспешаем за веком, и в души несём не своё,
На сегодняшний день обменяв человечность.

Разрастается зло, выползает из тёмных щелей.
Погремушками слов пустозвоны гремят на рассвете.
Встань за Родину, друг мой, молись и себя не жалей —
От безбожных отцов не рождаются русские дети!

Я не страдаю от режима
И не меняю баш на баш.
Пишу без всякого нажима —
Я экономлю карандаш.

Меня не били смертным боем
За дилетантские стихи.
Меня водили под конвоем
За настоящие грехи.

Ненасытная печь за поленом глотает полено.
На исходе апрель, а в тайге ещё снега по грудь.
Скоро лёд в океан унесёт непокорная Лена,
И жарки расцветут, и не даст птичий гомон уснуть.

Где-то там далеко облака собираются в стаи.
Где-то там далеко людям снятся красивые сны.
А у нас ещё ветер весёлые льдинки считает
На озябших деревьях, и так далеко до весны.

Тишину потревожил испуганный рокот мотора —
Не иначе сосед мой, рисковый, бывалый мужик
До того обабдел от безделья и бабьего вздора,
Что по рыхлому льду через реку махнул напрямик.

И опять тишина — на сей раз проскочил-таки, леший!
От души отлегло. Я бы так ни за что не сумел.
В эту пору на лёд не ступают ни конный, ни пеший,
А ему хоть бы хны — он всегда делал то, что хотел.

И за то пострадал, и срока отбывал на Таймыре,
И на выселках жил от Верховьев до Карских ворот,
Пил еловый отвар, кулаком плющил морды, как тирей,
И выхаркивал лёгкие сквозь окровавленный рот.

Он глядел на меня, усмехаясь, в минуты застолья
И на третьем стакане меня зачислял в слабаки...
А глаза изнутри наполнялись любовью и болью —
Так на небо глядят пережившие жизнь старики.

Светлана ВИКАРИЙ

Тверской бульвар, 25

(Окончание. Начало в № 3 за 2009 г.)

Магамед Алиев

Сразу же на первом курсе у меня появились два друга — Женька Мягков и Магамед Алиев. Познакомил нас Олжас Сулейменов в один из своих приездов в Москву. Магамед учился с Олжасом на одном курсе и ушёл из института в знак солидарности после того как Сулейменов был исключён за некий хулиганский поступок. Магамед был из Дагестана, так же как его недруг Расул Гамзатов. Как-то раз из общежития Литинститута Магамед украл у плодовитого Расула чемодан, в котором тот хранил свои стихи, написанные на родном аварском языке. Тогда у Расула ещё не было великих переводчиков и можно было подозревать, что наследие молодого поэта погребло безвозвратно. Упаси Бог, если там погибли строчки равные по красоте и душевности “Журавлям”!

Расул злился за это на Магамеда всю жизнь. Во всяком случае, так считал Магамед. И несмотря на то что они были земляками и жизнь шла вперёд, отмеряя годы успеха одному, а второму нищенское существование — примирение так и не произошло. Очень жаль... Когда я читаю стихи, в которых боль сочится, как светлый берёзовый сок весною:

*Я иных придерживался правил,
В слабости усматривая зло,
Сколько в жизни я друзей оставил,
Сколько от меня друзей ушло.
И теперь я всех вас видеть жажду,
Некогда любившие меня,
Мною не прощённые однажды
Или не простившие меня.*

Мне очень хочется надеяться, что эти искренние строки хорошего поэта, Расула Гамзатова — нашего, литинститутского, обращены и к Магамеду Алиеву. Ведь он тоже наш. Как сотни людей, знавших стены дома Герцена, мужчин и женщин, хотя и не ставших известными литераторами.

После ухода из института Магамед не вернулся в Дагестан. Может, из гордости. Он остался в Москве и вскоре женился на Гале. Потом у Алиевых родился мальчик и своеобразным “крёстным отцом” его в исламе стал Олжас. Галя была банковским работником. Честным банковским работником, которые ни при каких жизненных обстоятельствах не могут переменить своей натуры. Жили они с Магамедом бедно, Магамед работал то дворником, то сторожем. Сотни поэтов и хороших писателей и в этом веке будут работать дворниками. Кто такой дворник? Это человек, осваивающий опыт созерцания. Бедуинские поэты до прихода ислама в песках Аравийского полуострова уже получали этот несравненный опыт: Тарафа, Лабид, Имруульскай... Их монотеистическому сознанию ничего не мешало — песок шуршал, солнце вставало и заходило за барханы. И это позволяло им в своём шестом веке от рождения Христова открывать истины, которые современный человек душил в себе, взрывает гранатами:

Всю землю родиной считает человек.

Изгнанник только тот, кто в ней зарыт навек.

Аптека. Улица. Фонарь. Молчащие на рассвете дома. Деревья, влажные от росы. Туман. Дождь, обмывающий трупы листьев. Это мог увидеть только Рильке или дворник. Глубоко в душе Блок тоже был дворником.

Поэтому и Магамед не мог быть иным. Объяснять его странности можно было только поэтической натурой. Он мог исчезнуть из жизни Гали, которая посылала его в семь вечера всего-навсего в булочную. Или выйдя вынести мусор, он исчезал на несколько месяцев. Через некоторое время, когда Галя, измаявшись, писала заявление в милицию о пропаже человека, ей вдруг сообщали, что всё в порядке. Магамед жив и находится в Алма-Ате, рядом с Олжасом. Олжас купил ему костюм, новые ботинки, пальто и шапку. Он сыт, здоров и скоро вернётся домой. И возможно, даже с книжкой своих стихов, которую помогает ему издавать Олжас. Но Магамед мог легко оказаться и в другом месте, где не было Олжаса, и тогда избежать злключениям ему не удавалось.

Олжас вытаскивал его из милиции, подкидывал работу, помогал материально и следил за его внешним видом. Как-то раз, едва мы уселись на кошму и настроились вкусить бесбармак из баранины у Сатимжана, Олжас увидел, что Магамед стыдливо поджимает под себя ноги. Он вынул из портмоне деньги и тихонько сказал мне:

— Сгоняй в магазин, быстренько. Пять пар носков, носовые платки. Рубашку, ворот сорок первый на твой вкус.

Магамед называл Олжаса только Кипчаком и готов был отдать за него жизнь. Мы это точно знали. И ещё он обладал удивительным даром предчувствия. Но его предчувствие касалось только Олжаса. Он всегда знал, что завтра-послезавтра Олжас появится в Москве. Ни Женька, ни сам Магамед, ни тем более я — никто не мог знать, где находится наш любимый поэт. Разве только Роллан Сейсенбаев, казахстанский прозаик, представитель Союза писателей Казахстана в Москве мог знать о его зарубежных командировках. Роллан был хорошим прозаиком, темой его жизни стал Абай Кунанбаев. Впоследствии он сумел познакомить с наследием казахского философа Англию. Роллан закончил Высшие литературные курсы нашего института и много потрудился, популяризируя свою родную казахскую литературу.

Магамед появлялся у меня в общежитии всегда неожиданно.

— Кипчак завтра приедет, — говорил он с глубоким вздохом. — Я уже Женю предупредил. — Выпив чай и поболтав о чём-нибудь простеньком, он удалялся. Он никогда не читал своих стихов, не давал им оценку. Правда, носил их по всем изданиям Москвы. Но тоже не любил об этом распространяться.

На следующий день, когда я возвращалась из института, Любовь Минаевна, чудесная наша вахтёрша, передавала мне записку: позвонить по номеру. Я мчалась в гостиницу "Россия", где всегда останавливался поэт, и жестом, который переняла у Земфиры Исмаиловой, кидала швейцару, охранявшему дверь, последнюю свою пятёрочку. Или Женька Мягков уже поджидал меня внизу.

Женька Мягков — детдомовский парнишка из Алма-Аты влюбился в Олжаса, когда молодой поэт посетил детский дом и осчастливил мальчишек

своей поэзией. Олжас был лидером своей алма-атинской окраины, отец его погиб на фронте и, видимо, было нечто общее между ним и детдомовскими мальчишками. "... Иду туда, где точки папирос со всех сторон кошачьими зрачками, где в мае по спине моей — мороз, где жизнь копейка, если не нахален".

С того времени Женька прицепился к нему как репей. Он всюду следовал за поэтом и покорила его своей преданностью. Он поступил в КазГУ на факультет журналистики, потом работал в городских газетах, живя в Алма-Ате, затем перебрался в Москву и какое-то время состоял на службе в комсомоле.

У Олжаса всегда было много друзей. Они сопровождали его в командировках, на охотах и за игрой в карты в дорогих и дешёвых гостиницах всего мира. Они его обожали, они его предавали, иные на нём паразитировали долгие годы и всегда чего-то от него хотели. Магамед и Женька, теперь обоих уже нет на этом свете, любили его не за сияние, которым он озарял их скромные жизни. У них не было к нему требований. Хотя Женька писал очень неплохие стихи и Олжас вполне мог рекомендовать их к изданию. Женька был своеобразным рапсодом поэта, память его хранила огромное количество стихотворных строк Олжаса.

Они служили ему верно и беззаветно. Он был для них старшим братом или даже, может, проецировал какие-то отцовские черты. И тот и другой по-своему были детьми, нуждавшимися в опеке и любви. И они умели любить, по-детски, преданно, на всю жизнь. Я думаю, Олжас ощущал ответственность за этих двух. Он находился в ответе за тех, кого приручил.

Когда у Женьки родился мальчик, Олжас дал ему имя — Матвей.

В тот раз Олжас вернулся из Африки и намеревался провести неделю-другую в Москве. Вечером все трое поехали в общежитие — нас ждал Сатимжан. Для населения общежития появление Сулейменова было большим событием. Лифтом мы не стали пользоваться и поднимались на седьмой этаж пешком. Олжас впервые был в общежитии после изгнания, и потому ему было интересно попасть в свою комнату. Эту комнату мы искали весь вечер. Он вспомнил, что она находилась в "сапоге", однако на каком этаже — забыл. А вот комнату, где жил Николай Рубцов, сразу же вспомнил. Помогали искать комнату все, прослышавшие о появлении поэта. Олжас был слегка пьян, весел, разговорчив и даже по просьбе читал свои стихи. Его наперебой приглашали, и он заходил ко всем. Большие умники обязательно пытались разговорить его на предмет скандальной книги "Аз и Я", но он отшучивался. Вообще он любил говорить каламбурами и переделывать слова. Ему задавали вопросы о Роберте Рождественском, творчество которого он высоко ценил. Были и другие вопросы, провокационные по своей сути. Олжас — чрезвычайно корректный, никогда не позволял ни себе, ни окружавшим задевать достоинство пишущего человека.

Кулинарная тема

Первый год я жила в одной комнате с Ольгой Неклюдовой. На чём держалась наша дружба, мне до сих пор сказать трудно — мы были очень разными. Ольга была девицей своеобразной. И Илюша Митрофанов за ней приударял, Баймухаметов тоже в ней что-то нашёл, ну а Вовка Кушнарёв просто таил, когда она пересекала его дорогу. Были у нас на курсе, да и в институте ещё какие красотки и модницы. Ольга же ходила в своей дежурной

синей кримпленовой юбке и одной блузке, с распущенными тёмно-русыми волосами все пять лет. Близоруко щурясь, она всегда прижимала к груди очередную книжку. Я никак не могла понять, что же так бегают за ней Кушнарёв? Пока однажды не посмотрела на неё в душе. В парах горячей воды, как у водопада, стояла Венера. Бело-розовое сияние её кожи, женственные формы — вот и вся разгадка. У многих девочек были фигуры, а у Ольги — тело, и хоть юбка была тёмно-синяя и плотная, мужской взгляд прозревал сквозь ткань, оказывается, запросто. Такой я сделала вывод.

Жить с Ольгой было неудобно, — она всё время читала и говорила мало. Вообще-то мы все всё время читали — в метро, троллейбусе, на лестнице, в очереди. Способность читать была не признаком умственной и творческой индивидуальности, а прежде всего необходимостью. Читали не только самые умные — Серёжа Дмитренко, Виталик Носков, и Коля Новиков читал, и Искандер Идиев, и Серёга Литвиненко и Алёша Ивин. Да все, и Наташка Дрюченко, и Галка Магда...

Но Ольга, кажется, читала и в то время, когда другие ели, готовили, стирали. Она читала лёжа, сидя и стоя. Я же только лёжа и сидя, а когда стояла, то вполне могла заниматься другими делами, например, кулинарией. Я очень любила готовить, украшать себя и то пространство, в котором обитала. И здесь наши взгляды с Ольгой расходились, потому что стремление к уюту у неё напрочь отсутствовало. Придя с занятий, первым делом я бежала на общую кухню занять газовую горелку. Достаточно было поставить на неё чайник. Если не успеешь, белорусы начнут жарить свои драники, а это длинная история. Или упаси бог, якуты поставят огромную кастрюлю и станут варить весь вечер бурдообразное национальное блюдо для всей группы. Два часа мясо, час картошка, полчаса макароны, тридцать минут лук. И всё это последовательно опускается в лохань то одним, то другим прибегающим на кухню человеком, распространяя запах кипящего в хозяйственном мыле белья. Часам к девяти лохань уносится в комнату, и у якутской группы начинается вечерний приём горячей пищи родовым и ротовым способом.

Такая эстетика меня не устраивала. Мне нравились блюда лёгкие и экзотические. Например, я делала лагман, который оценили многие, я делала различные запеканки и мясо по-французски. Ученица я была хорошая. Вечера три я подглядывала за маленькой, как сверчок, дунганской поэтессой, которая прислала на творческий конкурс поэму о Ленине, спасшем дунган от вымирания и полной эмиграции в Китай. Учиться кулинарии можно было также у болгар, таджиков, молдаван, не выходя из общежития, но Ольга учиться совсем не хотела.

Возвращаясь после занятий, она забегала в наш гастроном, чтобы купить кусок колбасы докторской, по два десятка. Это была её любимая еда. Поэтому я часто заставляла её уже лежащей с книжкой. А обёрточная бумага валялась в мусорной корзине. Я же к колбасе была не приучена, она меня совершенно не волновала. Я шла жарить картошку или капусту, варить сосиски или гороховый суп с гренками. Мне хотелось красиво накрыть на стол и культурно вкушать, пользуясь вилок и ножом. Я обожала шкатулочки и салфеточки, чашечки, дулёвские сервизики за тринадцать рублей, расписанные вручную розами или васильками. И наверное, травила на это время. Ещё я любила говорить об этих незначительных предметах — на кухне, в коридоре, в душе, да везде. Я вообще была весьма

разговорчивой. И Ольга придумала про меня анекдот, который потом рассказывала всю жизнь. Он состоял только из одной фразы: “Когда Викарий не с кем разговаривать, она разговаривает...”.

Нет, пока я не скажу, с кем я разговариваю...

Но я тоже рассказывала про неё анекдот. И он был длинным.

На пятом курсе я познакомила Ольгу с другом моего мужа, тоже аспирантом из Египта. Они поженились, но Ольга продолжала читать книги. Готовить ей было некогда. Она, однако, решила, что всю суть кулинарного искусства легко свести к варёной курице, впрочем, которую очень любят египтяне. Она приспособилась варить курицу, которую её муж любил не меньше, чем саму Ольгу. Кастрюля у неё была маленькая, ножки курицы всегда из неё торчали. Крышкой закрыть куру было невозможно. В процессе варки и добавления холодной воды из-под крана ножки становились худенькими и совсем синими. А муж Ольги очень любил именно куриные ножки. Но каждый раз, когда он вытаскивал курицу из кастрюли, — Ольга в это время читала Фолкнера или Достоевского, — он её спрашивал:

— Оля, ну почему у курицы снова сырые ноги?

На что Ольга неизменно отвечала:

— Я не понимаю, почему ты каждый раз делаешь из этого проблему?! Если у курицы ноги сырые, можешь съесть груды!

Однажды, когда я призывала Ольгу не есть колбасу с обёрточной бумаги и подождать, пока я накрою на стол, она произнесла со вздохом сожаления: “Ты бы лучше Достоевского почитала...”.

Впрочем, я успевала читать и Достоевского. Я даже “Мать” Горького прочитала, выполнив обет, данный мною на экзамене при поступлении. Просто я читала скорочтением. Быстрее многих на нашем курсе. У каждого из нас была какая-то своя фишка. У меня их было несколько.

Но вернусь к Горькому. Реалистические, по-современному — чернушные рассказы пролетарского писателя пронзили меня своей сердечностью. Действительно, в чёрной, жуткой, грязной и безнадёжной реальности он умел видеть человеческую чистоту. И я его зауважала.

Вовка Кушнарёв понял, чем можно завлечь Ольгу. Он приходил в нашу комнату поболтать, пожаловаться, что на последнем обсуждении ему уже в десятый раз пеняли, мол, его стихам недостаёт пластичности. Работайте над пластикой стиха! Твердили ему в каком-то журнале, куда он носил свою подборку. Но он никак не мог понять, как добиться этой самой пластичности. Потом, хитро мне подмигивая, он говорил:

— Девчонки, пойдёте ко мне чай пить с мёдом. Отец прислал вчера мёд липовый, вкусный! И колбасу я купил, докторскую...

Этого было достаточно, чтобы оторвать Ольгу от тени Достоевского.

Иисус Христос

Рок-опера “Иисус Христос” вызвала восторг просвещённого московского студенчества. И тогда Мария Вильямовна, а это было на первом курсе, предложила нам в своей английской группе поставить её на сцене общестия в день студента, поставить в юмористической форме. Мы тут же согласились. Мне, конечно же, досталась роль Марии Магдалины. Я как всегда была единственной женщиной в группе. Валерка Кулешов был Иисусом. В нём в самом деле было нечто... Но пришлось погрешить против исторической

действительности, сократив количество апостолов, так как нас всего было, по-моему, девять. На занятиях мы усердно репетировали под музыку. И наконец пришло время праздника. Съев бутерброды и выпив чай с душицей, все дружно направились в зал. Наше выступление стояло в программе первым. Мария включила магнитофон, и мы, одетые в белые простыни, снятые с собственных постелей, обвешанные бусами из шахматных фигур, как веригами, вышли на сцену. Иисус шёл с посохом странника, а я, завершая шествие, несла в руках тазик для мытья Иисусовых ног. Возглавлял шествие Валерка Акинин, он был самый высокий. За ним шёл Славка Довгань, потом Саша Рыхлюк, а передо мной Нурик из Казани. Мы произносили какие-то реплики, останавливались, обращались к Мессии. Наконец пришло время главной мизансцены. Я вставала на колени, ставила на пол тазик, а Иисус опускал в него свои ноги сорок четвёртого размера. Далее я должна была умастить их мирром и вытереть своими волосами. Я так и сделала. Массажными движениями я втерла в Валеркины ноги воображаемую мирру и, красивейшим жестом подведя руки под затылок, перекинула свои огромные роскошные волосы, покрыв ими не только ноги, но и пол. Наступило время реплики Нурика. Он должен был обратиться к Учителю и произнести небольшой монолог.

Но он должен был начать произносить его тогда, когда я уже вытерла ноги Христа своими волосами. Нурик как всегда поторопился. Он вообще, как профессиональный шоферюга, всё делал на скорости. Втерся в доверие к Субботину и самый первый рассказ напечатал в каком-то журнальчике, разозлив всех прозаиков нашего курса. Парень он был отличный, всегда радушный, готовый поделиться чем угодно. И пошутить он очень любил.

Поскольку он стоял поблизости с Учителем, ему оставалось сделать лишь один шаг, но сделав его, он наступил на мои волосы. И я осталась стоять в самой интересной позе, в какой мне когда-либо приходилось находиться: лицом в тазике, упёршись носом в Валеркины ноги, и задом вверх.

Нурик не был бы Нуриком, если бы не забыл текст своего монолога. Ведь он был на английском.

— Тича! — сдавленно проговорил он. И замолчал.

— Нурик, ты наступил мне на волосы! — прошипела я, елозя носом по Валеркиным ногам.

Мария Вильямовна подала ему следующую реплику. Но поздно, у него уже наступила амнезия.

— Тича! — вдруг резко прокричал он. И снова воцарилась щемящая душу пауза. Мизансцена была столь выразительна, что сейчас с уст Нурика должна была сорваться едва не самая главная библейская истина. И все её ожидали с трепетом.

— Сойди, гад, с моих волос! — шипела я в тазике, производя задом вращательные движения.

Но Нурика постигла новая беда. Он не только забыл текст, но ноги его окаменели от волнения перед многочисленной публикой.

— Ущипни! Ущипни его! — шептала я Валерке, надеясь, что после этого действия Нурик уберёт свои ноги. Но Нурик стоял, как вкопанный, время от времени одновременно задавленно и осатанело выкрикивая:

— Тича! Тича! Наш тича!..

Зал уже давно смеялся, все полагали, что мы в сценарии. Всем было весело. Кто-то из апостолов, не то Саша Рыхлюк, не то Слава Довгань или Виталик Носков, догадались, что Нурика парализовало, и, наконец, оттащили его. Я смогла поднять голову.

Последовал шквал аплодисментов. Мы стали лучшими.

Лена Чернышова

Когда в сентябре следующего года на кухне появилась Лена Чернышова, подпоясанная миленьким фартучком, в пёстреньких вязаных гольфах с бом-бончиками и, о ужас... с роскошным жостовским подносом, на который она ставила приготовленные ею блюда и уносила в свою комнату... Я просто заболела любопытством к её персоне — такой сдержанной, культурной и очаровательно домашней. Каждый день Лена появлялась в туалетной комнате в новых сумасшедшей красоты халатиках и бисером вышитых тапочках, которые волновали меня до задыхания. Я сбилась со счёту — сколько у неё халатиков и тапочек. Красота моего сорокарублёвого пеньюара меркла с каждым днём.

Я нашла повод, чтобы заглянуть в её комнату, и меня едва не хватил удар — потому что эта была не студенческая комната! Это был будуар актрисы Сары Бернар или Марии Андреевой! А может быть, и Плисецкой.

Во-первых, зону комнаты и прихожей, куда были встроены два шкафа — один хозяйственный, а другой для одежды, разделяла тяжёлая гобеленовая штора неопикуемой красоты. Оконные шторы были из этой же ткани. Висел также белейший нежнейший тюль, прикрывавший батарею.

В углу, а это была самая угловая комната в конце “сапога” на четвёртом этаже, стоял маленький круглый стол, покрытый кружевной скатертью. А рядом с ним жёлтый торшер, освещающий комнату мягким интимным светом. На стенах висели изумительные полочки и на них стояли керамические вазочки, сервизы, скульптурки животных. И огромное зеркало в деревянной потемнённой раме украшало стену у кровати Лены, застеленной роскошным покрывалом с множеством маленьких хорошеньких подушек-думочек. А на полу лежал настоящий ковёр! Все цвета были жёлто-зелёными, ясными, свежими, сочными, радостными. Я в изумлении застыла на пороге. И целый вихрь мыслей пронёсся в моей бедной голове. А почему я заправляю кровать казённым одеялом? Почему я мириюсь с тем, что на окнах моих висят такие же казённые шторы и отсутствует тюль? Почему я не догадалась купить поднос и продолжаю второй год таскать по коридору кастрюлю, ухватившись полотенцем за ручки?

Мысль переселиться к Лене и начать красивую достойную жизнь стала моей навязчивой идеей. С Ольгой такую красивую жизнь построить было нереально. Следующую стипендию и всё что прислала мама, я с наслаждением потратила на приобретение своего приданого, купив в комиссионке импортное покрывало, красивую настольную лампу, утюг, набор рижской керамической посуды, фужеры и что-то ещё, притянувшее мой жадный взгляд. Не могла же я идти к Лене пустой!

Собравшись с духом, однажды я подошла к Лене на кухне и в упор спросила её: довольна ли она своей сожительницей? Оказалось, Лена была недовольна. Мы быстро поладили. И на второй день я осуществила свою мечту. Боже мой, я ещё не знала, что мне предстоит испытать! Мы договорились

о том, что дежурить по нашему миленькому гнёздышку будем по неделе — неделю она, неделю я. Лена любила во всём порядок, она додежурила первую свою неделю, в течение которой я была счастлива. Распорядок жизни у Лены был железным. Встав с постели, она немедленно впускала в комнату свежий воздух. После чего отправлялась в туалет. Затем следовало первое переодевание. Брюки, пёстренькие гетры, фартучек... С подносом она шла на кухню готовить завтрак. Возвратившись, быстро переодевалась, и я, уже прихорошенная и одетая, приглашалась к столу.

Мы жили словно в пансионе благородных девиц. Лена держала спину ровно, и я, хорошая ученица, делала так же. Она складывала посуду на поднос и оставляла до возвращения в хозяйственном шкафу, прикрыв её вафельным полотенцем. Последним штрихом смазывала кремом руки с идеальными розовыми ногтями, и после этого мы могли идти в институт.

Мы не были прилеплены друг к другу и почти не общались в институте, порой и в общежитие возвращались разными дорогами. Но в дежурство речи не могло быть о гуляниях!

Лена изумительно готовила по-украински. В нашем шкафу стояли банки с домашними консервами — банка смальца, банка салата, варенья — всё это были дары Полтавщины. Каждый день Лена делала влажную уборку, трясла покрывала, на каждый день у неё было свежее хозяйственное полотенце. Наш вечер заканчивался в душе, разогревшиеся и свежие, мы облачались в ночные рубашки и мирно засыпали, читая Аксакова и Малларме, Блока и Пастернака, Личутина и Астафьева, Гомера и Соловьёва. И мы были счастливы, счастливы, счастливы, как феи в своих благоуханных сказочных садах. Много лет прошло с тех пор, больше чем двадцать... Став сильной, много пережившей и успешной женщиной, я вспоминаю то золотое время только как счастье, как подарок судьбы. И до сих пор плачу от счастья.

Женщина, ушибленная звездой

Я встала в хвост очереди нашей студенческой столовки. Тут же подошла девица, похожая на стрекозу, готовую взмахнуть лёгкими крыльями и улететь в неизвестном направлении. Несколько минут она приглядывалась ко мне. Я чувствовала её взгляд затылком.

— Ты Светлана с третьего курса? — наконец спросила она.

Я кивнула.

— Мне сказали, ты общественный редактор от нашего института на заводе "1905 года".

Я обрадовалась.

— Первокурсница! У вас что, статья или стихи? И вы готовы к общественной работе? Мы очень нуждаемся в помощи первокурсников. Знакомство рабочих с современной литературой — работа трудная... — взяв девицу за узкий локоток, я отвела её к раздевалке, на которой всегда болталось лишь несколько пальто — мы предпочитали рассекать двор раздетыми. — Сейчас надо срочно познакомить рабочих с творчеством замечательного поэта Юрия Кузнецова. Вы как к нему относитесь? Прекрасный поэт, иногда прорывается в гениальность. Про улыбку на устах дурака, помните, дурака, который репарировал лягушку? К сожалению, не помню строчки. А к Владимиру Соколову как вы относитесь? Хорошо. Обожаю его! У нас, кстати, его дочка Снежанка учится. В прошлом году я

знакомила третий цех с национальными литературами — киргизской, грузинской, азербайджанской. — Я взялась стала перечислять имена и произведения.

Девушка беспокойно оглядывалась, но я крепко держала её за локоток. Ноздри её трепетали, улавливая запах плова, который у нас готовили вполне сносно. Она даже посмотрела на часы, висевшие на стене столовой. Но я ещё не всё сказала. Мне многое нужно было ей рассказать.

Славка Корда делал мне знаки от стойки и тоже показывал глазами на часы. До конца большого перерыва оставалось десять минут. Но мне ещё нужно было рассказать о студкоме и профкоме завода и последней газете, которую я делала.

Девушка напряжённо смотрела мне в рот, словно изучая мою артикуляцию. Уловив закономерности моего красноречия, она поймала момент и врезалась своим словом в трещину моего речевого потока.

— Правду говорят, что когда тебе не с кем говорить, ты разговариваешь со своими тапочками?

Но тут подошёл Корда, взял меня за руку и увёл в свою очередь.

— Закрой рот, — посоветовал он. — У тебя пристукнутый вид. Дай я понесу твой поднос, а то ты ещё уронишь.

Мы сели напротив друг друга, как впрочем, садились часто. Славка скомандовал:

— Приступаем. Через три минуты звонок.

Мы ели полновесные котлеты с рисом под названием “гадым-будым”, но их восемнадцатикопеечная прелесть сейчас меня не радовала.

— Вкусные гады, — поощрил мой аппетит Корда. — О чём ты думаешь?

— Я думаю о том, что после меня никто не будет знакомить рабочих с поэзией. Как только я уйду из института. Я — как последняя из могикан. Зачем я это делаю, когда никто не хочет?

— Никакой ты не могиканин. Ты — женщина, ушибленная звездой, — сформулировал Славка.

— Возможно, — согласилась я. — Но неужели это безнадежно?

— Сосредоточься и сообрази, когда, при каких обстоятельствах и где тебя ушибли? Это очень важно. Всё подвергай анализу. Так будет лучше. И поменьше эмоций. Можешь поголодать для прояснения сознания.

Я снова с ним согласилась.

— Ну и о чём же ты ещё думаешь? — спросил Славка.

— И ещё я думаю о тапочках.

— О тапочках? У тебя творческая идея — тапочки? Нельзя сказать, что это оригинально. Хотя всё может быть. У Булгакова собака превратилась в человека. Но тапочки... Туфелька Сандреллы... Хрустальный башмачок Золушки — тема вполне благодатная. Надо задать себе вопрос: какие тапочки? Бархатные? Расшитые бисером? Меховые? Кожаные?

— Искусственные, за четыре рубля.

— Ещё и старые, наверное!

— Ага. Я их на первом курсе покупала, вместе с пеньюаром.

Компот был сильно сладким. С полминуты мы дискутировали на тему — чем лучше запивать гада. Тут прозвенел звонок. Мы отнесли грязную посуду и помчались догонять эхо звонка, ещё трепетавшее в воздухе институтского двора.

Ночью я не могла уснуть. Время от времени я поднималась и сквозь полумрак, делавший все вещи мягкими и округлыми, смотрела на свою тапочку. Левую. Правая запропастилась куда-то с вечера. При свете луны искусственная и старая она казалась значительной и дорогой. Широкое окно было отворено во двор, и с улицы в каждую клеточку тела впивался дурман черёмухи. Я думала сразу обо всём — о доме, о маме, о тапочке, о далёком городе, где меня любил молодой человек с красивым, ставшим для меня навсегда пронзительным именем — Евгений. Думала о весне, начавшейся посевной, о чудесном тракторе “К-700”, о том, что хотела познакомить рабочих с творчеством замечательного поэта Александра Межирова, и о том, что на солёное озеро Кургальджино, затерянное в степи, прилетели мои любимые розовокрылые фламинго.

Послышался условный стук.

— Не спишь? — спросил Корда. — Тогда выходи.

Славка стоял в зыбком свете коридора, под глазами его темнели крути.

— У тебя есть две копейки?

Порывшись в кармане, достала две копейки, закрыла дверь, и мы устроились на широком подоконнике коридора.

— Ты почему не спишь? — спросила я.

— У меня в ящике стола завелась мышь. Не даёт спать, зараза, и самое главное, жрёт мои рукописи. Я поставил мышеловку. Может, она испугается и уйдёт к кому-нибудь другому.

— Что она жрёт: стихи или прозу?

— И то и другое.

— Значит, ей нравится твоё незаконченное творчество, — приободрила я его. — А зачем тебе две копейки?

— Хочу позвонить Вознесенскому. Номер раздобыл.

— Сдурел, что ли! Ночью?

— Почему нет? Он умный, поймёт, что на душе моей мятежно.

— Спросонья может не разобрать и послать тебя. Лучше прочитай мне. Корда согласился. И даже, кажется, обрадовался.

— Ну, это так... Экспромт, в духе уже написанного великими, — и хотя он застенчивостью не страдал, мне показалось, прозвучало это весьма стеснительно.

— О, нимфа! Красоты не прячь,

Сереброногая язычница.

Лови меня — футбольный мяч —

С глазами жёлтыми, словно яичница.

Я ожидала продолжения.

— Всё, — выдохнул он. — Ну что ты думаешь?

— Я думаю, ты не гений.

— Знаю! — пламенно воскликнул он. — Но посмотри, какое снижение стили! Какая метафора! Может, мне в поэзию уйти?

Я не рискнула дать ему совет.

Выйду? Буду? Стану?

Я-то понимала, почему на душе у него было мятежно. Любовь к Ирке Полянской, ослепительной белокожей красавице с золотисто-карими глазами, причём, — прозаику, променявшей его на Володю Кравченко, долго не давала ему покоя. Ирка была курсом выше меня. Она притягивала взгляды

многих молодых людей, но и мы не могли смотреть на неё равнодушно. Было в ней нечто старомодное, однако волнующее нас и одновременно раздражающее. Походка у неё была от бедра, неспешная. Мы же бежали, скакали, летали и сшибали на ходу друг друга. Даже находясь рядом с нами, на троллейбусной остановке, она всегда выглядела загадочно-одинокой. Как будто она знала нечто больше, нежели мы — весёлые, беззаботные девчушки-хохотушки. Её хотелось назвать барышней, а не девушкой, институткой, а не студенткой. Глубинная женственность, заключённая в образе Полянской, всегда ассоциировалась с хорошей породой. Другие же на их курсе были просто миленькими девушками, разве что исключение делалось для Тани Николаевой. Медлительная, тёмно-русая с волоокими глазами, она была образцом спокойствия и сдержанности. Сдержанность эта выражалась даже в манере одеваться в исконно русском стиле, которому она осталась верна на всю жизнь.

Их курс, не только потому, что находился ближе всех к нам, — вообще казался интересным. Они были какие-то колоритные. Одна Наташа Соломко чего стоила! Большая, добрая, очень радушная, вечно куда-то спешащая. Нина Иванова, тоже прозаик, габаритами поменьше, но шумная, открытая, весёлая, несмотря на то, что жила она на свете одинокой. Жила только на стипендию, все пять лет ходила по общежитию в сереньком, в разводах, халате и ела жареную капусту с картошкой. Сосиски только в день стипендии. Очень вкусная капуста у неё получалась на растительном масле. Однажды на втором курсе, под старый Новый год, в Нинкиной комнате мы решили заняться спиритизмом. Это входило в моду, и вся Москва шепталась с духами. Девоч набилось — видимо-невидимо. Мы разложили картон, нарисовали круг и буквы, долго спорили по поводу блюда. Наконец приступили к вопросам. Понятно, какие вопросы могли возникнуть в голове у девочек из Литературного института?

Выйду ли я замуж?

Останусь ли в Москве?

Стану ли членом Союза писателей?

Ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Бунин, ни Тургенев не хотели отвечать на такие вопросы. Блюдец стояло как приклеенное, зато девки вопили, визжали, а одна даже со страху забралась на Нинкину кровать и закрылась подушкой. Мы с Нинкой разозлились не на шутку, выгнали их за дверь и решили вызвать своих родных покойников. Сначала я вызвала папу. И, о чудо, блюдец сразу же забегало по кругу! И папа, вернее, его дух, мне сказал, что я замуж выйду, но членом Союза писателей не буду. Так же как не буду жить в Москве, а за границей. Когда я хотела слегка скорректировать его, дух папы бешено завертел блюдец и мы едва успели прочесть: “Молчи, дура! Ничего не знаешь о жизни”.

Это вполне соответствовало действительности. Но жизнь показала, что папа был совершенно прав — уехала я замуж за границу и просидела там ни много ни мало, а десять лет, созерцая с балкона пирамиды. Нинкина же мать так далеко свою дочку не заслала, но тоже не дала ей перспектив на почётное членство в Союзе писателей.

С того курса почему-то свалился к нам Славик Артёмов. Вписался он вполне органично. Были они какие-то дружные на том курсе: Слава Киктенко, Сергей Ионин, Нина Краснова, Сергей Махотин, Игорь Коротков, Лена Трубилова, Таня Поличенко, Таня Николаева, Вова Казаченко, Нина

Маркграф... Мне особенно запомнилось, что они умели радоваться успехам и первым публикациям друг друга. На нашем курсе не все умели это делать.

Частенько посещал в общежитии свою молодую поэтическую поросль любимый мастер Лев Иванович Ошанин. Статный, высокий, радушный, в бежевом элегантно-клетчатом пиджаке — он был из числа мужчин, которые никогда не становятся стариками.

Женские мифы

Иногда нам удавалось попасть в Дом литераторов. О, это были счастливые часы! Нас окружали настоящие писатели, мы пили то же красное вино удачи, что и они. Ели те же бифштексы с кровью. Этими символическими действиями мы почти участвовали в литературном процессе. Во всяком случае, мы верили, что будем в нём участвовать. И это наполняло нас творческим воодушевлением. Славка Корда был ещё какой пролаза, он чаще других улучал возможность попасть в Дом, а после оказаться в ресторане и баре. И я поставила неперенным условием: если он или кто-то другой занимает у меня деньги на такие случаи, то пусть и берёт с собой в ЦДЛ!

Так мне удалось побывать на многих литературных вечерах: и Беллы Ахмадуллиной, и Виктора Астафьева, и Фёдора Абрамова, и Андрея Вознесенского, и многих любимых и уважаемых писателей и поэтов.

Однажды, вероятно, это было после стипендии — наш стол был щедро заставлен небывалыми яствами, мы завели разговор о служении не только литературе, но и самому писателю. Сплетни, бродившие по Москве о личной жизни своих кумиров, мы, конечно же, знали, и нас, девушек, не могли не волновать разведённые писатели. Мы прямо-таки отслеживали подобную информацию. Помню, я вошла в раж и твердила, что долг женщины — стать служанкой своего великого мужа-писателя, как это сделали до нас великолепная Валерия Пришвина, чистая Анна — жена Достоевского и красавица Елена Булгакова.

— Ты как относишься к прозе Личутина? — вдруг задал мне вопрос некий вологодский писатель-заочник.

— О, я его обожаю! — воскликнула я. Действительно, я любила его прозу и, читая новое произведение, не переставала удивляться народности и самобытности его большого таланта, великолепному русскому языку. Так как Личутин, уже тогда не писал никто — так сочно, красиво, глубоко, надрывно.

Теперь же Личутин, как и Анатолий Ким — стали последними могилками той ушедшей и такой прекрасной литературной эпохи семидесятых-восьмидесятых годов, в которой нам выпало счастье воспитываться, и где их великие глубокие дарования были оценены такими же устремлёнными душами. У того и другого был “ожог души”, так называл это Ким в последующем великолепном романе “Отец-лес”. Они ощущали так жаростно, так болезненно и так красиво, что дух захватывало. И их произведение совсем нельзя было читать скорочтением.

— Тебе предоставляется возможность стать служанкой Личутина! — объявил писатель из Вологды. — Он недавно развёлся и находится в поиске новой вдохновительницы. Я уверен, что ты его сразишь наповал. Для этого тебе надо заплести волосы в косу — всё-таки он у нас народник, — посоветовал писатель перед тем как исчезнуть.

Я и не думала заплетать косу, полагая, что парень из Вологды пошутит. Но вскоре он появился с пьяненьким бородатым и незавидным мужичонкой, лет сорока с небольшим. Его галстук болтался поверх далеко не нового пиджака с широкими лацканами, понятно, что привычки к ношению этого украшающего всех мужчин предмета он совсем не имел. Но в глазах, глубоко посаженных, с мешками, выдающими сердечное заболевание, хотя и полупьяных, застыла пронзительная боль. А высокий упрямый лоб его был изрезан линиями ровных, красивых, умственных морщин. Ухо, довольно крупное и неплотно прижатое к черепу с мощной мочкой — улавливало все звуки, издаваемые природой.

— Владимир Личутин, лучший прозаик Беломорья, — представил он. — А вот тебе, Володя, и твоя обожательница, готовая стать тебе служанкой. Студентка Литинститута.

Глаза Личутина выразили любопытство. Мои, наверное, и любопытство, и растерянность.

— Уродит же Господь бабу! — воскликнул он с восхищением в голосе. — Но нет, не беломорская, не наша, — сделал вывод.

— А что, Володя, любое бабье крепкое тело на породу дано. Сам пишешь. Баба не травка, не растёт без славки, — заводя Личутина, парень перешёл на “беломорский” язык. — Или ты только белобрых любишь?

— Не любостайничай! — одёрнул его Личутин и посмотрел на меня так мягко, так пронзительно, что я смутилась.

— Стихи пишешь?

— Нет, прозу, — ответила я.

Начитавшись его историй о сильных северных мужчинах, побеждающих льды, я представляла Личутина стройным, мужественным, красивым, и если не высоким, то крепким блондином с голубыми глазами!.. Передо мной стоял неказистый человек, которого в толпе не выделишь, мимо проходя, разве если он этим своим взглядом обожжёт.

— Прозу! — горько произнёс он. — Проза — это мужское дело. Обман, чары и кудесы... Проза — это пропасть, куда падать жутко и желанно... И падаем мы, мужики... А вам-то, бабам, зачем? Мне, мужику, сомнения не изжить, меня червь точит. Потому что я — тряпка, внутри себя порядка не устрою, а тшусь лечить людские души... А всё гордыня...

— Я вас обожаю! — воскликнула я. Восторг и какая-то незнакомая мне доселе человеческая любовь пронзили моё сердце. — Я обожаю вашу прозу, вашу “Крылатую Серафиму” и ваш беломорский язык! Что вы пишете сейчас? Как вам живётся у вашего Белого моря? Не хотите ли перебраться в Москву? О, нет! Не отрывайтесь от своих корней, от великолепного своего языка. А правда, что у вас на Беломорье на завтрак едят солёную рыбу?

Личутин подтвердил:

— Особенно с похмелья. Я ведь пишу только правду!

Потом, через годы вспоминая ту мимолётную встречу, я каждый раз испытывала тот сердечный восторг, переплавившийся в опыт, который научил меня понимать творческих мужчин и многое прощать им. Может быть, зря я не попробовала послужить Личутину?

Даже кошки любят его стихи

Однажды на Высших литературных курсах появился мой земляк Володя Гундарев, тот, что привёз меня на совещание молодых писателей в Павлодар. Володя был знаменит тем, что написал хорошую песню, которую

исполняла прекрасная певица Ольга Воронец. Песня называлась “Деревенька моя”. Слова были очень душевные, в ней был мягкий патриотизм, не имеющий никакого отношения к пафосу, которым страдали многие, поэтому и ни один телевизионный или радиоконцерт не обходился без её исполнения. Эта песня вошла в репертуар лучших исполнителей и стала классическим произведением советской музыкальной культуры.

Понятно, что Володя ощущал себя на волне. Песня активно звучала уже несколько лет, поэтические сборники его издавались, гонорарчики он по почте получал. Позже Володя начал выпускать литературный журнал “Нива”, который, кстати, несмотря на невероятные трудности, он продолжает издавать в новой столице Казахстана.

И вдруг на нашей общежитской лестнице я встречаю Володю, кидаюсь к нему в объятия, а он от меня шарахается, как чёрт от ладана, и ещё и выволочку мне делает, что я-де такая плохая. Я ничего не пойму.

Оказывается, Володя обиделся на меня за то, что я рассказываю анекдот на тему его замечательной песни.

Я действительно была любительницей рассказывать всякие смешные истории, связанные с моими друзьями. Некоторые из них превращались в байки и повторялись в самых различных вариациях. Причём я никого не хотела обидеть, я просто рассказывала нечто захватившее меня.

А с Володей было так. Я приехала домой, на каникулы. Было знойное лето, солнце стояло в прозрачно-голубом небе, как раскалённый янтарь, опалая огородную зелень жаром своей горячей любви. Я с удовольствием полола грядки, рыхлила и поливала огород, а потом отлёживалась в тени старого смородинового куста вместе с кошкой Мусей. Кошка молодая, обычной серо-полосатой расцветки, охотилась на мышей и воробьёв и отличалась от прочих кошек на нашей улице всего лишь одной оригинальностью. Но какой!..

Когда по радио звучала песня Володи Гундарева про деревеньку деревянную, дальнюю, кошка Муся покидала наложенное место и стремительной пробежкой мчалась к источнику звука. Она садилась и начинала шевелить ушами. Глаза её мутнели от наслаждения и горло издавало вполне музыкальное мур-мур...

Когда бабушка рассказала мне об этом, я едва поверила. Но бабушка провела эксперимент. Она поставила пластинку с песней, и Муся, валявшаяся где-то на чердаке, немедленно появилась. Песня закончилась, Муся ещё минуту подождала и отправилась восвояси. Бабушка вновь поставила пластинку, и Муся вернулась с полдороги. Мусе нравилась песня, она её узнавала и наслаждалась ею! Для того чтобы эксперимент был чистым, мы с бабушкой повторили его раз семь в течение дня, и каждый раз Муся появлялась и устраивалась слушать, причём слушала она как порядочный слушатель в позе сидя.

Вечером пришла с работы тётя. Мы стали обсуждать эту тему и решили проверить, прибежит ли Муся на песню без музыки. Тётя, обладавшая приятным голосом, запела, и Муся, немедленно появившись, села перед ней слушать.

Потом пришёл дядя. Они пели песню вдвоём, и Муся снова прибегала.

Потом я потребовала, чтобы дядя не пел, а только читал слова песни. И Муся снова прибежала. Теперь стало ясно, что слова песни волнуют её не меньше музыки. Тогда я попросила дядю почитать Пушкина. И он стал

декламировать “Мороз и солнце, день чудесный!”, “Я памятник себе воздвиг”, “Мой дядя самых честных правил”. Потом тётя читала Лермонтова и Блока, а бабушка пела частушки, я вспомнила Ахматову, но Муся и не думала посещать наш литературный вечер, который мы устроили на крыльце дома в честь её уникальных способностей.

Вот тут я и изрекла ту фразу, которую потом передали Володе:

— Он пишет такие стихи, что их любят даже кошки!

Ай, какой плохой человек!

Дело было зимой на втором курсе. Я входила в состав студсовета по общежитию. У меня были какие-то обязанности, связанные с наведением порядка. А во главе студсовета стоял Жума из Киргизии — очень воспитанный, милый, застенчивый и надёжный во всём. Репутация у него на курсе была отличная. Не помню, что за мероприятие проводили, но мы с ним ходили по этажам, заглядывая во все углы. Жума шарился по левому коридору, а я вошла в правый. Коридор был полутёмный, и только в самом конце его туманно светилось немытое давно окно. Уборщицы наши, честно сказать, нас не баловали, полностью рассчитывая на нашу чистоплотность.

Из какой-то двери вышел человек. Я столкнулась с ним, можно сказать, нос к носу. Он схватил меня за руки, и как и приглашатель на утренний кофе, обдал перегарищем. После этого он сказал простую фразу, состоявшую всего из трёх-четырёх слов. Эту фразу я даже не запомнила, потому как зная, что матерный лексикон существует и служит выражением агрессивности русского народа, никогда им не пользовалась. Но смысл её заключался в том, что я якобы пришла на этот этаж, где проживают исключительно знаменитые кинематографисты, за известным между мужчиной и женщиной делом...

Я заорала так, что Жума немедленно прибежал из левого коридора.

Такую наглую напраслину я не могла пережить! Я орала, как резанная, что это уже ни в какие ворота не лезет даже с поведением писателей с седьмого этажа. С ними мы уже разобрались. И с киношниками разберёмся! Человек исчез, его втянула какая-то дверь. Какая, я в гневе не запомнила. Я вообще не запомнила его физиономии. Я знала только, что это было лицо кавказской наружности.

Через пятнадцать минут всё общежитие знало о недостойном поведении советских кинематографистов. Я продолжала метать громы и молнии, стучать в двери и требовать выдачи мне негодяя на растерзание. Но за дверьми стояла тишина, как будто там жили не люди, а ангелы.

На мои вопли прибежала Любовь Минаевна, наша замечательная вахтёрша. Она обожала шляпки, литературу и кинематограф.

Я описала ей объект моего негодования и она всплеснула руками:

— Боже мой! Это Алик. Но боже мой, Светочка, он ведь прекрасный человек! А какой он талантливый! Какой воспитанный! Это какое-то недоумение.

Я не намерена была потакать сексуальной распущенности и наглости кинематографистов. Я орала, что всё равно нажалуюсь на него председателю Госкомитета по кинематографии и выселю из общежития. И пусть он квартиру снимает, в Беляево, у чёрта на куличках, если не умеет себя вести.

В принципе, я была права.

Любовь Минаевна, однако, умолила меня пощадить его.

— Он извинится, он обязательно перед тобой извинится. Только ты не волнуйся. Иди к себе и жди. Он сейчас же придёт к тебе в комнату со своими извинениями. А я всё сделаю как надо...

Я отправилась в свою комнату, похожую на будуар, Лена в этот вечер отсутствовала. — Поставила стул посередине и села в позу представителя законности. Не прошло и пятнадцати минут, как в дверь робко постучали и на пороге возникло лицо кавказской внешности. Выглядело оно прежалко — шея втянута в плечи, глаза виновато-печальные.

— Я извиняться пришёл. Извините, девушка, ради Бога. Не знаю, что на меня нашло...

Я втянула воздух носом. Перегаром не пахло. Не мог же он за полчаса испариться. Нет, это был не он.

— Расслабьтесь, — великодушно разрешила я. — Это не вы!

— Не я?! — радостно вскричал он. — Какое счастье, что это не я! Да я никогда в жизни не смог бы оскорбить такую красивую девушку!

— А некрасивую, значит, можно?

— Что вы, что вы! Только последний негодяй способен на это!

— Так где этот последний негодяй?

— Ай, какой нехороший человек! И я его найду! И сейчас же приведу извиняться, — заверил он, закрывая за собой дверь.

Прошло ещё пятнадцать минут, в дверь снова вежливо постучали и, услышав моё разрешение, вошли.

Рядом с Аликом стоял человек тоже кавказской наружности. И у него тоже были большие виноватые глаза. И так же втянутая в плечи шея.

Но через две минуты, когда я сказала, что это не он, объект распрямил плечи и глаза его стали похожи на очи гордого орла.

— Не я? Я знал, что это не я! Мужчина не имеет права так обращаться с женщиной.

— Да мы его в порошок сотрём... — начали было они дружно. Но я их отправила искать настоящего виновника.

Минут через пять они пришли уже втроём, и новый объект прятал глаза и имел бледный вид. Но это снова был не тот.

И ещё одна попытка не принесла результата. Я поняла, что меня дурачат и что виновник сейчас отлёживается в коечке. Спит, бедолага, и ни сном ни духом не знает, что его спасают. Порученную роль они играли великолепно — все же киношники — режиссёры и сценаристы.

В конце концов пыл мой угас, и где-то на пятом объекте я засмеялась. Ребята были все чудесные. Потом мы общались вполне по-дружески, они приглашали меня в ресторан Союза кинематографистов, дарили цветы в праздники и, вспоминая эту историю, мы всегда хохотали, как безумные. Но имя того злодея они мне так и не назвали. Мужская солидарность, понятно, была важнее всего.

Булавки и любовь

Жить с Ленкой мне, безалаберной и неискушённой в дисциплине, оказалось ой как трудно. Приходилось изо всех сил подстраиваться под неё, — а это требовало напряжения. Я лишний раз не могла сбежать к кому-то в комнату поболтать. Если Ленка занималась, за дверь выбрасывалась

табличка — “Не беспокоить”. И это одно уже лишало меня контактов и многих мелких радостей. Но я сама сделала свой выбор, поэтому пожаловаться могла только Ирке Бакановой.

Частенько мы разъезжали на такси. Несомненно в этом был шик, но мы почему-то могли себе это позволить. И вот когда такси уже стояло внизу, Ленка имела обыкновение навести последний лоск. Она поправляла покрывало на кровати, разворачивала на полках чашки и вазочки, придавая им более эстетический вид, и даже вытирала пыль! На это уходило минуты три, и наши студенческие копеечки, как птички, улетали в кассу таксопарка, пока такси дожидалось нас. Я просто прыгала на пороге от возмущения, а Ленка оставалась невозмутимой. Она нуждалась в порядке больше, чем в деньгах. Наверное, в этом была одна из её фишек.

Ленка была дочерью генерала, и многие её качества объяснялись этим. Например, я обнаружила, что её постель выглядит безупречно, будто она не спит на ней вовсе. Моя же измята и неаккуратна, будто в ней по меньшей мере месяц валялись все кому вздумается. А ведь каждый вечер душ, розовый пенюар! В чём же дело? Однажды утром, когда Ленка по своему обыкновению покинула комнату, чтобы ровно пятнадцать минут посвятить утреннему туалету, я решила внимательно изучить её постель.

Оказывается, она была приколата на булавки! Пододеяльник склот с одеялом в шести местах! Простыня приколата к матрасу. На ней не было ни одной морщинки, словно Ленка не имела веса! Я нырнула в свою постель и ничего ей не сказала. Весь день эти булавки мешали мне сосредоточиться на занятиях. Я даже любимого Булгакова не могла читать. Едва дождавшись вечера, я погнала в галантерейный отдел нашего универмага на Добролюбова. К сожалению, булавки, которыми пользовалась Ленка — с пластмассовыми головочками — были в дефиците, и мне пришлось купить обыкновенных. Приколов свою постель к матрасу, я ощутила себя волшебницей. Прошла неделя, и я поняла, что магия булавок почти не работает. Снова встал вопрос — почему? Тут уж я не стала больше таиться перед Ленкой, хотя другим я бы никогда не продемонстрировала свою женскую хозяйственную беспомощность. Но Ленка была мастером, состоявшейся женщиной, сверх меры одарённой женскими способностями. Она умела всё — готовить, стирать, вязать, шить, клеить обои... И всё это она делала красиво. Одевалась превосходно, хотя её пальто были перешиты из отцовских шинелей. Её мама, мамина сестра и младшая сестрёнка Маша — все были чудесными рукодельницами. Ленкины пальто, украшенные цветочными орнаментами и узорами, вязанные её шапочки вызывали зависть всех девчонок. И когда она шла по улице Горького к институту, люди думали, что девушка одета из художественного салона.

А я была всего-навсего ученицей. Её ученицей. Страстно желая быть модной и красивой, я постоянно попадала впросак. То мне в магазине “Наташа” с рук подсовывали импортный батничек в упаковке, который оказывался перешитой майкой, не имевшей даже вытачек для груди и пуговиц. То я, как галка, бросалась на золотые серьги, которые тоже были подделкой.

— Ты на чём спишь? На общежитской постели, которая выдаётся всем сразу. Сегодня тебе, через неделю Сане, а через месяц она попадает к Тане. А у меня своя, собственная, домашняя. Три комплекта, и стираю я её в

прачечной, сама. И крахмалу сама, там же в прачечной. Она у меня невыношенная, новая, льняная, поэтому её булавки держат и заломов на ней нет.

Спасибо тебе, Лена, за науку! Ещё как пригодилась она мне в жизни!

К своей постели Ленка относилась с обожанием и никогда зря на ней не валялась. Занималась она сидя в кресле или за столом. А заправленная постель, украшенная подушечками, всегда была у неё в идеальном состоянии.

Но это совершенно не значит, что Лена Чернышова была занудой и развитие её было односторонним. Мы с ней ещё как развлекались. Однажды, после очередного плова на кошме Сатимжана, в неё влюбился Эдик Дмитриев. Но Ленка отдала предпочтение Бибо Ватаеву. Это и понятно — миллионы женщин видели в его фигуре настоящего мужчину. Однако Бибо только проводил её до комнаты и пошёл по своим делам, решив, что пленённое Ленкино сердце будет ждать его сколько он пожелает. А тут Эдик Дмитриев пристал ко мне, чтобы я сблизил его с Ленкой. Шло время, но Бибо не давал о себе вестей, а Эдик был рядом, и однажды я уговорила Ленку поехать к Эдику на Тёплый Стан, где он снимал квартиру. И мы стали очень весело проводить время: гуляли по лесу, дышали воздухом той чудесной тёплой зимы. К Эдику приходили друзья, среди них были и те, кто играл роль виноватого передо мной лица кавказской наружности, и нам было о чём говорить. Между Ленкой и Эдиком начался роман, да не в шутку, а всерьёз. Утречком я залетала на Ленкин курс и просила старосту поставить ей в журнале присутствие. Она появлялась лишь к третьей паре.

Однажды мы прокутили всю ночь, и Ленка просто уснула в метро.

— Слушай, ты меня отметь, — в очередной раз попросила она. — А я поеду в общагу, посплю пару часов.

Я сделала, как она просила, но сидя на первой паре, сама засыпала, как курица на шестке. Валерка Кулешов, он был старостой, без сочувствия, но откликнулся на мою просьбу свалить. И я поехала отсыпаться. Каково же было моё удивление, когда подойдя к нашей двери, я услышала за ней воркующий смех Чернышовой. Я тихонько открыла дверь и увидела, что Ленка сидит на кровати, что для неё совершенно недопустимо... Вид у неё странный, какой-то грязный и засаленный. Но главное, она сидит одна и сама с собой смеётся.

— Что случилось? — спросила я.

Ленка захохотала, как ненормальная.

Оказывается, входя на крыльцо общежития, Ленка столкнулась с Бибо. И дальше она повела себя как кролик, замороженный взглядом удава. Бибо улыбнулся ей лучезарно и сказал, что едет завтракать в ресторан. Последовало приглашение, и Ленка потопала за ним к стоявшему уже такси. Далее они приехали в "Метрополь", где у него был заказан столик. Официанты суетливо обслуживали знаменитого актёра, официантки с завистью смотрели на Ленку. Бибо был в прекрасном настроении, он шутил и рассказывал анекдоты.

— Где же ты был целый месяц? — наивно спросила Ленка, хотя её уже не очень сильно волновал этот вопрос.

— Дела, понимаешь... Здесь, в Москве был. Встречи, интервью, пробы, ещё и курсы посещать надо. А ты чем занималась?

Вопрос застал Ленку врасплох. И она решила не сразу на него отвечать.

— И что, за целый месяц ты не нашёл для меня свободного вечера? — всё же решила она спросить.

— Дело женщины ждать, — вдруг выдал Бибо, совершенно уверенный в своей неотразимости.

— Я, конечно, могу тебе рассказать, чем я занималась и, главное, с кем... — начала было Ленка, решившись на честный диалог. Но тут же пожалела об этом, потому что глаза Бибо стали разъярёнными, как у быка, которого ткнули в бок нахальные пикадоры.

— С кем?!. — он вскочил со стула и, попытавшись успокоиться, схватил за край стола, покрытого белой скатертью.

Но Ленку уже занесло. Пару рюмок коньяка они успели выпить. И никакой бык ей уже не был страшен.

— Целый месяц я занималась с твоим другом Эдиком Дмитриевым... совсем не лекциями по истории кинематографа... любовью, конечно!

Глаза Бибо метали молнии, руки потянули со стола скатерть. Мощным движением колена героический Рустам перевернул стол, под которым для него навсегда исчезла Чернышова.

Она лежала на полу, облитая коньяком и соусом, в икре и масле, и жалела, что поторопилась — надо было доесть цыплёнка-табака, а также бутерброды с красной икрой. А потом уже говорить такие жестокие слова! Но шаги Бибо уже шуршали по мраморной лестнице, покрытой ковровой дорожкой, и официантки, вытащив пострадавшую за любовь из-под стола, глядя на неё восхищёнными глазами, стирали салфетками остатки дорогой еды с её румяного и очень довольного лица.

Бибо мы больше не видели. После мы в нём совсем разочаровались — в кино он стал играть бандитов. А у Ленки и Эдика через год родилась дочка.

Комсомолы не добровольцы

На том же втором курсе вдруг обнаружилось, что я не комсомолка. Сначала это всех смутило — ведь я продолжала делать самые большие стенные газеты, читать лекции рабочим на заводе “1905 года” о поэтическом Серебряном русском веке, никогда не уклонялась от субботников и устраивала в общежитии праздники. За тридцать рублей я умела накормить бутербродами и напоить травяным ароматным чаем из самовара всё присутствовавшее в тот вечер население. Бутерброды были тоненькие, делались из самого дешёвого сыра и колбасы, но это было не важно. Самой мне не приходило в голову, что моя общественная деятельность должна принадлежать комсомолу. Андрей Масюнин, наш главный комсомолец, сказал, чтобы я пошла в районный комитет и вступила в комсомол. Пришлось подчиниться.

Я читала устав, как приговорённый к смерти читает себе приговор — потому что не понимает, что там написано. До него это просто не доходит. И до меня не доходило. Повторить то, что там написано, я просто не могла! Забуть тоже, так как не обладала дарами Баймухаметова и Мельниковой.

Придя в комитет, я заглянула в комнату — там за длинным столом сидели принимающие. Комиссия работала на полном серьёзе. В холле

слонялось несколько человек, пришедших за этим же. Входили по одному. Время от времени они совали нос в тоненькую книжечку устава и возводили к небу глаза, как будто шпаргалка находилась сверху. Я попробовала делать, как они, но тщетно. У окна стоял парень, показавшийся мне ужасно знакомым. Он тоже читал вопрос, потом поднимал глаза к потолку, и губы его шептали сакральный текст — совершенно непонятный для непосвящённых вроде меня. Это был Игорь Костолевский! Он только что снялся в “Звезде пленительного счастья”, слава и любовь не только студентов, но и всех женщин, включая бальзаковский возраст, упала ему на голову. Но он не был комсомольцем! Увидев и оценив его живую красоту, я совсем перестала соображать, а только с обожанием смотрела на его профиль и шепчущие губы. Я заподозрила, что его не хотят утверждать на хорошие роли в театре Маяковского, который я частенько посещала. По сути, у нас была общая проблема. Наконец он закрыл устав и без уважения к этому произведению сунул его в карман брюк. Походка его была решительна. Через пять минут он вышел из двери.

Я, девочка, всё доводящая до конца, на этот раз остановилась на полпути. Почему я, собственно, должна вступать в этот комсомол? Чтобы Андрюша Масюнин поставил себе очередную “галочку”? А я ничего не скажу Андрюше. Я сделаю вид, что вступила. Мне очень понравилась моя идея, и я с освобождённой душой отправилась в институт.

Каково же было моё удивление, когда ни на второй, ни на десятый день, ни через месяц, ни через два года Андрюша даже не спросил: вступила ли я в комсомол?

Славка Корда

Двухметровый, узкий как штaketина, с взлохмаченной головой, украшенной почти цыганскими кудрями, и неизменной обаятельной и широкой улыбкой — Славка Корда производил впечатление счастливого человека. Хотя за его спиной тоже был детдом и только одна тётка в Гомеле. Если он не страдал по Ирке Полянской, то смеялся заливисто, как Конёк-Горбунок. Несмотря на высоченный рост, выглядел он всем довольным мальчиком, вечно стреляющим по сторонам глазами: чтобы сотворить, ляпнуть или спереть?

Ко времени нашего поступления он был на четвёртом курсе, а поступил в мастерскую прозы Трифонова. Контакты завязывал моментально, дружил со всеми сразу, у всех занимал деньги — так ему доверяли. Жил он с Пашей из польской группы переводчиков. Паша родом из Львова, был до невероятности педантичен. Светленький, выложенный, отутюженный — кажется, он таким и родился в противоположность растрёпанному Славке. Как они уживались, я не понимала. Славка классно жарил картошку на сале. И меня всегда приглашали на ужин. Я в свою очередь, звала их на лагман или борщ. Паша смешивал культурные салатики из морковочки, лучка и капусты и кажется, даже коллекционировал рецептики. В их хозяйстве был знаменитый набор ножей, и Паша категорически запрещал пользоваться ими не по назначению. Один был только для лука, другой только для сыра, для хлеба и так далее. Миляга Паша, с которым одно удовольствие было говорить на все жизненные темы, был безнадёжно влюблён в свою однокурсницу, но она не отвечала ему взаимностью. Она любила эфиопа, похожего на большой кусок шоколада. А он, Фикрэ, не отвечал

взаимностью белокожей польке. К эфиопу ходила такая же шоколадная невеста из МГИМО. Они закрывали дверь, включали громкую музыку и предавались своим эфиопским традициям. Мы с оглядкой проходили мимо двери — барабаны стучали в незнакомых нам манящих и пугающих ритмах, из щелей двери в коридор просачивался острый и знойный, дурманящий аромат мэска — потовой железы африканской газели.

Эфиопская любовь нас волновала. Богатое писательское воображение рисовало нам картины любви под столетними баобабам и кокосовыми пальмами. Страсть как тянуло заглянуть в замочную скважину.

Паша страдал. Он предлагал вечную любовь, руку и сердце, но его не поняли. Поэтому последние два года Паша ходил очень печальный. А Славка всегда был весел и деятелен. Он бегал по Москве в поисках чего-то дефицитного, а потом перепродавал, наваривался и тем жил. Потому что тётка из Гомеля денег ему не присылала. Славка был в курсе всех политических событий. И не только политических — всё, что появлялось новое, моментально им улавливалось. Например, только прошла информация о пользе голодания. И Славка сразу же пошёл на сорокадневную голодовку. Ни больше ни меньше. У него были гастрит, простатит и ревматизм, потому что до глубокой осени в своём Гомеле он ходил в кедах за четыре рубля. Со здоровьем у него были проблемы, и он поставил задачу вылечиться через голодание. Голодание стало преддверием его истинной веры.

Брошюрка, которую подсунули Славке, была даже не книжка Брэга, а какая-то перепечатка на машинке с основными правилами и принципами голодания. И мы, прочтя её, стали Славку отговаривать. Но он проявил завидную волю.

Сначала Славка был бледный, потом синий, потом позеленел, но продолжал упорно голодать, делать клизмы, о которых он очень красочно рассказывал, поддерживая себя рассказами о пользе голодания. Биологические подробности, которые он живописал для пущей убедительности, повергали нас с непривычки в шок, но его это совершенно не волновало. На тридцатый день он неожиданно порозовел, и все признали это за определённую степень очищения организма. Последние десять дней Славка даже ходил на лыжах! В процессе голодания Славка проникся православным религиозным учением и стал его верным последователем. Вскоре и Татьяна — его невеста, архитектор из Минска, пошла на восемнадцатидневное голодание. У неё тоже были проблемы.

Результат превзошёл все ожидания! Вскоре Танька забеременела и родила первенца — Прокопия. А дальше сыновья посыпались, как ягоды из теска — Ваня, Матвей... Семья Корда одной из первых в то время в Москве пошла по пути православия. Славка истово дрался за веру, и я долго не говорила им, что приняла в Египте ислам. Однажды я прилетела в Москву из Каира, как раз под православное Рождество, и сразу к ним — на Юго-Запад. К тому времени они поменяли Татьянину комнату на большую квартиру, всё с Божьей помощью, утверждали они. Открыла дверь в очередной раз беременная Татьяна. И поскольку началась служба в церкви — всенощная, они оставили меня нянькой при своих малютах.

В духовке лежала баранья нога для утреннего разговенья. Мне было запрещено отколупать от неё даже маленький кусочек. Благоухал ванилью испечённый торт — огромный на весь лист мой любимый "Наполеон".

Я поливала баранью ногу соком, мыла посуду, и малютки крутились вместе со мной. Спать они категорически отказывались. При родительской религиозности малютки обладали полной свободой. Я уже рассказала им все сказки, которые знала, а они всё ползали по мне, упавшей от усталости на какое-то подобие спального места, сработанного руками самого Славки, снимали с меня серьги, многочисленные колечки, цепи и заколки и совершенно не желали укладываться. Старший проказник Прокоша опустил в лампаду мои золотые часы, Ваня меня описал, Матвейка требовал, чтоб я его без передыху качала... Ночь была ужасной. Утомонились малютки перед самым приходом родителей. Родители, осенённые духом новорождённого Спасителя, явились в счастливом сиянии. Они привели с собой в гости такую же духовно им близкую семейную пару, правда без малюток, и началось разговенье по всем правилам. Народ они были грамотный. Слово за слово, и у нас затеялся теологический спор. Они были весьма категоричны, я же после принятия пары рюмок рассказывала им об исламе.

— Да что там Магомет! Эпилептик несчастный, купец и многожёнец! Какую истину он мог принести? — вопил Славка, когда я упрекала его в нетерпимости.

— Ты не учишь родоплеменные отношения, традиции и политическое время. Ислам объединил людей в единую нацию — в этом заслуга Магомета. Вот посмотришь, арабский мир защитит себя от распутной Европы, защитит свою духовность религией. Почему христианство имеет на это право, а ислам не имеет? Ты что же это устраиваешь крестовый поход? Что же касается Достоевского, он был таким же эпилептиком, как и Магомет, — парировала я.

— Достоевский прежде всего был православным человеком! И приход христианства в мир совершился на пять веков раньше ислама. Ислам — всего лишь фрагмент великой философии христианства, приспособленный под традиции кочевников, — для убедительности Корда поднял указательный палец вверх и потрянул своими по-прежнему длинными кудрями. Глаза его фанатично горели. Он был похож на Григория Распутина, уже накормленного отравленными пирожными.

Весь этот спор был просто ерундой, в нём не было никакого смысла. К тому же я смертельно хотела спать. Корда то и дело бросался к книжным полкам, тоже сработанным его руками, и выхватывал из тридцати с лишним томов Достоевского под редакцией Базанова то одну, то другую книгу, чтобы прочесть мне, что писал в "Дневнике писателя" Фёдор Михайлович о жидках и славянофилах. Зачем ему понадобилось убеждать меня в том, что главный славянофил России — Пушкин, об этом нам говорил ещё профессор Ерёмин, я так и не поняла.

Вдруг прозвенел телефонный звонок. На часах было семь утра. Славка взял трубку.

— Это Магамед.

Надо было видеть физиономию Славки. Запал, с которым он сражался, вмиг был залит ледяной водой невесть откуда свалившегося водопада.

— Магамед? — туго соображая, спросил Славка.

— Да, это Магамед. Свету, пожалуйста, прошу.

Я выхватила у Славки трубку.

— Магамед! Какой ты молодец, что меня нашёл! — обрадовалась я.

— Мы тут у Жени сидим. Решили вот поискать тебя по Москве. Вдруг думаем, наша подруга прилетела?

Интуиция Магамеда обострялась, если он стал вычислять приезды не только Олжаса, но и мои.

Едва я положила трубку, грянул хохот. Мы хохотали, как сумасшедшие, Славка изображал собственную физиономию, застывшую в глупом изумлении, когда прозвучало это великое и ужасное для славянофилов имя — Магомет!..

И только после этого я сказала, что приняла ислам в святыне ислама Эль-Азхаре, вместе с одним французским экзистенциалистом, которому пришлось ещё и обрезание делать. Я же обошлась беседой с шейхом, которой он остался очень доволен, и объявлением о том, что меня признали правоверной. Оно уже на следующий день появилось в газете “Аль-Ахбар”.

Счастливая полосатка из Парижа

Как-то раз Олжас вернулся из Парижа. Магамеду и Женьке достались диковинные ручки, которыми они с воодушевлением взялись строчить свои новые стихи. А мне кофточка. Это была миленькая, полосатенькая, просто роскошная вещь. Я ощущала себя обладательницей небывалого богатства. Однако эта кофточка требовала другой юбки. Как раз в это время приехала на сессию Земфира Исмаилова. Оказалось, что она обладает непостижимым для меня талантом кройки и шитья. Когда я узнала, что джинсовый плащ сшит её руками, а вовсе не привезён в Баку контрабандой из вожделенной Турции, я не успокоилась, пока мы не купили пять метров джинсы. В общезжитии нашлась швейная машинка, и Земфира легко, как настоящий кутюрье, за три дня сшила мне плащ и юбку — целый комплект умопомрачительной и вполне заграничной красоты. Отстояв три часа в очереди в обувном отделе ГУМа, я купила туфли на шпильках югославского, очень надёжного производства стоимостью в целую стипендию. Я верила, что эта полосатка из Парижа, и юбка, и плащ, и зелёные туфли принесут мне счастье.

Так оно и вышло.

Полосатка из Парижа, от щедрот великого и везучего поэта, осчастливила многих. Все последующие годы девчата не только нашего курса ходили в ней на свои свидания, в редакции с подборками стихов и, конечно, на экзамены.

Согласно приметам, студент должен иметь счастливую вещь, в которой надо сдавать экзамены. Для меня и многих других ею стала парижская полосатка.

Однажды, сдавая зачёт по Леонову Николаю Буханцову, я напрочь забыла “Барсуков”. Читала я не только честно, но с огромным удовольствием абсолютно всего уважаемого мною писателя. “Русский лес” совершенно не стал проблемой, а вот на втором вопросе, а это и были “Барсуки” — меня вдруг заклинило. Я забыла даже фабулу произведения, не помнила ни одного имени.

Буханцов терпеливо вздыхал, зная, что такое бывает. Вдруг я поняла, что на мне нет моей полосатки. Я не была излишне суеверной по поводу экзаменов, знаю или не знаю, пятёрка или тройка не могли поколебать моего оптимизма и довести до истерики. Хотя, конечно, хотелось сдать на пятёрки. Но в тот раз меня задело, я поняла: это случилось потому, что я не надела свою счастливую полосатку.

Буханцов поставил мне “хорошо”, и я, разочарованная, речь ведь шла о Леонове, а не о Малышкине или Лавренёве, выскочила за дверь. У двери в полутьме толпились очередники. И где-то в конце коридора маячила моя полосатка. Я моментально стала тут же стаскивать с себя блузку и вопить, чтобы мне вернули мою полосатку. Кто-то бросился по коридору раздевать арендаторшу моей полосатки. Переодевание было совершено со скоростью тридцать секунд, как за кулисами Большого театра. И, о чудо, едва я оказалась в своей счастливой кофточке, в моей голове что-то щёлкнуло и “Барсуки” в полном объёме, во всех подробностях, со всеми художественными деталями вернулись на место. Я ворвалась в аудиторию с воплем “Вспомнила!” — и снова упала на стул перед Буханцовым. Буханцов прекрасно понимал, что за тридцать секунд отсутствия нельзя ни почитать роман, ни принять вербальную шпаргалку. Смотрел он на меня слегка ошалело. Моё переодевание тоже не осталось без его внимания.

— Вспомнила, да, вспомнила, потому что счастливую мою кофточку надела! — ткнув себя в грудь, я протараторила анализ произведения, всё как полагается.

Пожав плечами, Буханец исправил “хорошо” на “отлично”. Возможности мои он вполне оценил ещё при первом знакомстве на “абитуре”.

Точно такой же случай произошёл вскоре с Женей Лебедевым. Напрочь выпало из головы “Горе и злосчастье”. Я убеждала его, что читала, но амнезия продолжалась минут двадцать. Я корила себя за то, что даю всем свою счастливую полосатку, а сама рискую за каким-то чёртом. И тогда я решила мысленно представить, что я надела свою любимую кофточку. Я вся напряглась, закрыла глаза и постаралась представить себя в счастливой красоте. И тут же произошло чудо — вспомнила! Лебедев не поверил, решил, что я всё-таки сошпаргалила, раз двадцать минут сидела молча, как пень на полянке.

По поводу экзаменов самыми суеверными были у нас болгары. Какие уж у них в Болгарии были приметы, я не помню. Но они вставляли ни свет ни заря, когда ещё дворник нашего двора нежился под одеялом, и дружно всей группой перебирались через забор, чтобы быть первыми. Может быть, примета состояла в том, чтобы первым увидеть добрые глаза ещё не утомлённого преподавателя?

Кто-то в ботинок под пятку закладывал пятак. Иногда просто ажиотаж в общежитии начинался, все бегали в поисках пятаков. Кто-то носил в кармане исписанный кусочек цветного карандаша. Чаще это были поэты, которые частенько и стихи свои записывали на сигаретных обёртках. Мы же, прозаики, слыли людьми более обстоятельными — у нас всегда была стопка канцелярской бумаги наготове, копирка, а у многих пишущие машинки. У меня — маленькая немецкая “Эрика”, которую подарил мой будущий муж. А встреча с ним произошла именно в моей счастливой полосатке. И в зелёных туфлях, и в юбке, и в плаще, которые сшила своими золотыми и счастливыми ручками моя подруга Земфира.

Вместо заключения

Я снова у ворот моего института. Как на ладони маленький дворик — серые асфальтовые дорожки, спортивная площадка. Наша столовка превратилась в кафе, книжный магазин открыли там, где были хозяйственные склады, — вот и все изменения. Всё те же деревья, разве что они стали

старше на двадцать с лишним лет. Как и я. Но возраст деревьев — это не возраст людей. Деревья, как и люди, любят дожди, солнце, объятия ветра, ласку снега. Деревья внимают голосам людей, их настроению. Они запоминают смех, слёзы, надежды, разлуки, любовь. Если бы было иначе, они бы не росли, зачахли ещё при жизни Герцена. Но они растут, наблюдая людей, и стволы их тянутся вверх, как и сами люди. Не потому ль среди деревьев мы ощущаем себя равными.

Памятнику Герцену семьдесят пять, как и институту. Это целая человеческая жизнь. Металл его тоже принял на себя человеческие эманации и вот-вот оживёт. Во всяком случае, я этому не удивлюсь.

За прошедшие двадцать лет я несколько раз подходила к этим кованым воротам, когда мой путь пролегал через Москву. Но я не всегда входила в свой любимый дворик. Когда мне было плохо, когда жизнь шла под откос и казалось, кто-то невидимый по своему разумению управляет моей судьбой, я не входила.

Остановившись на бульваре, напротив, я долго смотрела на деревья, на окна аудиторий, в которых загорался свет и мелькали юные лица. Я слушала голос звонка и шелест листьев, гомон птиц. Я видела, как выходили из дворика мои преподаватели — роскошная, красивая — на ней просто стоял чекан всей григорианской культуры — Магдалена Рубеновна.

Зоя Кочеткова, с острыми глазами и быстрыми движениями, женщина волевых устремлений.

Подтянутая, элегантная, с распахнутыми глазами, в которых бесконечное восхищение красотой мира, Людмила Качаева.

Мария Вильямовна, стройная, с мягкой улыбкой на милом лице, до сих пор похожая на студентку...

Владимир Смирнов, всегда сосредоточенный в себе, на своих глубинных ощущениях, кажется, ничего вокруг не видящий.

Они были такие разные!..

Удивительно, но казалось, время бережёт их и лишь слегка касается своей кистью. Может быть, потому, что они жили и живут лёгким дыханием Литературы, служа ей от всего своего, призванного отдавать, делиться, помогать, сердца.

Раскручивая ленту воспоминаний, я понимала, как многому научилась в этих стенах, у них, своих педагогов, и друзей.

Когда я это осознала, горечь жизненных неудач не казалась такой безнадежной. Каждый раз мне становилось легче. Я ещё раз понимала, что у меня много сил, знаний, терпения, таланта, чтобы продвигаться по жизни достойно и не позволять управлять собой бездарным и бездушным.

Я уходила, окрылённая, снова беззаботная и счастливая, знающая про себя, что смогу преодолеть всё. И в следующий раз обязательно войду в родные стены победительницей, красивой и сильной, какою знали меня мой институт, мои преподаватели и эти устремлённые в живое всевидящее небо деревья.

г. Калининград.

Куаньш АЛПЫСБЕКОВ

Семь писем внуку Елнуру

(Окончание. Начало в № № 2, 3 за 2009 год)

Письмо шестое

Любимый мой внук!

Ты должен знать свои истоки. Зная свою родословную, можешь быть уверенным в том, что аруахи (духи предков) будут поддерживать тебя всегда. Я уже рассказывал о твоих прадедушке и прабабушке Махмуте и Хафизе. У них было восемь детей. Из них я самый старший, а самая младшая — Гульбаршын. Интересно, что мы с ней родились в один и тот же день — 18 ноября. Кроме неё у тебя есть ещё тёти и дяди: Мадина, Магрифа, Кайрат, Канат, Мурат и Гульнар. Наша общая боль — судьба моего брата Кайрата. Когда я жил и работал в Алма-Ате, он однажды ушёл из дома и пропал без вести. Кайрат тогда занимался бизнесом. Думаю, что такой исход был страшным результатом одной из диких криминальных разборок и типичным эпизодом в череде многочисленных случаев бандитского беспредела, царивших в то время. Большое количество убийств, разбоев, грабежей, бессилие правоохранительных органов — всё это было характерным на заре суверенитета во всех постсоветских республиках. Казахстан тоже не был исключением. Наш Кайрат был очень добродушным и доверчивым человеком, оттого и беспомощным от недобросовестных и нечестных людей. Я до сих пор казню себя в мыслях, считая, что если бы тогда был в Целинограде, то, возможно, смог бы уберечь его от такой судьбы. Кто знает...

Немного хочу рассказать о твоём прадеде Махмуте. Он очень рано ушёл из отчего дома, поскольку ещё в детские годы лишился матери. Впоследствии окончил на Украине Донецкий рабочий факультет — рабфак (в двадцатые-тридцатые годы прошлого века для детей трудящихся существовали учебные заведения, которые давали начальное образование). Таким образом, он стал в то время, можно сказать, единственным образованным человеком не только в своём роду, но и во всей округе. Помню, односельчане, а также люди из соседних аулов приходили к нам домой с просьбами, чтобы отец написал заявление по тому или иному поводу. Он был хорошим отцом, любящим мужем, нас воспитывал личным примером. Никогда не было, чтобы он ругал кого-то из детей или, не дай бог, поднимал на них руку.

Обрати внимание: мой отец в раннем возрасте ушёл из дома навстречу своей судьбе, я — твой ата, тоже в десять лет уехал из аула для получения образования, твой отец Талгат очень рано стал самостоятельным человеком, сам выбрал себе профессию, бизнес и всё прочее. Видимо, ранняя самостоятельность, серьёзность жизненных планов — всё это у нас генетически предопределено. Мне бы хотелось, чтобы и в тебе это было продолжено.

Главным человеком в семье была твоя прабабушка, моя мама — Хафиза. Небольшого роста, красивая и обаятельная, она была женщиной неиссякаемой энергии и железной воли. Всё в семье строилось и велось по её планам: воспитание детей, домашнее хозяйство, финансовые и прочие

дела. В те времена не было особого благополучия. Однако мы не голодали, были одеты и обуты. Эта была заслуга в первую очередь мамы и бабушки Сапар — матери моей мамы. Будучи по характеру очень живой и деятельной, мама стимулировала деятельность всей семьи, подгоняла в работе всех нас: отца, детей и других родственников. Но в то же время она была необыкновенно одарённой женщиной. Играла на домбре, пела, завоёвывала призовые места в конкурсах художественной самодеятельности. Для меня и других детей было приятным откровением узнать, что она прекрасно играла на пианино. Был у нас в ауле очень близкий родственник по линии отца матери Омар-ата. У него дома был старинный музыкальный инструмент XIX века — фисгармония немецкого производства.

И когда мы с матерью приходили к ним домой, Омар-ата просил:
— Хафиза, сыграй на фисгармонии.

Она садилась за инструмент, и мы все внимательно слушали и восхищались, как льётся народная музыка. А Омар-ата, седая борода клинышком, не скрывая своих слёз, благодарил аллаха и мою маму за доставленное удовольствие.

Это позже я узнал, что Омар-ата, отец мамы Садык Балтабай-улы, да и весь их род — были знатными и состоятельными людьми в этой округе. Во время конфискации скота и имущества Омару-ата чудом удалось спрятать и спасти от разграбления эту фисгармонию — далёкого предка современного фортепиано.

Вспоминая об этих музыкальных вечерах, следует сказать, что в детстве твоя прабабушка осваивала этот инструмент вместе с дочерью Омара-ата — Шамшыбану. Она была старше матери, но я о ней узнал гораздо позже и при других обстоятельствах. Каждый раз я не устаю удивляться переплетению людских судеб. Мы случайно познакомились, а потом и подружились с Валиханом Конурбаевым, когда в первые годы суверенитета страны он работал руководителем департамента Министерства иностранных дел Казахстана. А затем, когда его назначили послом Казахстана в Монголию, он мне позвонил и сказал:

— Мы с тобой родственники, подробности потом.

Оказывается, Шамшыбану-апа в юном возрасте уехала из нашего аула в Петропавловск, там поступила в техникум, вышла замуж и осталась в Кокчетаве. Пытливая женщина, она живо интересуется политикой, очень много читает и следит, несмотря на преклонный возраст, за всеми событиями как в республике, так и за её пределами. Когда я был депутатом парламента, случайно увидела меня по телевизору и рассказала о наших родственных корнях своему сыну Валихану.

Хочу тебе поведать ещё об одном близком мне человеке. Я уже упоминал о твоей прапрабабушке Сапар. Это была удивительная женщина. Её муж, твой прапрадедущка Садык, скончался буквально через год после моего рождения. Я воспитывался у неё. Чтобы понять, кем она была для меня, мой дорогой немере (внук), должен тебе рассказать вот о чём. Моя мама Хафиза родила меня, когда ей было всего 17 лет. И сразу же бабушка Сапар-апа заменила мне её в качестве матери. Мой отец, будучи первым секретарём райкома комсомола, я думаю, был видным кавалером и вскружил голову молодой девушке. Таким образом я оказался на попечении своей бабушки. Вообще-то это древняя казахская традиция — отдавать старшего ребёнка на воспитание дедушке с бабушкой. И в этом была своя

логика. Дело в том, что раньше молодые семьи проживали под одной крышей вместе с семьёй родителей сына или жили рядом с ними. Родившегося первенца дедушка и бабушка забирали у сына и невестки, а затем растили как собственного ребёнка. Это было оптимальным вариантом, так как в старину у казахов было принято рано жениться и рано выходить замуж, поэтому родители малыша, можно сказать, сами ещё дети, по сути дела не могли дать старшему и раннему ребёнку должного воспитания. Старикам отводилась роль его жизненных наставников, учителей, воспитателей. Много поколений казахов выросло, с младых лет впитав в себя сказки, басни, поговорки, былины и песни своих бабушек и дедушек.

Настоящим жизненным идеалом являлась для меня эта удивительно умная и наделённая житейской философией женщина. До сих пор, при мыслях о своём детстве, тепло вспоминаю её удивительные рассказы перед сном. У неё был большой дар и способности в устном народном творчестве. Все её внуки и внучки боролись за место под её корпе (одеяло). Но первым этой чести удостаивался я — старший, и оттого, наверное, самый любимый её внук. Она учила меня и всех других внучат в трудный период, во время жизненных испытаний, а также перед сном, обязательно произносить — “бисмилла”. В то же время по своей сути она не была фанатично религиозной. Но тем не менее нам внушала, что после того как перед сном скажешь это волшебное слово, все шайтаны (черти) не посмеют нарушить твой сон. И сегодня я, умеренный атеист, при возникновении каких-то сложных ситуаций в жизни заученно произношу: “бисмилла”. И действительно становится легче. Дорогой мой Елнур, прошу тебя тоже не забывать произносить это слово, когда что-то тебя тревожит, а также при отправлении в дальнюю дорогу или когда у тебя тревожно на душе. Я думаю, что это будет твоё обращение за помощью к прапрабабушке Сапар, прабабушке Хафизе, прадедушке Махмуту, а их аруахи (духи предков) тебя обязательно поддержат.

До сих пор хорошо помню её рассказы о жизни. Все её повествования были необыкновенно интересными. Она была ровесницей века, 1900 года рождения. Рассказы о жизни при царе, о коллективизации, раскулачивании её семьи — всегда велись шёпотом. Она говорила, что и у стен есть уши. Являясь свидетельницей сталинских репрессий, старалась при нас, детях, не говорить о серьёзных проблемах.

Её младшая сестра Кымбат жила в Акмолинске. У них с её мужем Жакимом, был свой дом, и я продолжил свою учёбу, живя у них, пока не получил среднее образование.

Там я ещё учеником познакомился с ещё одним нашим родственником по линии бабушки Сапар — Галымом Абельсеитовым, тогда студентом МГУ.

Галым не только успешно учился, но и активно участвовал в общественной жизни университета. Он стоял у истоков создания студенческих строительных отрядов страны. В числе первых руководителей стройотрядов в 1959 году прибыл в Акмолинскую область. Он являлся командиром Всесоюзного студенческого строительного отряда. Впоследствии он стал видным учёным, государственным и общественным деятелем. Доктор технических наук, один из талантливых и любимых учеников президента Академии наук Советского Союза Анатолия Петровича Александрова. Являлся первым генеральным директором МНТК СССР (межотраслевой научно-технический комплекс) “Технологические лазеры”. Затем был приглашён в Казахстан. Здесь поработал заместителем премьер-министра Республики Казахстан, министром науки.

Когда он работал в Казахстане, мы старались общаться. Я и он проживали в то время в Алматы и бывали друг у друга дома.

Как-то он приехал из Москвы в Астану, когда я был первым заместителем акима Акмолинской области, и зашёл ко мне. Мы проговорили часа два — о родственниках, жизни в республике, политике и разном другом.

Хочу рассказать, мой мальчик, ещё об одних родственниках.

Весной 1992 года, будучи заместителем министра транспорта Казахстана, целый день принимал иностранных бизнесменов, которые нахлынули тогда в молодую суверенную страну. И вот заходит очередной иностранец — итальянец Джузеппе Трабукки. Свободно разговаривает на русском. Я у него спрашиваю:

— Откуда такое знание русского языка?

Он отвечает:

— У меня жена казашка.

Я спрашиваю:

— Как её зовут?

Он говорит:

— Жибек.

Я встаю и говорю ему:

— Мы родственники.

Так я познакомился со своим зятем. Дело в том, что моя близкая родственница Жибек (её отец Рахымжан и отец моей матери Садык родные братья — Балтабаевы), обучаясь в Москве, познакомилась с итальянцем и вышла за него замуж. В советское время это считалось чуть ли не изменой Родине. Она почти год ждала получения выездной визы и в конце концов смогла выехать из Советского Союза. При этом, естественно, не было никаких публичных проводов. Её родственники, в том числе и мои родители, старались об этом особо не распространяться.

Но во время этого его приезда в нашу страну обстоятельства были уже совсем другими. Я сразу пригласил Джузеппе домой. По-моему, у нас ещё не было квартиры в Алматы, мы жили в доме отдыха “Алмалы”. Маржан только родилась.

Вскоре приехали Жибек и их дети Марко-Абай и Айжан-Мария. У них двойные имена. Так у них принято.

Потом мы отправились к ним в Швейцарию в город Фрибург, где они живут. Это недалеко от Берна, столицы Швейцарии. Каждый раз, когда мы бываем в Европе, они находят нас и приезжают, и мы все по-родственному радуемся этим встречам. Недавно Джузеппе и Жибек стали дедушкой и бабушкой. Айжан, окончившая Парижский университет, вышла замуж и родила Алехандро. У этого ребёнка казахская, итальянская, французская и армянская кровь.

Такой вот гражданин Мира.

Милый мой Елнуржан!

У тебя очень много и других родственников как со стороны твоего папы — Талгата, так и мамы — Баян. Все они имеют крепкие жизненные позиции и являются достойными людьми. Так что тебе есть кем гордиться и с кого брать пример для подражания.

Теперь я хочу рассказать тебе о самом интересном — об удивительном человеке, твоей бабушке Тыныштык.

Семейные пожелания в Новый год.

Так сложились обстоятельства, что когда я стал учеником 5-б класса казахской средней школы № 28 в Акмолинске, она уже была здесь всеобщей любимицей, красавицей, отличницей учёбы. Я же был аульным мальчишкой, новичком, которому надо было с кулаками отстаивать своё место под солнцем. Все мальчишки, и не только нашего класса, были от неё без ума. Так мы с ней проучились до 8-го класса, после чего она поступила в педагогическое училище. В последующем мы увиделись с ней только через несколько лет на вечере старшеклассников во Дворце культуры железнодорожников, куда её пригласил наш одноклассник, её сосед. Здесь я обратил на неё серьёзное внимание и пригласил на танец, затем на другой, в конце же вечера вызвался проводить её домой. Тогда мы оба поняли, что это — любовь. Потом я уехал в Новосибирск, а она в Караганду, где училась в местном педагогическом институте на преподавателя математики. Пять лет переписки — и к окончанию учёбы решили пожениться. Мы договорились, что будем делать свадебную церемонию по нашим казахским традициям. Мой отец Махмут, а также наш зять (жезде) Жаким, в доме которого я жил в школьные годы, пошли сватать мою невесту, т.е. твою апашку. Здесь я должен сделать краткий экскурс в прошлое, думаю, что ты это должен знать. Мой отец Махмут, следовательно, я, твой ата-дедушка, твой папа Талгат, соответственно и ты — относимся к большому казахскому роду аргын. Этот род берёт начало от древних гуннов. Гунны сохранились в лице тайпа аргынов. А моя мама Хафиза происходит из знаменитого рода казахов — кипчак. Эти роды вместе с найманами, коньрат, керей и уак в XIII веке образовали Орта (Средний) жуз. Затем вместе с родами, проживавшими в Жетысу, на Арале и Каспии, образовавшими Улы (Старший) и Киши (Младший) жузы — основали казахскую нацию. Но есть два рода, которые не входят в жузы. Это торе — аксуйек (белая кость), потомки чингизидов, и кожа (арабы) — потомки эмисаров Мухаммеда Пайгамбара, которые принесли в казахские степи мусульманскую религию. Вот твоя апашка — чистокровная кожа. Представители этих родов в силу своей исторической роли ко всем остальным родам относились как к каралар (простолюдинам). И когда родители моей невесты узнали, что я происхожу из простого рода, были несколько озадачены. Но любовь

— великая сила, которая не знает преград, и в итоге свадьба состоялась. Здесь немаловажную роль сыграли братья и сёстры твоей апашки: тётя Акбилек, тётя Балхадиша, дядя Серик и дядя Хайролла, с которыми мы учились в одной школе. Тётя Роза тогда ещё была маленькой. Особо надо отметить роль тёти Балхадиши, которая в силу своего открытого характера не скрывала своих симпатий в отношении нашего союза и всячески способствовала формированию нормального климата взаимоотношений. Следует подчеркнуть, что мой тесть Зейнолла и кайыншеше Зейнетай были простыми и в то же время замечательными людьми, которые всем своим детям дали хорошее воспитание и образование.

Почему я говорю “кайыншеше”, дорогой Елнур, — просто у меня язык не поворачивается называть её тещей, потому что с этим словом у великого русского народа связано много недоразумений и несправедливостей. У нас же, у казахов, редко встретишь семью, где имеют место конфликты между матерью жены и зятем. У нас принято считать её мамой, а отца супруги — папой. Вот таковыми они и были для меня. И ещё надо подчеркнуть: пока были живы наши родители, у них были большое взаимопонимание и почтение друг к другу. Ездили в гости на омыртка (ежегодная народная традиция) и все события отмечали вместе, поддерживая сват свата, как тысячеклетных родственников, и в радости, и в каких-то испытаниях.

Есть замечательная пословица у казахов, которая идёт из глубины веков: “куйеу жуз жылдык, куда мын жылдык”, т. е. зять на одно столетие, а сваты на века. В этом есть глубокий смысл: родителей наших уже давно нет в живых, а заложенные ими вековые родственные отношения сохраняются. Мои родственники и родичи твоей апашки называют друг друга не иначе как сват. Эту традицию продолжили и мы, когда в Кустанай приехали сватать нашу дочь Жанар родители дяди Рашида — Кабдыуахит Хамитов и Венера Кенченбаева. По степному протоколу в делегацию входили близкие им люди. Это были очень уважаемые нами почётный гражданин города Целинограда Хаким Джангозинович Ташмагамбетов и Илькен Омаров, в то время — главный инженер треста “Целинэлектросетьстрой”. Они являлись родственниками отца Рашида, незабвенного моего любимого свата Ваке, или, как мои братья и сёстры с любовью называют его — дядя Вахид.

Не забуду, как мы ездили сватать твою будущую маму Баян в Чимкент к её родителям. Я тогда работал в Москве и прилетел в Ташкент, где меня встретили коллеги из ЦК Компартии Узбекистана и доставили на машине до границы Казахстана. Там меня уже ждала машина моего комсомольского друга Рашида Ибраева. А твоя апашка со своей и моей мамами заранее прилетели туда из Целинограда. И тогда мы познакомились с твоими чимкентскими дедушкой Кундебеким Торебековым и бабушкой Зубайрой Бегмановой. Необходимо отметить, что Бегмановы в Южном Казахстане — известная и авторитетная фамилия. Старший из них — Махан Бегманов, долгие годы возглавлял облпотребсоюз (в советские времена был такой авторитетный орган — областная потребительская кооперация), оставил после себя хороший след в сердцах земляков. Отдельно надо сказать о твоей бабушке по линии мамы. Это была красивая и очень обаятельная женщина. Но судьба была жестокой как к моему свату Кабдыуахиту, так и к моей сватье Зубайре. Они очень рано ушли из жизни. Такая вот история, Елнур.

У нас с твоей апашкой есть тайная мечта: дожить до того времени, когда мы бы возглавили твою делегацию сватов. Это знает один Всевышний,

может быть, и доживём. Мой дед Алпысбек жил свыше 90 лет, а родители твоей бабушки Зейнолла и Зейнетай — более 80.

Если это и не удастся нам, думается, ты эту добрую традицию всё равно продолжишь вместе со своими родителями Талгатом и Баян.

Письмо седьмое

Дорогой Елнур!

А теперь я хочу рассказать тебе о своих друзьях. Есть такое крылатое выражение: “Скажи кто твой друг, и я скажу кто ты”.

С гордостью отмечу, что самым близким моим другом был Хайрулла Кабжанов, — но это в полной мере не отражает всю глубину и прочность тех корневых уз, что связывали нас в течение этих долгих и счастливых, как теперь понимаю, десятилетий. Да, считай, всей нашей жизни...

Сегодня, когда его нет рядом, я ещё и ещё раз удивляюсь той внутренней, глубинной переключке наших судеб, совпадению, параллельности жизненных и карьерных дорог, которые когда-то свели нас вместе и сблизили, соединили невидимыми, но прочными нитями. Это была редкая психологическая совместимость двух характеров и, конечно, то взаимное уважение и подлинное взаимопонимание, которыми не всегда могут похвастать и родные братья.

Память выхватывает из толщи лет, из сотен, а может, тысяч встреч отдельные эпизоды. И в них высвечивается, отражается светлая, радостная атмосфера наших взаимоотношений. Наверное, это связано с тем, что мы вместе прожили нашу молодость — боевую, кипучую, когда энергия бьёт через край, мир видится светлым, а бытие — вечным...

А начиналось всё в далёком уже 1974 году. В апреле мы, делегаты XVII съезда комсомола от Целиноградской области, отправлялись поездом в Москву. Это был специализированный поезд, собиравший делегатов от областей, которые подсаживались на крупных станциях — в Караганде, Кокчетаве, Петропавловске, Кургане и так далее. Словом, состав можно было назвать комсомольским.

По традиции мы, целиноградцы, согласно маршруту следования встречали на перроне карагандинцев. Хотя это было ночью, тут царила праздничная атмосфера — баянisti играли без устали, задорные песни сменяли одна другую. Я ждал появления первого секретаря Карагандинского обкома комсомола Валерия Жукова, своего коллеги, но вместо него увидел молодого, красивого парня, который, приветливо протянув руку, дружелюбно представился: “Хайрулла Кабжанов, второй секретарь Карагандинского обкома, делегат XVII съезда ...”. Сказать честно, я был удивлён, почему не вышел Жуков, что за чванство и пренебрежение, ведь народ встречает... Хайрулла спокойно пояснил, что “первый” устал в дороге и уже спит...

Так, на перроне, состоялось знакомство с Хайруллой, и пока ехали в Москву, за двое с половиной суток мы сблизились с ним так, как будто знали друг друга сто лет. Наверное, потому, что такая искренность свойственна молодости, а может, сыграла роль и общая атмосфера, царившая в нашем эшелоне: интересные знакомства, разговоры, комсомольские песни. С особым увлечением пели только что появившийся тогда шлягер “Мой адрес — Советский Союз”. Напрасно ругают эту песню в новые уже времена — был в ней дух той дружбы и задушевной людской общности, которые мы, казахстанцы, сберегли и бережём по сей день...

Тот съезд привнёс перемены и в нашу жизнь. Жукова оставили в аппарате ЦК ВЛКСМ. Хайруллу избрали членом ЦК, меня — членом Центральной ревизионной комиссии. Мы все поняли, что Хайрулла ехал на съезд вторым, а возвращается — первым секретарём обкома комсомола. Сразу по приезду его избрали на эту должность. А наша дружба тем временем развивалась и крепла: мы ездили друг к другу, общались семьями — дети наши были ещё маленькими, сами мы — молодыми, дело у нас было общее. А главное — общими были цели и устремления, интересы и мечты.

Мы долго работали первыми секретарями обкома комсомола, и все привыкли видеть нас вместе, рядом — на пленумах, конференциях, молодёжных форумах, и даже гостиничные номера нам бронировали рядом: в Москве — в гостинице “Юность”, в Алма-Ате — в одноимённом отеле.

Помимо этого мы часто встречались на границе наших областей, Карагандинской и Целиноградской. Между областными центрами всего 200 километров, и когда одновременно едешь навстречу друг другу, это занимает всего час времени. И ровно посередине пути, за Анаром, слева от дороги возвышается сопка. И когда мы в первый раз договорились встретиться рядом с ней, случился казус, о котором мы всегда вспоминали со смехом (об этом весёлом эпизоде знают все наши друзья). В общем, подъехал я к сопке, простоял часа полтора, но друга так и не дождался. Вернулся домой в досаде, звоню Хайрулле и узнаю, что и он был у той же сопки, так же долго ждал меня и уехал не солоно хлебавши. Оказалось, мы стояли по разные стороны сопки, каждый — со своей... Тогда сотовых телефонов не было, и мы разъехались, не увидев друг друга.

Но то был единственный случай, а сколько раз мы отводили душу у этой сопки! Впрочем, вели тут не только душевные разговоры: рассказывали новости, советовались, как отчитываться в Алма-Ате или в Москве, делились опытом, ведь жизнь в комсомоле тогда кипела. Час езды, час общения, и возвращаешься в свой кабинет как будто с новыми силами: дружеская поддержка, надёжное плечо верного товарища многое для нас значили.

Место встречи изменить нельзя — так можно было сказать об этой сопке посреди родной Сары-Арки. И как же горько было на душе, как больно, когда я ехал мимо этой сопки хоронить и поминать погибшего друга. Его нет, но эта сопка, эта степь помнят Хайруллу. Как помним все мы, пока живы...

Другой яркий эпизод поездка на Кубу, на Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Было это в 1978, мы оба уже уходили из комсомола. Фестиваль выпал на конец июля — август, а с 1 сентября меня ждала учёба в Академии общественных наук. Поэтому эта поездка была своеобразным прощанием с комсомолом, со своей юностью.

Мы, 400 делегатов фестиваля и 450 молодых артистов, поэтов, музыкантов, а также 450 членов экипажа плыли на замечательном лайнере “Шота Руставели”. Ранее об этом незабываемом круизе я тебе уже немного рассказывал, Елнуржан. Это был не корабль, а можно сказать, целый город: 8 палуб-этажей, спортивные площадки, бассейны, сауны, рестораны. Мы с Хайруллой разместились вместе, в каюте первого класса, а соседями нашими были Рашид Ибраев — сегодня он Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан в Венгрии и Куаныш Курмашев — впоследствии депутат Мажилиса Парламента первого созыва. В то время они возглавляли Чимкентский и Алма-Атинский обкомы комсомола. Те 15 суток, которые заняла дорога, были насыщенными до предела: концерты, дискотеки, репетиции.

Интереснейшая творческая группа была на теплоходе. Назову лишь некоторых из них. Это знаменитый эстрадно-симфонический оркестр Юрия Силантьева, группа цирковых артистов Сергея Каштеляна, народный артист Татарстана Ринат Ибрагимов, певица из Молдавии Надежда Чепрага, пародист Владимир Винокур, любимый поэт страны Роберт Рождественский, казахстанские иллюзионисты Сара Кабигужина и Султан Шукуров. Творческий состав, можно сказать, был подобран суперзвёздный. И маршрут тоже ему соответствовал: Ла-Манш, Азорские острова, Атлантика. Среди всех этих известных людей мы были на равных, а Хайрулла в некоторые моменты выделялся особо. Вспоминая азартные соревнования по разным видам спорта, и особенно — волейбол. Хайрулла был в своё время членом сборной Казахстана и сражался на зависть другим, мастерски! А тут пришлось биться с очень сильной командой теплохода. В сборной делегатов фестиваля был замечен поэт Роберт Рождественский, но “тушил” он неудачно. Раздосадованный этим Хайрулла, кстати, строитель по образованию, не скупился на выражения, профессионально используя прорабский лексикон. В горячке соревнований его выражения звучали естественно и к месту.

Фестиваль, Гавана, общение с друзьями стали для нас с Хайруллой одними из самых ярких, значительных воспоминаний, знаками той романтики молодости, без которых жизнь любого человека многое теряет. Этот задор юности у нас остался на всю жизнь и всегда помогал в тяжёлые моменты.

Шли годы, наши дороги то расходились, то сближались. Хайруллу избрали первым секретарём Советского райкома партии Караганды — район был крупный, центральный. И он очень скоро завоевал огромный авторитет у всех своих земляков, его очень любил и ценил Василий Акулинцев, первый секретарь обкома партии — за высокие деловые качества, надёжность. Вскоре и меня, отозвав из академии, избрали первым секретарём райкома — тоже Советского, но в Целинограде. А в Алма-Ате Советский райком партии возглавила наша коллега Шамша Беркимбаева, что давало повод для гордости всему комсомольскому активу республики: знай наших!

Можно сказать, Хайрулла по жизни шёл прямо, проявляя целеустремлённость, в его карьере чётко прослеживалась логика профессионального роста. Он учился в Академии общественных наук, защитил кандидатскую диссертацию на экономическую тему. После непродолжительной работы заместителем заведующего отделом строительства обкома партии в Караганде его пригласили инспектором в ЦК Компартии Казахстана. Затем он стал помощником первого секретаря ЦК, а позже — первым помощником первого Президента Республики Казахстан. В это же время я из Кустаная, где работал секретарём обкома партии, был приглашён в Москву на должность ответственного ЦК КПСС. Здесь мы часто встречались, когда Хайрулла приезжал в командировки вместе с Нурсултаном Назарбаевым.

Наверное, будет нелишним сказать, что даже став столь близким сотрудником президента, Хайрулла оставался прежним, каким мы привыкли его видеть. Он никогда не козырял своей должностью и тем более не злоупотреблял ею. Когда я вернулся из Москвы в Алма-Ату в мае 1991 года на должность заместителя министра транспорта, первое, что сделал Хайрулла, уступил свою трёхкомнатную дачу в доме отдыха “Алмалы” моей семье. И сделал это, не задумываясь, хотя летом в нашей бывшей столице очень и очень жарко.

Это был новый этап наших отношений — мы общались каждый день, встречались с друзьями, в том числе с выездом в горы, где Хайрулла

нашёл уютное замечательное место, которое мы называли “Кабжановкой”. Выбор его имени явно не случаен — так сильно было притяжение этой Личности. Добавлю, при всей открытости отношений он не любил жаловаться, не перекладывал свои проблемы на других — даже друзей. И это тоже свойство сильного человека!

Вот ещё один штрих: когда Хайруллу пригласили на рядовую должность в ЦК Компартии Казахстана, ему выделили малогабаритную квартиру в панельном доме. У нас вызывало удивление, что и став первым помощником главы государства, он продолжал жить здесь. Помню, из-за тесноты наш друг развешивал свои костюмы в дверном проёме, и приехавший из Чимкента Рашид Ибраев громко возмущался: “У тебя не квартиры, а “комки” какой-то”... Но и это не подвигло Хайруллу на какие-то неуместные, по его мнению, действия.

Продолжая квартирную тему, скажу, что когда Хайрулла вернулся в Караганду заместителем акима области (к огромной радости своих земляков, которые очень его любили за самоотверженное трудолюбие, честность, обязательность), там выделили такую же простую квартиру в обычном доме, в которой он и жил. Возможно, очень удивляя своих коллег, обретавшихся в коттеджах.

К тому времени я тоже стал заместителем акима Акмолинской области, и мы, вернувшись на “параллели”, встречались так же часто, как и раньше. И даже у той же сопки, если выпадала возможность. У нас в 1996 году уже шла интенсивная подготовка к переезду столицы, а у Хайруллы заметно осложнились отношения с областным руководством. И тогда мы, его друзья: Маркен Чайжунусов, Кадырбек Мейрамбеков и я, собрав совет в Осакаровке, приняли судьбоносное решение: “Хайрулла, давай двигай в Астану”.

Здесь, в столице, он занял должность заместителя заведующего международным отделом аппарата Сената Парламента, а спустя пару лет, в 2003 году Кадырбек перетянул его в сферу бизнеса, пригласив руководить частной строительной фирмой. Хотя опыта в этой отрасли у Хайруллы было немного (бетонщик и начальник цеха домостроительного кабинета), оказалось, что он — строитель от Бога. И Кадырбек не мог нарадоваться, да и сам Хайрулла работал с душой, как всегда азартно и с удовольствием. Планов было громадье, тогда начинали закладывать жилые комплексы на левом берегу Ишима. Подрядчиками там были москвичи и турецкие строители. Я видел, что на похоронах Хайруллы турки не скрывали слёз; они тоже успели узнать и полюбить его.

Вот ведь как сложилось: когда-то в юности Хайрулла получил диплом инженера-строителя, и спустя много лет снова стал строителем. Видно, созидание было у него в крови: он стоял у истоков суверенного Казахстана, и все тяготы, трудности, которые легли на плечи нашего президента, не минули и Хайруллу, бывшего рядом с ним в самый сложный период. Он подставлял своё плечо, участвовал в выработке многих ответственных решений, от которых зависела судьба государства. Где бы он ни трудился, везде был эффективен, успешен, везде сумел проявить себя с самой лучшей стороны, везде был нужен. И не жалел себя, всего, без остатка отдавал людям, делу, которым занимался. И люди видели это, отвечая искренней любовью. Особенно показательно отношение к нему земляков, а если на малой родине тебя ценят, то оценят и другие. Это аксиома жизни. В день похорон Хайруллы в январе 2005 года стоял сильный мороз, где-то под

тридцать градусов с ветром, но, можно сказать, вся Караганда провожала его в последний путь. Люди не стеснялись слёз, и каждый хотел сказать о нём доброе слово. Многие, знавшие о нашей многолетней дружбе, подходили и ко мне с соболезнованиями.

Конечно, нам сильно его не хватает. Его телефоны, наверное, навсегда останутся в моих записных книжках. Рука машинально тянется к трубке, так хочется услышать его голос, хочется поговорить с ним, но увы! Это невозможно.

Да, остались его дети, Рустем и Рахим, его внуки, супруга Тогжан. И осталась Память в наших сердцах. Наверное, ещё при жизни каждый из нас должен думать, что останется людям. И ревниво беречь чистоту своего имени, свою честь, достоинство — то главное наследство, которое необходимо оставить детям. Неслучайно казахи говорят: “Жаксы аке балага жуз жыл азык”, то есть хороший отец детей на сто лет обеспечит. И Хайрулла всю жизнь создавал именно такое, главное своё богатство. Его цельностью, нравственной чистотой, благородством, добрым именем по праву должны гордиться его дети и внуки.

Он высоко ценил настоящую дружбу и умел дружить. Потому так много у него преданных, верных друзей. У Хайруллы многому можно было поучиться, ему всё можно было доверить. Он никогда не играл в аппаратные игры, не терпел интриг. Помнится, когда вышли “мемуары” Коржакова, мы шутливо подначивали своего друга: что же ты не напишешь свой бестселлер, сделал бы капитал? Он решительно отмахивался, пресекая тему: “Кончай, кончай!”. И никогда, даже самым близким друзьям ничего не рассказывал о своей работе первым помощником президента, хотя, конечно, был участником многих интересных, важных для истории страны событий. Человек высокой внутренней культуры, он являл пример сдержанности и деликатности, хотя, замечу, не чурался острого слова, любил розыгрыши, умел шутить и весело смеяться. Вспоминаю нашу последнюю совместную поездку — на Украину. Хозяева, предупреждённые послом Василием Цыбенко, не выставляли на стол блюд со свининой, причём такая диета выдерживалась в течение всей поездки. И каково же было их удивление, когда за прощальным ужином Хайрулла грозно спросил: “А где же сало?!”. Раздался громовой хохот, а довольные хозяева возвели гостя в национальные герои Украины...

Уверен, мне в жизни очень повезло с другом. Знакомая весной 1974 года с красивым, ярким парнем, я не подозревал, что Судьба сделала мне царский подарок. Не знаю, привыкну ли я к потере, к его отсутствию. Но осталась Память, остались дороги, которыми он ездил, осталась сопка Хайруллы, сопка нашей дружбы на просторах Сары-Арки.

Думается, когда речь пойдёт о моих других друзьях, прежде всего надо начать с так называемого “банного клуба”. Собственно говоря, становление его коллектива проходило поэтапно, взяв своё начало в середине 70-х годов прошлого столетия. Это были годы наиболее полного расцвета Советского Союза и идей социализма. В этот период у советских людей были налажены уже более или менее комфортные условия жизни. Телевизоры, холодильники, магнитофоны, другая бытовая техника — прочно вошли в быт и стали доступными большинству населения. Произошли большие перемены и в общественном сознании. Никто уже так резко, как прежде, не осуждал тех, кто имел автомобили или мотоциклы, в проявлении мелкобуржуазной психологии. В то время не было такого большого разрыва в

уровне жизни между людьми, как сейчас. Поэтому наиболее продвинутые и прогрессивные руководители на подведомственных предприятиях, на свой страх и риск, для удобства своих работников сооружали банные комплексы. Существовавшие общественные бани не отвечали возросшим требованиям по уровню услуг и сервиса, к тому же помывочных мест не хватало и люди были вынуждены терять время в больших очередях. И тогда в числе других хозяйственных руководителей города Булат Султанович Куанышев строит банный лечебно-оздоровительный комплекс на территории своего предприятия. В итоге он получился одним из лучших в Целинограде. Тут надо разъяснить, что механизированная колонна № 56 треста «Целинэлектросетьстрой» специализировалась на строительстве и монтаже линий электропередач и трансформаторных подстанций, которые обеспечивают электроэнергией непосредственно потребителей. Люди здесь работали круглосуточно на открытом воздухе в суровых климатических условиях. После тяжёлой рабочей смены эта баня была им как нельзя кстати. Поскольку Булат Султанович был известным во всей округе руководителем, то постоянными посетителями этого заведения одновременно были известные люди Целиноградской области. Они, как правило, ходили в баню по воскресеньям вместе с рабочими мехколонны, которые шли туда прямо с трассы. Так создавалась устойчивая группа людей — любителей целительного пара. В понятие бани входят не только вода, пар, веники и всякие травяные настои — как источник физического здоровья, ко всему прочему — это и замечательное место для человеческого общения. Здесь происходит естественная селекция людей на предмет их постоянного общения, поэтому остаются только те, которые проявляют общность взглядов, интересов и взаимные симпатии. Это было важно в те советские времена, это актуально и сегодня. С удовольствием вспоминаю тех людей. Это, в первую очередь, легендарные люди Целины: Евгений Золотарёв и Пётр Головач, приехавшие в область в молодом возрасте после окончания институтов в Полтаве и Саратове. Здесь они прошли закалку, удостоились высоких званий, постов, добились почёта и уважения.

Евгений Михайлович долгие годы руководил Целиноградским районом, здесь же получил высокое звание Героя Социалистического Труда. Затем был председателем Кызылординского облисполкома, а в последующем — первым секретарём Актюбинского обкома партии. Сейчас живёт в Полтаве, но ежегодно приезжает в Астану, собирает своих друзей и по-прежнему считает эту землю своей второй родиной.

Также не забывает Приишимье Пётр Ануфриевич, который начинал свою трудовую биографию в Кургальджинском районе. Потом он долгое время плодотворно работал руководителем Шортандинского и Целиноградского районов, был удостоен высших наград СССР.

Помнит Казахстан, а также своих «банных» друзей, и Рихард Кремер, с которым мы в своё время вместе работали в Ерейментауском районе, кстати, и с Петром Головачом — тоже. Рихард Фёдорович, хотя и живёт теперь на своей исторической родине, но в основном — он в Астане и области. Ни одно большое событие его друзей не проходит здесь без него, так что в Германии он только номинально. Тем более что его сын Виктор, так же как и дети Евгения Михайловича — Михаил и Владимир, имеют совместный устойчивый бизнес здесь, в их родном городе.

С удовольствием вспоминаю ветеранов «банного движения» — генералов, начальников управления внутренних дел области разных лет

Андрея Лагеря и Виктора Тюрина, председателя облпотребсоюза Василия Белимова, начальника областного управления местной промышленности Кабыкена Закарьянова.

После десятилетнего перерыва, в 1995 году, я снова приобщился к этому приятному занятию. Жизнь разбросала старую “банную гвардию” кого куда. За это время произошли события вселенского масштаба. Советский Союз распался на 15 осколков — самостоятельных республик. Казахстан стал суверенным государством, Целиноград вначале стал Акмолой, а потом Астаной — новой столицей страны. Благодаря таланту и организаторским способностям Булата Султановича мехколонна не только не развалилась, как многие предприятия Целинограда, но и получила новый импульс в своём развитии. Сохранив основной профиль деятельности, продолжая работы по электрификации, предприятие дополнительно освоило выпуск спецодежды, рабочей обуви, ремонт легковых автомобилей. Мехколонна № 56 стала известна в городе также своими гостиницами “Жибек жолы” и “Алтын дала”. А банное направление в деятельности предприятия вообще получило новое дыхание и размах. Бани “Столичные”, сауна в доме отдыха у реки Нура, лечебно-оздоровительный комплекс с банями на территории и в гостиницах пользуются большой популярностью у горожан и гостей Астаны.

Естественно, что в новых условиях начал формироваться новый “банный коллектив”, уже во многом похожий на клуб. Надо отдать должное одному неординарному человеку, который многие годы, практически непрерывно, оставался верен банным традициям мехколонны — Владимиру Жижинову. Владимир Ильич в годы освоения целины был первым секретарём Северо-Казахстанского, а затем Целиноградского обкомов комсомола. После победы революции на Кубе являлся одним из основателей комсомола Острова Свободы, в совершенстве владел испанским языком. В последующем — продолжительное время был заведующим орготделом обкома партии. Где бы ни работал, он всегда словом и делом помогал многим, в том числе и мне. Ушедший недавно после тяжёлой болезни навсегда из наших рядов он останется в памяти как честный, порядочный и душевный человек.

Есть ещё один человек, которого нам сейчас очень не хватает. Он являлся всеобщим любимцем, душой и сердцем нашего коллектива. Это бывший Чрезвычайный и Полномочный Посол Украины в Казахстане Василий Цыбенко, несколько лет назад отозванный руководством своей страны на новое место работы в г. Киев. Это добрейшей души человек, наделённый не только неиссякаемой энергией, пытливостью, высокой работоспособностью, но и большим оптимизмом и тонким чувством юмора. Власть его не испортила, поэтому Василий Григорьевич, несмотря на то что у себя на Черкасщине работал губернатором области, а затем являлся одним из руководителей суверенной Украины, в то же время остался очень простым человеком. Повторяю, Елнур, баня, тем более такого плана, это прежде всего место общения психологически совместимых людей, их благотворного влияния друг на друга, получения заряда бодрости, физического и психологического тонуса. Кроме того, это устоявшаяся привычка и мужская традиция, продолжающаяся на протяжении уже нескольких десятков лет: каждое воскресенье сказать друг другу добрые слова и пожелания. Для нас это стало чем-то очень важным и жизненно необходимым. Поэтому на исходе недели испытываешь острую необходимость в очередной встрече для получения новых положительных эмоций, которых хватает ровно до следующего воскресенья.

В этот коллектив органично влился и Владимир Гартман, в настоящее время бизнесмен, до этого являвшийся акимом Акмолинской области. Сюда, руководить родным регионом, он прибыл из Северо-Казахстанской области, где занимал аналогичную должность.

Владимир Карлович — уроженец села Аганас Целиноградского района, кстати, жители этого казахского аула души не чают в своём знаменитом земляке. В свою очередь, он также их не забывает, независимо от того, какую бы высокую должность ни занимал. Когда он переехал в Акмолу, прежде всего возвёл меня из состава рядовых заместителей акима области в ранг своего первого зама.

Мы с ним знакомы с 1978 года, то есть с того времени, когда его, как одного из самых молодых и перспективных директоров совхозов Целиноградской области, избрали делегатом XVIII съезда ВЛКСМ. Тогда, к сожалению, из-за несчастного случая он не смог попасть на этот съезд. Во время его возвращения с областной конференции домой разыгрался сильный буран, заглох двигатель автомашины. Когда, открыв дверь, он вышел из неё, его сбила попутная машина. Со множественными переломами нашего делегата доставили в районную больницу. После возвращения со съезда из Москвы мы с супругой заехали в совхоз «Урюпинский» и я вручил ему положенные атрибуты форума. Помнится, супруга Владимира Карловича — красавица Валентина приготовила прекрасный обед, и мы весело, с песнями и шутками вместе провели незабываемый день.

В областном акимате мы с Владимиром Гартманом работали в своё удовольствие. Человек масштабный и деятельный, он сам работал без устали и давал возможность работать другим. Время было горячим, тем не менее, несмотря на трудности, мы с честью справлялись со своими задачами. Руководство республики неоднократно заявляло о своём удовлетворении нашими действиями.

Хочется вспомнить несколько эпизодов нашей совместной работы. Это был период подготовки к презентации новой столицы Казахстана. Акмола уже стала Астаной и отделилась от области. Акимом столицы назначили Адильбека Джаксыбекова, а акимом области являлся Владимир Карлович. В программу презентации столицы были включены конно-спортивные соревнования. Однако новые городские власти не стали этим заниматься, эти виды спорта здесь не культивировались, по большому счёту, эти состязания и негде было проводить. Тогда мы, на свой страх и риск, решили построить ипподром. Мобилизовали все силы области, но основная нагрузка пришлась на предприятия города Степногорска, руководимого акимом Маратом Койшибаевым.

Строительство объекта началось в конце апреля, в голой степи. На большом эмоциональном подъёме люди трудились день и ночь. Здесь же вместе со своими работниками постоянно находились первые руководители вышеуказанных предприятий. Я, как руководитель стройки, дважды в день проводил рабочие планёрки. В результате слаженной и самоотверженной работы 10 июня ипподром принял на свои трибуны более 10 тыс. зрителей и высоких гостей праздника. Ипподром «Кулагер», как мы любовно называли его, стал ключевым местом праздничных мероприятий презентации столицы. Здесь прошли казахские национальные конно-спортивные игры кокпар, кыз куу, аламан байга, а также состоялся воздушный парад. Президенты братских стран: Азербайджана — Гейдар

Алиев, Кыргызстана — Аскар Акаев, Узбекистана — Ислам Каримов, Таджикистана — Эмомали Рахмонов горячо благодарили нашего президента Нурсултана Назарбаева за доставленное удовольствие.

Дорогой Елнур, можно все мероприятия провести на высоком европейском уровне, но увидеть воочию национальный колорит — это то, чего ждут гости, когда приезжают в любую страну. А самый лучший друг степняка — это аргамак (скакун), а самый любимый музыкальный инструмент казаха — домбра. Есть такая поговорка: “Нагыз казах — казах емес, нагыз казах — домбыра”, это означает, что настоящий казах — это казах с домброй. Всё это было на этом большом празднике.

Другой эпизод. Празднование первого Наурыза в новой столице. Опять-таки мы, областники, как бы гости в этом городе. Отцы города ставят юрты, но нас как бы проигнорировали, не предусмотрели. И вдруг Владимир Карлович в субботу накануне праздника звонит мне:

— Надо любыми путями найти возможность поставить юрту, обустроить её и завтра там принять руководство страны.

Тогда это было такой неразрешимой проблемой, что я пришёл в отчаяние. Но как говорят, “глаза боятся, а руки делают”. Нашёл Светлану Джалмагамбетову — заместителя акима области и Саята Камзебаева — акима Целиноградского района. Подняли всех, кого необходимо, кое-как нашли юрту, всю ночь её ставили и наряжали, провели туда тепло и электричество. Следует отметить, что в тот год на Наурыз выдалась ветреная и морозная погода. Но когда туда пришли руководители республики во главе с Нурсултаном Назарбаевым, которые планировали только посмотреть на внутреннее убранство юрты, то пробыли столько, что выбились из праздничного графика. Конечно же, мы, руководители области, были довольны, что не ударили лицом в грязь. Вот такие были экспромты.

Ещё один член нашего коллектива — Юрий Лавриненко, с которым мы были знакомы давно, но по-настоящему подружились после передислокации столицы в Акмолу. В этот период он возглавлял Министерство транспорта Республики Казахстан, которое первым из госорганов переехало в новую столицу. Хорошо помню тот зимний морозный день, нашу тёплую встречу на железнодорожном вокзале. Затем мы, вместе с его первым заместителем Сериком Алигужиновым, поехали осматривать вновь отремонтированное здание бывшего управления Целинной железной дороги, где должны были разместиться Министерства транспорта и сельского хозяйства.

Юрий Иванович — уроженец Вишнёвского района нашей области, прошёл большой трудовой путь. Окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, затем работал по специальности в Павлодарской области. Здесь прошёл хорошую трудовую школу в железнодорожной сфере: от рядового инженера до первого заместителя начальника Павлодарского отделения железной дороги. Затем, как и многие люди своего поколения, прошёл все стадии партийной и советской работы, а позже был акимом Восточно-Казахстанской области, а также депутатом Мажилиса Парламента страны.

Весьма эрудированный, грамотный человек, он отличается скромностью, взвешенностью и объективностью в своих оценках. Самое важное — надёжный друг, как говорится, с таким спутником можно ходить в любую разведку.

Чуть позже коллектив пополнился нашим другом Маркеном Чайжунусовым. Он — бывший вожак комсомолки Семейского региона, зачинатель

знаменитого на весь Советский Союз Чубартауского движения по вовлечению молодёжи в овцеводство. С честью прошёл все испытания, выпавшие на его долю, возглавлял город Семипалатинск и область, а также достойно представлял Казахстан в межгосударственном экономическом комитете СНГ, будучи членом коллегии.

Маркен Жакиянович — известный в Казахстане политик, характерен глубокими и разносторонними знаниями во многих сферах общественной жизни. Ещё он, как полковник запаса, в “банном клубе” знаменит тем, что является автором доброй традиции: армейского приветствия “трократного ура”. Это дружеское начинание сейчас известно многим не только в столице, но и широко распространяется по республике.

Особым уважением у нас пользуется Кадырбек Мейрамбеков. В своё время познакомивший нас незабвенный Хайрулла Кабжанов вначале даже не подозревал, что Кадырбек станет для меня таким же близким другом, как и он сам. А затем, увидев — был сильно рад этому. Судьба Кадырбека испытывала по всем экстремальным параметрам человеческого состояния. Слава, богатство, потом потеря близких, предательство тех, кого он приблизил, печально известная “Матросская тишина”, затем полная реабилитация, несправедливость и конечное признание его заслуг — все эти взаимоисключающие события в полной мере выпали на его долю. Всего этого хватило бы с лихвой для судеб нескольких людей. Но ничто его не сломило и не вскружило голову.

Кадырбек Какуевич получил блестящее образование в Московском автодорожном институте, сделал хорошую профессиональную карьеру: от рядового инженера до начальника пассажирского автоуправления Карагандинской области, а затем и члена коллегии — начальника главка Министерства автотранспорта Казахской ССР. Но оказалось, что настоящее его призвание — бизнес, причём масштабный, большой бизнес. Нет необходимости перечислять все направления и наименования его видов деятельности. Да это было бы и неуместно. Скажу лишь, что только в столице, рядом со зданием цирка, он построил ставший подлинным украшением города комплекс “Каскад”, включающий в себя два двадцатипятиэтажных дома, а также торговый центр, банк и другие объекты. Кроме того, он из Финляндии завёз оборудование и смонтировал два завода по изготовлению изолированных труб. Они сейчас незаменимы в теплоснабжении города, так как решают многие проблемы, такие как долговечность (потому что служат в несколько раз дольше, чем обычные), работают практически без потерь тепла. Очень важно для столицы и то, что эти трубы устойчивы к агрессивным солёным почвенным водам — теперь все наружные тепло-трассы, которые уродуют архитектуру города, будут заменяться ими.

Однако что я тебе рассказываю, Елнур, о дяде Кадырбеке. Он же разрезал тебе “тусай” (путы), а тётя Рысты, его супруга, твоя “киндик шеше” (крёстная мама).

Совсем недавно в наши ряды влились Магзам Касымов, Дулат Куанышев и Темирлан Карибеков.

Магзам Есенгельдинович — уроженец аула Есенгельды Атбасарского района, известный в республике человек, занимавший высокие посты в парламенте, Верховном суде, правительстве, руководивший в разные годы аппаратами Мажилиса и Сената. В настоящее время он является государственным инспектором в Администрации Президента Республики Казахстан.

Дулат Оразбекович — сын глубоко чтимого мной Оразбека Султановича, человек многогранных способностей. Блестяще окончив университет Дружбы народов имени Патриса Лумумбы в Москве, трудовую деятельность он начинал в структурах Министерства иностранных дел Советского Союза, затем и России. Будучи востребованным в родном Казахстане, вначале работал пресс-секретарём президента, затем заместителем министра иностранных дел, Чрезвычайным и Полномочным Послом Казахстана во Франции и Австрии.

Владеет в совершенстве английским, французским, испанским, турецким и ещё многими языками мира. Имеет музыкальные способности, занимается спортом. Короче, всесторонне развитый и воспитанный человек. Сейчас является послом по особым поручениям МИДа Казахстана.

Темирлан Сибирьевич — доктор медицинских наук, долгое время работал в Московском институте имени Бакулева. Сейчас является директором департамента здравоохранения столицы. Уместно вспомнить следующий факт. Дедушку Темирлана Зейнулла в период репрессий 30-х годов выслали из Караганды в Красноярский край, где родился его отец, которого называли — Сибирь.

Вот такой сегодняшний состав нашего “банного клуба”, душой которого, его мощным двигателем, поддерживающим нам высокое качество жизни и пара, бессменным президентом нашего сообщества является, конечно же, Булат Султанович Куанышев.

Мой мальчик, ты можешь задать резонный вопрос. Почему ты выбираешь друзей по банному признаку? Конечно же, нет. У меня в жизни ещё много друзей, которые проживают в разных городах и странах. Собственно, моя сила заключается в них. Самое ценное приобретение в жизни — это мои друзья. И каждым из них я горжусь и стараюсь с ними поддерживать дружеские, семейные отношения. Если же они находятся далеко от меня, мне грустно без них. Особенно тяжело вспоминать о безвременно ушедших из этой жизни друзей, их так порой не хватает рядом. Однако каждый из них продолжает занимать своё место в моём сердце. После таких потерь ещё больше начинаешь ценить тех друзей, которые с тобой уже многие-многие годы.

Перечислю некоторых из них. Это прежде всего мои комсомольские друзья: Болат Баекенов, Рашид Ибраев, Куаныш Курмашев и Мухамбеткасым Шакенов.

Болат Абдрахманович — бывший второй секретарь Карагандинского обкома комсомола, затем, окончив высшую школу Комитета государственной безопасности, совершил блистательную карьеру в силовых органах страны. Генерал-лейтенант Баекенов был председателем Комитета национальной безопасности Казахстана, министром внутренних дел, начальником Службы охраны Президента РК, секретарём Совета безопасности республики. Сейчас он также в боевом строю — в должности председателя Ассоциации охранных служб Казахстана. Принципиальный, достойный и пунктуальный, Болат Абдрахманович всегда подтянут, предельно внимателен к друзьям. Пользуется огромным авторитетом в силовых структурах страны и уважением среди друзей.

Рашид Турарович в годы своей юности был первым секретарём Чимкентского обкома комсомола. В последующем мы с ним были депутатами XIII (первого профессионального) созыва Верховного Совета Казахстана. Затем, когда этот созыв, как нелегитимный, распустили, его назначили

Чрезвычайным и Полномочным Послом в Индию, потом направили послом в Азербайджан, по совместительству в Армению и Грузию. В дальнейшем последовало назначение на аналогичную должность в Литву, а по совместительству в Латвию и Эстонию. В настоящее время он посол в Венгрии, а также по совместительству и по некоторым странам бывшей Югославии. Рашиду свойственно большое чувство юмора, он любитель разного рода розыгрышей. В комсомоле Казахстана нас: Хайруллу Кабжанова, Рашида Ибраева, Куаныша Курмашева и меня знали как дружный квартет. Во время проведения комсомольских съездов, конференций, пленумов мы всегда были вместе, при возможности старались ездить друг к другу в регионы. И сегодня мы все по праву гордимся Рашидом Тураровичем, видным дипломатом Казахстана — нашим надёжным и верным другом.

Что же касается Куаныша Курмашевича, то это в прошлом первый секретарь Алма-Атинского обкома комсомола, также достойно прошедший все жизненные испытания. Затем он был первым секретарём Капчагайского горкома партии, секретарём Алма-Атинского обкома партии, депутатом первого созыва Мажилиса Парламента Республики Казахстан. Как коренной житель Семиречья, он был нашим форпостом в Алматы, и это высокое звание, данное ему друзьями, всегда носил достойно.

Мухамбеткасым Койшибаевич Шакинов — уроженец Джамбулской области, также был известным человеком в комсомоле.

В сентябре 1972 года, когда проходил собеседование на должность первого секретаря Целиноградского обкома комсомола, я впервые, в буквальном смысле этого слова, столкнулся с ним в Москве при входе в главное здание ЦК ВЛКСМ. Дёрнул входную дверь, оттуда выходит он и говорит мне бесцеремонно:

— Эй, сен кай казаксын? (Эй, ты что за казах?).

Вот так мы с ним и познакомились. Он, оказывается, работал инструктором ЦК ВЛКСМ. В последующем его избрали первым секретарём Джезказганского обкома комсомола, когда создавалась эта область.

Мухамбеткасым Койшибаевич долгие годы плодотворно работал на разных ответственных должностях. Был руководителем ряда районов, затем занимал посты республиканского масштаба. В последние годы он — инспектор в аппарате правительства.

Ещё ты должен знать о двух моих друзьях, с которыми я познакомился благодаря Хайрулле Кабжанову. Это Сагинбек Турсунов и Токтархан Кожагапанов — видные государственные деятели Казахстана.

Сагинбек Токабаевич трудовую деятельность начинал в своей родной Карагандинской области, после чего работал в аппарате ЦК Компартии Казахстана, потом плодотворно руководил Талды-Курганской областью. Но в полной мере его талант руководителя раскрылся на дипломатическом поприще. Вначале он стал Чрезвычайным и Полномочным Послом Казахстана в Германии (причём первым послом суверенного Казахстана), затем был направлен послом в Австрию и по совместительству в ОБСЕ, а в последующем — на аналогичную должность в Венгрию. Когда он переезжал из Вены в Будапешт, мы с Кадырбеком Какуевичем, с тётей Рысты и твоей апашкой во время отдыха в Чехии нашли время специально съездить в Венгрию, чтобы поздравить его.

Сагинбек Токабаевич — удивительно гостеприимный и хлебосольный человек. Многие его друзья не раз гостевали у него в Бонне, Вене и

Будапеште. Помнится, мы с супругой отдыхали на курорте Монте-Котина в Италии, недалеко от города Пиза. Так вот он с супругой Куляш и сыном Арманом преодолели несколько сотен километров, чтобы навестить нас. Такое никогда не изгладится из памяти.

Токтархан Жуманович — один из самых грамотных и опытных банковских работников Казахстана. Мы с ним познакомились, когда он был руководителем отделения Стройбанка Карагандинской области. Помнится, мы с Хайруллой приехали к нему домой, где его гостеприимная супруга Нагима пригостила необыкновенно вкусный бешбармак. Затем наши встречи продолжились в Алматы, где он уже занимал высокую должность председателя правления Туранбанка Республики Казахстан. Теперь же мы семейные друзья и каждый год в отпускной период стараемся отдыхать совместно с семьей Мейрамбековых.

Я специально оставляю, как говорится, “на десерт” нашего давнего друга Бекболата Бырбаева. Его по праву можно отнести в когорту как комсомольских друзей, так и друзей “банного круга”, поскольку в Алматы у нас тоже был такой коллектив. Туда входил помимо нас с Хайруллой и Лев Шебитеев — друг Беке. Бекболат — бывший первый секретарь Тургайского обкома комсомола, затем заместитель председателя облисполкома, в последующем долгое время работал в Алматы в различных должностях. И везде трудился достойно и успешно. Для всех нас, своих друзей, был в южной столице опорой и всегда вселял оптимизм и веру в собственные силы.

Кроме того необходимо отметить, что я был и остаюсь в дружеских отношениях с Казбеком Ашляевым — известным спортсменом и деятелем спорта, Ескендиром Хасангалиевым — композитором, певцом, одним из самых любимых артистов казахстанцев, Абаем Каймаковым — обаятельным и мудрым человеком, Кайыржаном Такуовым — честным, принципиальным и оттого искренне уважаемым всеми нами.

Это действительно мои самые близкие друзья, с которыми у нас с супругой были и продолжают сохраняться добрые отношения.

Хочу рассказать тебе ещё об одном неординарном человеке, оставившем неизгладимый след в моём сердце.

Этот июльский день в Праге запомнился надолго. В первую очередь тем, что стояла непривычная для Центральной Европы тридцатиградусная жара.

Но обо всём по порядку. Мы — хорошо отдохнувшие на курорте Марианские Лазни Токтархан Кожагапанов с супругой Нагимой и внуком Ислямом, Кадырбек Мейрамбеков с супругой Рысты, их близкие родственники Зекен и его супруга Раушан, а также я с Тыныштык, в сопровождении работников посольства Казахстана в Чехии в прекрасном расположении духа и настроении идём из гостиницы “Амбассадор”, что в центре Праги, в ресторан на берегу реки Влтава. Здесь нас ожидает встреча с нашим хорошим другом — послом Казахстана в Чехии Шарипом Омаровым.

Человеку не дано знать, что его ожидает впереди, и мы, естественно, даже в мыслях не могли себе представить, что это была последняя встреча с этим замечательным во всех отношениях человеком. На нашу встречу он пришёл вместе с супругой Гаухар Мурзабековой — известной скрипачкой, лауреатом многих международных музыкальных конкурсов. Сердце каждого из нас переполняло чувство, что нам выпало в этой жизни быть не только знакомыми, но и находиться в дружеских отношениях с этой воистину звёздной четой.

Как водится при таких встречах, разговор состоял в основном из воспоминаний о былом. Каждому из нас было что вспомнить, ведь мы уже прожили шестьдесят и более лет, и эти годы вмещают очень многое.

И теперь, когда мы получили печальную весть из Европы, что сердце Шарипа остановилось на этом крутом вираже его жизни, буквально все эпизоды этой встречи с ним вспоминаются и переживаются особенно тяжело. Помнится, разговор зашёл о том, что в следующем году ему исполнится шестьдесят. Хорошее настроение, навеянное встречей, как бы поддразнивало нас в предвкушении предстоящего юбилея и каждому из нас хотелось друг другу сказать что-то доброе. Этому способствовали и природа, очень красивая в этот день Злата Прага, величественная Влтава, ресторан, в котором считали за честь побывать короли, цари и президенты, а также люди искусства, великие учёные и просто высокие гости столицы Чехии и, наконец, красивая пара — Шарип и Гаухар, всё это настраивало на оптимистическое будущее. Но Шарип всякий раз не давал хода рассуждениям по поводу его предстоящего юбилея. Он говорил:

— Друзья, давайте сперва я достигну осенью 59 лет, а потом будем думать и об юбилее.

Я не хочу утверждать, что он предчувствовал беду, но в этом было нечто мистическое. Теперь, когда мы остро переживаем случившееся, понимаю, что это было проявлением взвешенности и попыткой не спугнуть радости жизни, связанные с предстоящим событием. Мы все видели, что у Шарипа есть ощущение, что он занимается любимым делом. Особенно наглядно это было видно на следующий день, когда он с особой любовью показывал нам посольство, знакомил с персоналом и рассказывал, как всё это создавалось буквально на пустом месте — ведь он же был первым послом Казахстана в Чехии.

Все мы сфотографировались на память для книги почётных гостей посольства. Запомнилось, что при этом у него было великолепное настроение. Вот таким радостным, красивым, полным оптимизма и планов на будущее — он останется в памяти всех, кто был в этот день в посольстве.

Таким я его помню всю жизнь, сколько мы с ним знакомы.

Про таких, как Шарип, казахи говорят: “Сегиз кырлы, бир сырлы”, т. е. несмотря на все его таланты, которыми природа его одарила, он остаётся носителем высоких человеческих качеств.

Один из основателей знаменитого в 70-80-е годы прошлого столетия ансамбля “Дос-Мукасан”, он мог бы быть популярным музыкантом казахстанской эстрады, он им и был. Будучи физически крепким и спортивно одарённым, он мог бы быть любимым футболистом Казахстана. По сути, он им и был — являясь капитаном непобедимой сборной парламента Казахстана по футболу, неоднократного чемпиона соревнований среди футболистов парламентов стран Содружества.

Говорят, родители не очень одобряли его спортивные и культурные увлечения. Поэтому он избрал, что называется, карьерный путь.

И здесь успехи налицо. Прошёл все мыслимые и немыслимые должности в комсомоле и партии — в Алма-Ате, республике, вплоть до ЦК КПСС. Наиболее ярко он проявил себя депутатом Мажилиса Парламента — дважды возглавляя Комитет по международным делам, обороне и безопасности.

Я не был с ним в самых близких отношениях, хотя шли мы по жизни рядом. Но эта нелепая смерть заставила меня поведать тебе, мой милый внук, об этом человеке.

Дорогой Елнур!

Вот уже свыше десяти лет неотлучно рядом со мной находится Мурат Темирбулатов. Однажды пригласив его своим советником, ещё будучи заместителем акима области, он таковым остался для меня и в дальнейшем в других государственных органах и структурах. Это было и в Мажилисе Парламента в мою бытность депутатом, и в аппарате правительства, где я работал представителем в парламенте, а также здесь — в акционерном обществе “Фонд устойчивого развития “Казына” (ныне “Самрук-Казына”). Хотя я теперь сам являюсь советником председателя правления, Мурат Сагындыкович всё равно мой советник. Это человек высокого долга и большой культуры, честный и трудолюбивый. Он теперь по сути превратился в моего младшего брата, для чего тоже есть основания.

Кроме того, я хорошо знал и высоко ценил его отца Сагындыка Темирбулатовича, который долгие годы являлся руководителем здравоохранения Целиноградского района и области, был профессионалом высокого класса, воспитал множество медицинских кадров, пользовался колоссальным авторитетом среди населения. Помнится, когда мой отец Махмут тяжело заболел, то попросил меня:

— Сынок, позови Сагындыка, мне тяжело.

У такого человека, естественно, не могут быть плохие дети. Поэтому я высоко ценю Мурата Сагындыковича.

Завершая повествование о своих друзьях, ещё раз благодарю судьбу за то, что на разных этапах жизни она свела и подружила меня с этими прекрасными и замечательными людьми. Могу со всей ответственностью заявить — эти люди ничем себя не запятнали и ни при какой конъюнктуре не роняли чувство собственного достоинства. Они идут по жизни гордо и с высоко поднятой головой. Возможно, у них есть недостатки. Но когда друзья настоящие — недостатки выглядят как продолжение их достоинств. Завершая эту тему, хочу сделать вывод: друзей не выбирают, ими становятся в процессе жизни. Приобретать друзей нелегко, однако сохранить их ещё сложнее. Настоящий друг, как говорят казахи, ближе, чем некоторые родственники. Дружбой, дорогой Елнуржан, нужно дорожить.

P. S.

Милый мой Елнур!

Я хочу поделиться своими мыслями о нашей с тобой нации — казахах. Я ранее уже рассказывал об истории её возникновения и развития.

Принадлежность к нации — не доблесть или какое-то жизненное достижение, она передаётся генами предков и с материнским молоком. Тех, кто меняет или не признаёт свою нацию, казахи называют “манкуртами”, людьми, которые не помнят самое святое — своё происхождение.

Мы, казахи, по своей натуре мирный и интернациональный народ. Видимо, это связано с тем, что, занимая огромные территории, кочуя по бескрайним просторам Великой степи, наши предки впитали в себя простую житейскую философию — кто бы ни встретился на твоём пути или кого бы ни занесло к тебе в гости — это братья по определению. Поэтому они никогда не спрашивали путника о том, какими судьбами он оказался в его кигиз уй (юрте), а приступали сразу же к подготовке угощения, не зная даже, как зовут неожиданного гостя. Это могла быть юрта бая или аульного бедняка — все принимали одинаково радушно, последний иногда

жертвовал для этого единственной овцой. “Кудайы конак” — так они звали его, т. е. гость по воле бога.

Может быть, в силу характера и своего национального менталитета, заложенных самой природой, казахи принимали на своей земле как самых дорогих гостей всех — и тех, кто приехал добровольно, и тех, кто по принуждению властей был направлен разделить нелёгкую судьбу коренных жителей на этой гостеприимной, но в то же время суровой земле.

Процесс этот был длительным, начавшийся со столыпинской реформы, затем была эвакуация населения с запада Советского Союза в начале Великой Отечественной войны, далее состоялось принудительное переселение отдельных народов в годы сталинских репрессий и, наконец, массовый приезд людей со всей страны в период освоения целины. Всё это происходило в течение одного столетия — в XX веке. В феврале 1917 года в результате буржуазной революции пало царское самодержавие, а в октябре того же года совершилась ещё одна революция — социалистическая. Они коренным образом изменили жизнь кочевников. В результате насильственной и болезненной для местных людей коллективизации в начале 30-х годов случился голодомор, который унёс жизнь более четырёх миллионов казахов. Затем разразилась вторая мировая война. Хотя она непосредственно не шла на территории Казахстана, но миллионы его жителей отважно воевали на полях сражений, а оставшиеся на родной земле — ковали победу, обеспечивая армию вооружением, хлебом и обмундированием.

Затем наступила целинная эпопея, где казахи с миллионами других приехавших сюда людей со всех концов Советского Союза создавали продовольственную безопасность державы.

В конце минувшего века перестал существовать Советский Союз. Перед миллионами людей, волей истории оказавшимися за пределами своей исторической родины, разделёнными новыми границами, остро встали вопросы: что делать? Как быть? Многие из них: русские, украинцы, белорусы, молдаване, а также представители других национальностей снялись с насиженных мест и уехали на свою историческую родину. Для каждого из них это был не простой, а нередко и драматический выбор. А как же: здесь остались могилы предков, многие создали интернациональные семьи. Да и уклад жизни в Казахстане коренным образом отличался от других. Более того, в результате отпечатка этого образа жизни им на своей исторической родине приклеивали ярлыки “казахи”. Одновременно в Казахстан сотнями тысяч потянулись этнические казахи из России, Узбекистана, Турции, Монголии, Китая и других стран. Они в свою очередь также испытали много неудобств в процессе адаптации к новым условиям. Особое место заняла языковая проблема. К удивлению оралманов-переселенцев, многие местные казахи очень плохо владели родным языком, а приезжие, напротив, не знали русского.

Хочу особо подчеркнуть: казахи ностальгически вспоминают своих соседей и друзей — русских, немцев, украинцев, чеченцев и ингушей, а также представителей других национальностей, с кем жили душа в душу и фактически породнились в результате совместной жизни. Те же, кто уехал, с большой благодарностью вспоминают казахов за их искреннее гостеприимство, верность дружбе и широту натуры степняка.

Невольно вспоминаю свой маленький аул Будённое (Кажимукан). В конце 40-х годов, вплоть до кончины Сталина в 1953 году, в нём проживали примерно в равной пропорции казахи, немцы и чеченцы.

Приезжие люди быстро освоили казахский язык, в свою очередь казахи научились разговаривать с немцами и чеченцами на их языках.

Как правило, первыми знакомятся дети, а через них и родители. Помнится, как мы всё лето напролёт играли в “асики” (косточки), затем гоняли мяч, а наигравшись — пили вместе казахский айран, закусывали чеченским лавашем, а у немцев ели штрудель. А с 1 сентября дружно садились за парты в местной казахской школе.

Широта души, толерантность, как принято говорить сегодня, видимо, дарована самой природой Степи, продуваемой круглый год всеми ветрами, которые несут не только чистые бодрящие потоки воздуха, но и отгоняют от степняка всякие дурные помыслы и поступки, а также прививают дух гостеприимства и приветливости.

Есть ещё одна характерная черта казахов. Наши сородичи любят празднества и умеют их организовать шумно и масштабно. То, что для других рядовое событие, то для казаха — обязательно праздник. Это может быть рождение ребёнка, если это мальчик — то его последующее обрезание, поступление в школу и её окончание, получение диплома об образовании, юбилеи — начиная с какого-то “... цатилетия” и, конечно же, — свадьба. Ещё издревле свадебное празднество длилось — “кырык кун тойы, отыз кун ойыны”, то есть сорок дней той и ещё тридцать дней послепразднество. И это не преувеличение — обряд проводился практически 70 дней. Сюда входили также организация сватовства и мероприятия по угощению сватов на протяжении многих дней родственниками жениха и невесты, при этом чем больше родственников — тем дольше длится это насыщенное и нелёгкое для здоровья действо. При этом данный ритуал проводится как со стороны жениха, так и со стороны невесты.

А затем по хронологии идут серебряные, золотые и другие свадьбы. Но в то же время, как ни странно, между этими праздниками мои сородичи успевают быть на работе и решать свои бытовые вопросы. Вот такая мы нация. Есть поговорка: “Орыс байыса уй салады, казак байыса катын алады”, что означает: если русский разбогатеет, то строит дом, а казах — женится. Плохо это или хорошо, однозначно трудно сказать. Но одно точно — это национальная черта, характерная для нашего народа.

Казахи — нация, имеющая единый язык на всей территории от Алтая до Каспия без всяких диалектов, единую веру и, наконец, имеет свою идентичность, т.е. свой внешний облик, по которому ни с какой другой нацией нас не перепутаешь. Благодаря перечисленным качествам, думается, мы сохранили свою территорию размером с пол-Европы, при этом веками бок о бок соседствуя с такими гигантами, как Китай и Россия. При всём этом горько и парадоксально, что, являясь терпимыми ко всем нациям, в то же время мы порою бываем агрессивными и нетерпимыми к представителям соседнего рода или жуза. К сожалению, жузовый патриотизм иногда ставится выше, чем казахский национальный. Я, мои милые внуки, выше уже писал о нашем происхождении, какого вы жуза и какого рода. Но это я делаю не для того, чтобы вы бравировали своими корнями и с пренебрежением отзывались о происхождении других. Это необходимо для того, чтобы вы знали их.

В этой связи я считаю, что “трайбализм” — деление на жузы и роды, будь это на бытовом или, не дай Аллах, на государственном уровне — кроме вреда ничего хорошего не приносит. С этим надо бы бороться, но беда в том, что нет открытых процессов этого негативного явления, а в официальной

государственной политике это вообще как бы отсутствует. Вот такая нелепость. Не с кем бороться, а в то же время мешает жить и тянет назад. Я думаю, что ни с кем не надо бороться, а необходимо всем нам проповедовать единство казахского народа всей своей жизнью, поведением, культурой.

Когда я задумываюсь о судьбе своей нации, хочу сказать вам, мои внуки, вот о чём. Надо дорожить многовековой традицией казахов “созге токтау” (прислушиваться к слову) и кеширим болу, т. е. уметь прощать. На протяжении веков степные юристы — бии — разрешали одним своим словом самые сложные преступления и межродовые и жузовые распри. Казахи к мудрому слову всегда прислушивались. А “кеширим” — это замечательное свойство степняка идти на компромисс. Компромиссными могут быть культурные, интеллигентные и воспитанные люди. Это черты свободного человека. Компромиссы могут быть как в большом, так и в малом. И это нормально. Компромисс — это не синоним мягкотелости, слабости или бесхребетности. Прежде чем идти на компромисс, надо уяснить — ради чего необходимо так поступить. Когда в 1991 году произошёл развал Советского Союза, а коммунистическая идеология потерпела катастрофическое поражение, людям моего поколения было очень тяжело смириться с этим. Скажу честно, нелегко и я лично пережил эти события. Знаю, что многие мои друзья и знакомые были в таком же положении. Нам казалось, что перечёркнута вся жизнь. Но когда спокойно проанализировали всё, что с этим связано, многие поняли — законы общественного развития действуют независимо от наших желаний, пристрастий и привычек. Практическое исполнение прекрасного коммунистического учения о построении нового общества, к сожалению, оказалось далёким от совершенства. Зачастую в нашей истории преобладали “культы личности”, “волюнтаризмы”, “субъективизмы” и всякие другие “измы”. Интересно наше недавнее прошлое тем, что, громко разоблачив очередной “изм”, мы тут же попадали в объятия следующего. Очередной “изм” начисто отрицал предыдущий, при этом каждый раз приходилось начинать с белого листа. И это происходило не только в огромном государстве, что очень печально, но и в регионах каждый раз, когда менялся лидер. Как только были открыты границы, в страну хлынули добротная импортная техника и товары повседневного спроса, которые во всём превосходили наши отечественные. Но вместе с ними к нам пришли и такие запрещённые до этого понятия, как плюрализм, свобода слова, права человека, свобода в волеизъявлении на митингах и демонстрациях. У всех на глазах всё было кончено — Союз развалился, Коммунистическую партию запретили. Поэтому многим людям моего поколения надо было идти на главный компромисс жизни — согласиться с тем, что произошло, и принять новые вызовы времени. Я свой выбор сделал без каких-либо громких заявлений. При этом партийный билет до сих пор бережно хранится дома, кстати, комсомольский билет тоже. Сохранены также и все награды Советского Союза.

Возвращусь ещё раз к родному городу — Акмоле. Я хочу, Елнур, тебе подчеркнуть значительную роль этого города в истории нашей республики.

На языке гуннов слово “мола” означает высокий курган, крепость. При более глубоком исследовании истории гуннов, возможно, обнаружится, что “Акмола” — белая крепость неподалеку от переправы Караоткель через Ишим.

Если обратим взоры к тем временам, когда великий Аблай-хан отстаивал вместе со своими соратниками свободу и независимость казахов в борьбе с джунгарскими завоевателями, то становится ясным, что между

его ставками в Кызылжаре (Петропавловске), Бурабае (Боровом) и Улытау лежит Караоткель — переправа на реке Ишим. Здесь не раз, я думаю, он делал привалы, а его уставшие сарбазы (воины) и кони пили живительную воду из этой степной реки. О том, что такое могло быть в действительности, красноречиво подтверждают те факты, что один из его полководцев Кабанбай-батыр захоронен в двадцати километрах южнее Акмолы, а другой сподвижник — Богенбай-батыр родом из Ерейментау.

Здесь я, дорогой мой внук, хочу тебе сказать, что Аблай-хана надо рассматривать не только как человека, который в борьбе за свободу и выживание нации объединил все три казахских жуза и сохранил для своего народа эту огромную территорию, называемую теперь Республикой Казахстан. Мы также должны чтить его и как великого полководца, мудрого дипломата и отца нации, спасшего казахов от полного уничтожения и геноцида. Посмотри на карту мира — есть ли страна, которая называется Джунгария, есть ли такой народ? А могло ведь быть и наоборот. В этом величайшая заслуга Аблай-хана, его полководцев и сарбазов.

Продолжая эту тему, уместно вспомнить внука Аблай-хана — хана Кенесары, ставшего вождём национально-освободительного движения казахов Среднего и Младшего жузов в борьбе с российским самодержавием в первой половине XIX века. Понимая, что Акмолинское укрепление занимает стратегическое положение, он со своими сарбазами дважды штурмом брал его. Что примечательно: оба раза он занимал город, входя в него по улице, которая носит сегодня его имя. А на старом кладбище возле микрорайона “Молодёжный” захоронены его сарбазы, погибшие во время этих боёв.

На берегу реки Ишим благодарные потомки поставили ему великолепный памятник. Кенесары, гордо восседая на своём тулпаре, устремил свой взор на левый берег города, как бы одобряя и любясь его новым обликом — крепостью его воинской доблести.

С городом на Ишиме тесно связана биография писателя и поэта, основоположника казахской советской литературы, революционера и государственного деятеля Казахстана Сакена Сейфуллина. Приехав в 1917 году в 23-летнем возрасте в Акмолинск, он создаёт молодёжную организацию “Жас казах”, издаёт газету “Тиршилик” (Жизнь), преподаёт на педагогических курсах.

Сакен Сейфуллин вместе со своими соратниками Н. Мониным, Ф. Кривогузом, Б. Серикбаевым, З. Катченко, А. Асылбековым, Ж. Нуркиным, Б. Жайнаковым и другими в декабре 1917 года захватывают здесь власть и создают революционный комитет.

Осенью 1982 года по поручению руководства Целиноградской области я участвовал в чествовании Захара Катченко в связи с его 85-летием. В своё время он был первым председателем Акмолинского революционного Совета. Чествование проходило в здании постоянного представительства Казахстана в Москве, которое возглавлял тогда обаятельный человек, бывший комсомольский работник Сабит Жаданов. Там же я познакомился с известным государственным деятелем, многие годы успешно работавшим председателем Совнаркома Казахстана Нуркасом Ундасыновым и другими ветеранами из нашей республики, проживавшими в Москве.

В своём выступлении ветеран революции Катченко после слов благодарности с большой горечью говорил о своих убитых и казнённых соратниках. Мне особенно запало в сердце, когда он сказал:

— За что расстреляли великого сына казахского народа Сакена Сейфуллина?

Вспоминается, как летом 1980 года отмечали 150-летие нашего города, тогда он назывался Целиноград.

В качестве почётных гостей праздника были приглашены наши прославленные земляки — Сагадат Нурмагамбетов, Талгат Бегельдинов, Рахимжан Кошкарбаев и Аманжол Каликов. К моей большой радости, я получил поручение шефствовать над Бегельдиновым и Кошкарбаевым, которые ехали в одном купе из Алма-Аты. Таким образом, я лично познакомился с этими замечательными людьми.

Эти люди известны и почитаемы всеми казахстанцами, поэтому, дорогой Елнур, я о каждом из них напишу в отдельности.

Сагадат Нурмагамбетов, уроженец села Трудовое Аккольского района — Герой Советского Союза, генерал армии, первый министр обороны суверенного Казахстана, обладатель звания “Халык Кахарманы” (Народный Герой) № 1. Обаятельный, скромный, объективный во всех оценках человек. Когда в 1999 году отмечали на его малой родине 75-летие легендарного героя, мне посчастливилось сопровождать Сагадату Кожакметовича и его супругу на встречах в родном селе и в городе Акколе при переименовании центральной улицы в его честь. И здесь я ещё раз убедился в его человеческом величии. А это выражалось в его простоте, доступности, отсутствии бахвальства и апломба.

Талгат Бегельдинов родом из аула Майбалык, дважды Герой Советского Союза, прославленный лётчик Великой Отечественной, генерал-майор авиации. После войны занимался развитием гражданской авиации в Казахстане. Под его руководством были построены многие аэропорты и взлётно-посадочные полосы, в том числе и в Целинограде, о чём он всегда вспоминает с особенной гордостью.

Рахимжан Кошкарбаев призвался на фронт из родного Акмолинска, прошёл войну от начала до конца и первым прикрепил победный красный флаг на фронтоном рейхстага. Кавалер многих боевых наград, он являлся почётным гражданином Берлина, при жизни каждый год на День Победы ездил туда по приглашению немецких друзей. Был очень жизнерадостным человеком, обладал хорошим чувством юмора, любил музыку, особенно песни в исполнении своей землячки — заслуженной артистки Казахстана Рабиги Есимжановой.

Аманжол Каликов — воспитанник детского дома села Благодатное Ерейментауского района, прошагал по дорогам войны до самой Победы, кавалер многих боевых орденов. Он был первым казахом, который командовал на фронте дивизионом реактивных миномётов, эти грозные установки в годы войны ласково называли “Катюша”. После войны работал на очень ответственных партийных и государственных должностях. Для многих, кто его знает, Аманжол Каликович является эталоном честности, объективности и скромного поведения.

Одна из центральных улиц Астаны по праву носит имя Альмухана Сембинова — кавалера трёх орденов солдатской боевой Славы, рано ушедшего из жизни. Кто его близко знал, подчёркивают его бесстрашие и отвагу и в мирное время, когда надо было отстаивать справедливость.

На фронтах Великой Отечественной войны достойно сражались многие тысячи других акмолинцев. Многие из них не вернулись с поля брани.

Нельзя не отметить роль нашего города в период освоения целинных и залежных земель в Казахстане и Сибири в 50-е годы XX века. Ты уже

знаешь, Елнур, что он стал центром освоения Целины, его переименовали в Целиноград. Ещё раз подчёркиваю, Целина решила хлебную проблему — главную проблему великой державы — Советского Союза. Под руководством академика Бараева здесь родилась новая в стране почвозащитная система земледелия, которая не только позволяла получать гарантированные урожаи, но и решила важную экологическую проблему — прекратила ветровую эрозию почвы.

Но в то время чуть не проявилась другая, более грозная эрозия — территориальная. Это была попытка руководства Советского Союза расчленил Казахстан, передав зерносеющие Кустанайскую, Кокчетавскую, Северо-Казахстанскую, Павлодарскую и Целиноградскую области в состав Российской Федерации, нефтяную Мангышлакскую область в состав Туркменистана, а хлопкосеющую Чимкентскую область в состав Узбекистана.

И здесь против такого авторитарного и авантюрного по своей сути решения воздвигся колосс в лице председателя Совета Министров Казахской ССР Жумабека Ташенова. Наш земляк из аула Куйгенжар, образно говоря, закрыл собой амбразуру, выступив категорически против этой легкомысленной задумки Хрущёва. Он в резкой форме отказался подписывать соответствующие документы. Одна из улиц столицы ныне по достоинству носит имя Ташенова.

Наблюдая сегодня за болезненными процессами, происходящими в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Крыму, Абхазии и Южной Осетии, приходишь к определённом выводу. Непродуманные и легковесные решения руководителей Советского Союза по переделу ранее установленных границ союзных республик стали своего рода бомбой замедленного действия. Искусственно созданные очаги межнациональной напряжённости являются результатом волюнтаристского подхода политиков к исторически сложившимся национальным территориям.

В наше время по-особому оцениваешь историческую роль героического поступка Жумабека Ташенова, который отважно и мудро избавил многие поколения казахов от территориальных претензий к братским республикам — к своим вековым соседям.

Ещё одно испытание на прочность пришлось выдержать нашему городу и его жителям. В июне 1979 года в Москве принимается решение образовывать немецкую автономию на территории Целиноградской и Кокчетавской областей Казахстана. Обеспокоенные этим несправедливым и заведомо неправильным решением, жители — в основном интеллигенция и студенческая молодёжь города Целинограда — на протяжении нескольких дней устраивают на центральной площади многотысячные демонстрации и митинги. Люди своим протестом высказали решительное “нет” этим планам и в конце концов заставили центральные власти Советского Союза отменить это ошибочное решение. Надо прямо сказать, что это не устраивало и самих немцев, которых на тот момент в стране проживало несколько миллионов, так как они требовали восстановить свою автономию именно в Поволжье, где она раньше была. Представляешь, Елнур, это был 1979 год, когда демонстраций протеста по определению не могло быть. Тогда они были только первомайские и посвящённые годовщинам Октябрьской революции, где демонстрировались успехи страны, достигавшиеся под руководством Коммунистической партии. Поэтому организаторы и участники этих акций протеста подвергли себя и свои семьи большой опасности и риску.

Родные мои внуки! Есть очень высокая миссия в жизни — любить Родину! Это чувство не бывает каким-то размытым, оно конкретно и имеет

адрес. Это означает, что ты должен её любить через конкретный аул, город, через определённых людей. Разве можно не любить народ и страну, которые воспитали таких замечательных людей, какими являются те знаковые личности, о которых я пишу?

Заканчивая рассказ о родном городе, хочу напомнить, что в 1998 году он был вновь переименован — в город Астану. Елнур, это четвёртое название нашего города в моей жизни! Но с этим именем связан его звёздный час. Получив статус столицы Казахстана, наш город устремился ввысь и вширь как олицетворение современного и суверенного Казахстана. Благодаря воле и упорству первого Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева, к строительству и проектированию нового города были привлечены мировые светила в области архитектуры — японец Куракава и англичанин Фостер. Огромный вклад в развитие столицы внесли лучшие дизайнеры Казахстана, строители Турции, Швейцарии, России и других государств. Были привлечены значительные иностранные инвестиции и бюджетные средства нашей страны. За десять прошедших лет город преобразился до неузнаваемости и стал одним из самых красивых столиц Содружества. Сюда, из прежней столицы, переехали жить известные люди Казахстана — видные учёные, артисты, художники. За короткое время были построены самые современные объекты науки, искусства и спорта. Город украшает большое число административных, развлекательных и жилищных комплексов. В 2030 году нашему городу будет 200 лет. Вот такой счастливой сложилась судьба небольшого степного укрепления, выросшего до столицы Казахстана, стремительно развивающегося в XXI веке.

Я никогда не скрывал своей гордости за свой аул Кажимукан и город Акмолу. И вы тоже можете по праву гордиться своими корнями, которые исходят оттуда. Вы можете учиться в разных странах, как наша Фатима, которая поступила в университет города Торонто в Канаде. Маржан, уже выбравшая себе профессию дизайнера, хочет учиться в Миланском университете в Италии. Всё это замечательно, но ваши знания должны быть реализованы в родном Казахстане. Любите его, будьте настоящими патриотами своей страны, не жалейте сил и знаний для её процветания.

Чтобы вы правильно поняли — всё, что сказано мной о родных краях и наших замечательных земляках, не даёт нам всем оснований считать себя исключительными, тем более бравировать этим. В любом ауле, городе или области было и есть достаточно людей, которые являются примером высокой нравственности. Долг живых — никогда их не забывать, отдавать должное их заслугам, ставить в пример в воспитании подрастающего поколения. Порой мы знаем намного больше о героях в других странах, нежели своих, которые оставили нам в наследство обширные территории, несметные национальные богатства, добрые традиции и понятия высокой морали и духовности.

P. P. S.

Дорогой Елнур!

Вот и пришло время для подведения итогов того, о чём я поведал в этом послании.

Первое и самое главное. Несмотря на эпохальные исторические события в жизни страны и общества, частые перемены мест проживания и службы, мы с супругой Тыныштык прожили интересную, насыщенную всякими перипетиями судьбы счастливую жизнь!

Нам довелось жить в больших и малых городах, на нашем жизненном пути встречались люди различных национальностей, разного образования, характера и менталитета, но мы всегда находили с ними общий язык, нас объединяли единые интересы. Как правило, в дальнейшем расставались с ними как близкие друзья.

Благодарим судьбу за то, что она свела и позволила быть знакомыми со многими знаменитостями, по существу знаковыми людьми нашего времени. О многих из них вы прочитали в моих письмах. Мы стараемся не терять с ними личной связи и устоявшихся дружеских отношений, хотя некоторые из них живут в других государствах.

Вместе с детьми и внуками.

По нашей национальной традиции мы поддерживаем добрые родственные отношения с братьями, сёстрами, с многочисленными сватами, близкими и дальними родственниками. Уж кого-кого, а родичей, как и у всех казахов, нам не занимать — и слава Аллаху! Кроме того, без всякого бахвальства хочу сказать тебе, дорогой Елнур, многим из них мы помогали и продолжаем оказывать помощь в силу своих возможностей.

А ещё скажу: мы особенно гордимся своими детьми Жанар и Талгатом, которые с нашими любимыми зятем Рашидом и невесткой Баян создали крепкие семьи, живут дружно и в согласии. У нас никогда не было проблем с детьми. Всё то, что они имеют в жизни, достигнуто их трудом, умом и знаниями. Но самое большое их достижение заключается в том, что они подарили нам удивительных внуков, которых мы любим больше всего на свете! За это мы особо благодарны своим детям.

Обращаюсь ко всем вам, мои любимые внуки: Фатима, Маржан, Магжан, Ажар, Гаухар и Елнур! Будьте дружны, шагайте по жизни уверенно, гордо, дорожите высоким духовным наследством, которое досталось от своих предков.

Вам никогда не будет стыдно за своих предков, потому что они честно, благородно, совестливо и достойно прожили свои жизни, оставив всем нам светлую память.

Продолжайте эти традиции, любите Родину, будьте упорны и последовательны в достижении жизненных целей!

Любящий вас, ата —

Куаныш Алпысбеков.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

Книга вторая

(Продолжение. Начало в № № 1-3 за 2009 год)

27 июня

Наш читатель К. Машрапов предлагает переименовать Павлодар в Кереку (так город издавна называют меж собой казахи). Ему отвечает зам-директора областного историко-краеведческого музея Э. Соколкин: “Кереку” — это искажённый вариант русского “Коряков”...

Публикуем призыв к павлодарцам — сброситься на поездку нашего боксёра Николая Кульпина и его тренера Евгения Выприцких в Барселону, где пройдут летние Олимпийские игры. Николай включён в сборную СНГ по боксу, и Олимпийский комитет СНГ решил, что его поездку должен профинансировать город, в котором он живёт. Требуется ни много ни мало — 1650 долларов. Вот горспорткомитет и предлагает “бросить шапку по кругу”.

И смех, и грех... Надо будет проследить — соберут всё же эти несчастные деньги или нет? Прислал же некий В. Завалишин из Нью-Йорка свой гонорар (1000 рублей) на нужды музея Павла Васильева (другая заметка из всё той же подборки “200 строк в конце недели”).

30 июня

А. А. Жабагин вновь объяснялся на сессии облсовета по поводу злополучных “Вольво”, взятых в аренду у АО “Пульс” на сверхвыгодных условиях: 100 тысяч в год за каждую, а за всё вместе — меньше, чем за одну новую “Волгу”, причём деньги взяты из внебюджетных источников...

Всего же, сказал глава обладминистрации, предполагается купить у шведов до 500 “Вольво”, в том числе 100 автобусов и столько же грузовиков. Для их технического обслуживания шведы по заведённому у них правилу обязуются построить у нас станции техобслуживания, обеспечить запчастями.

Но, кажется, убедил А. А. Жабагин далеко не всех.

Олжас Сулейменов со “товарищи” из антиядерного общества “Невада — Семей” организовал партию “Народный конгресс Казахстана”.

2 июля

Деловой, основательный доклад главы обладминистрации А. А. Жабагина на сессии облсовета. Хотя картину он нарисовал безрадостную. Плохо, по сути, всё, либерализация цен не только не помогла стабилизировать положение дел в экономике, но, скорее, усугубила кризис. Обещанный

правительством внутриреспубликанский банковский зачёт позволил погасить предприятиям области десять миллиардов рублей их долгов, но остаются ещё пять миллиардов рублей долгов России, а глава правительства Е. Т. Гайдар отказывается пойти на взаимозачёт (мы тоже должны россиянам, но разница как раз и составляет эти пять миллиардов в нашу пользу).

Внутриреспубликанский зачёт даёт передышку на полтора-два месяца, но если не будет межреспубликанского — большая часть нашей промышленности просто остановится. (Кстати, в очередной раз остановлен конвейер тракторного завода. Причины всё те же, а одна из главных — покупатели задолжали заводу полтора миллиарда рублей).

А. А. Жабагин сказал, что после настойчивых переговоров Н. А. Назарбаева с Б. Н. Ельциным тот дал соответствующие указания Гайдару... Но мы-то знаем, как сегодня решаются вопросы в России, где никто никого не празднует.

Пока же А. А. Жабагин и его команда разработали концепцию, главной задачей которой «является планомерное увеличение прибыли с темпом, превышающим уровень инфляции, за счёт жёсткой концентрации капитала в руках обладминистрации и обеспечения его перелива в жизненно необходимые отрасли с высокой рентабельностью».

Что на деле означает эта несколько мудрёная словесная конструкция?

С целью концентрации этого самого капитала уже создан банк социального развития при областной администрации с участием всех крупных предприятий и предполагаемым уставным капиталом в 100 миллионов рублей. Создан также стабилизационный фонд обладминистрации, в который будет поступать десятая часть всей производимой в области промышленной и сельскохозяйственной продукции — для бартерных операций по остронеобходимым ресурсам. Заключено прямое соглашение с администрациями Архангельской и Тюменской областей. Так, например, архангельский лес будем получать в обмен на экибастузский уголь, и после переработки часть использовать для собственных нужд, а часть поставлять за рубеж, получая взамен валюту. И хотя это, скорее, не рынок, а натуральный обмен, всё же лучше, чем ничего.

Да, всё у нас падает... Растут лишь долги по зарплате, превысившие уже полтора миллиарда рублей, да ещё преступность. Она выросла за пять лет вдвое, а по грабёжам — втрое.

Особых дебатов доклад А. А. Жабагина не вызвал, скорее — озадачил. А вот о проекте Конституции дискутировали активно. Главные камни преткновения — статус государственного языка и гражданство. Предлагаемые депутатами поправки: два государственных языка и право на двойное гражданство. Предлагалось также закрепить в Конституции право на труд, на получение бесплатного среднего образования, ввести профессиональную армию, избирать глав местных администраций. Отвечал депутатам доктор юридических наук, член рабочей группы по подготовке проекта Конституции Г. С. Сапаргалиев. Ссылаясь на мнение американских экспертов, уверял: проект соответствует уровню международных стандартов. Ещё сказал, что во всех странах СНГ государственным языком объявлен язык коренной нации, и утверждение государственного двуязычия в Казахстане будет означать фактическую гибель казахского языка.

Часть депутатов тем не менее предлагала проголосовать за предложенные поправки и принять по ним полноценное решение сессии, но им

было разъяснено: подобная процедура законом не предусмотрена, поэтому предложения будут обобщены и “просто направлены” в Верховный Совет республики.

Ольга Фролова ходила на первое заседание областного стачечного комитета работников агропромышленного комплекса. Разговоров опять было много, но возможностей для активных действий у крестьян немного. Не могут же они не доить коров, не пахать и не сеять. Да и продукцию свою им попридержать проблематично. Решили сформировать пакет требований и передать их обладминистрации.

3 июля

Брат Петька прочитал подготовленную мной к изданию рукопись первой “литературной” книжки (рассказы, новеллы, “блёстки”) и весьма высоко оценил её. Для меня очень важна эта его поддержка — не только “братская”, но и филологическая — я доверяю его чутью и литературному вкусу.

Задумал “Записки об отце”. Пока записываю всё подряд, что вспоминается, а выстраивать буду позже.

Хорошая новость: вчера прислали вторую книжку “Нивы” за этот год — уже как члену редколлегии. Мы с Ольгой в ней вышли “дуплетом”: она со стихами, я с “блёстками”. Всё же она — настоящий поэт...

Установили наконец-то и в конторе новые оклады. Редактору — 8100 рублей, замам — по 6100, корреспондентам — 3 тысячи (а с учётом гонораров и премии у них должно выходить в месяц по 5,5-6,5 тысячи рублей). Не бог весть какие деньги по нынешним временам, но прожить на них, не роскошествуя, можно... Впрочем, контора встретила прибавку к жалованью кислотовато-равнодушно...

Возвращаясь к недавней сессии облсовета... Как водится, и в этот раз не обошлось без “заварушек”. “Независимые” бузили (в том числе и по-хорошему), требовали отдельной сессии по обсуждению проекта Конституции Казахстана, принятия конкретных решений по таким основополагающим вопросам, как государственный язык (должно быть два — казахский и русский), гражданство (должно быть двойное) и т. д. Но их предложение не прошло. Аргументы: сессия неправомочна принимать решения по таким вопросам — это прерогатива Верховного Совета, а депутаты облсовета обязаны лишь организовывать обсуждения в области и довести своё мнение (и избирателей тоже) до высшего законодательного органа. Конечно же, во всём этом есть казуистика и известное лукавство. А основная масса народа, по-моему, пребывает в счастливом неведении на предмет того, каким будет Основной закон страны, на многие годы вперёд определяющий жизнь республики и её граждан. Пока же наиболее активную часть неказахского населения тревожат

два положения проекта: государственный язык и гражданство, что и отразили на сессии “независимые” в своих требованиях. Активная часть казахов, напротив, считает, что государственным языком должен быть один — казахский, а русскому в Казахстане и так ничто не угрожает. Но, повторяю, большинство населения проявляет полнейшее безразличие к проекту, вынесенному на всенародное обсуждение.

Ещё сессия заслушала отчёт председателя облсовета Б. В. Исаева. Отчитался он вроде нормально. После чего встал предприниматель — депутат Асаинов и предложил признать его работу неудовлетворительной. Предложение, разумеется, не прошло, однако больше по этому вопросу никто из депутатов не выступил — ни “за”, ни “против”. Б.В. на депутатов обиделся: как же так, никто не посчитал нужным дать отпор “крикуну и демагогу”?

Между тем за этим депутатским молчанием просматривается не только обычная апатия, но и реакция на все недавние разборки в высших эшелонах областной власти, в которые волей-неволей были втянуты и многие депутаты.

4 июля

Сколько в нашей сегодняшней жизни всевозможной чертовщины. Вот и в Экибастузе, пишет в своей заметке Булат Ахметов, открыли школу “Белой магии”, учредителем которой стал “Сибирский орден колдунов”. Школа — платная, слушателям после экзаменов выдаются дипломы колдунов.

Булат издевается над очередным идиотским проектом облапошивания наивных земляков, замечая: а что, если в экологически запущенном городе с плохо развитой инфраструктурой каждый второй житель станет магом, колдуном, народным целителем, может, и всем остальным станет жить лучше?

Верховный Совет России увеличил зарплату президенту и вице-президенту страны, она составит, соответственно, 21 и 19 минимальных окладов. На эти деньги сегодня не шибко разгуляешься. Интересно, объявят ли у нас в Казахстане оклады высших должностных лиц?

Открыли новую рубрику — “Уик. Энд”. Это что-то вроде отдыха — на американский манер. Я был против названия, но решил не душить творческую инициативу Ирины Лисовской, которая написала хороший материал про талантливого человека с поистине золотыми руками — С.В. Михеева.

Был проездом на родине. На наши берёзовые колки больно смотреть: деревья стоят полуголые, жалкие. Думал — леса вымокают; оказалось — есть и это, но главная беда в другом — листья пожирают гусеницы непарного шелкопряда. Раньше их вроде не было... Специалисты говорят: дальше будет ещё хуже, потому что ядохимикатов для обработки нет, а других способов борьбы с шелкопрядом пока не придумано.

Оказывается, всё же ловят наши “гаишники” нарушителей, вывозящих из области дефицитные товары. Задержали два грузовика с 19 тоннами риса, которые направлялись из Павлодара в Ташкент; тормознули машины с электротоварами, мебелью... Непонятно только — куда потом всё это будет деваться и возвратят ли нарушителям оплаченную ими стоимость товара?

7 июля

Отпущены цены на молоко, и теперь оно стоит 12 рублей за литр. Вместе с ним по свободным ценам продаются теперь соль, растительное масло, сахар, спички. Не знаю, помогут ли новые цены селу, но очереди за молоком в магазинах враз исчезли.

Опубликован указ президента о чрезвычайных мерах по обеспечению уборки урожая. Наступят ли вообще когда-нибудь времена, когда жатва будет не “фронтом и битвой”, как в советские времена, и не “чрезвычайной ситуацией”, как сегодня, а просто работой людей, которые к ней причастны?

Публикуем положение о республиканском конкурсе на лучшую брокерскую фирму, а я, к своему стыду, толком не знаю: что это такое — брокерская фирма и чем занимается брокер?

9 июля

Тракторный завод — ныне концерн “Павлодартрактор” вскоре станет открытым акционерным обществом. Так решило общее собрание представителей концерна. По мнению собрания, приватизация приведёт к стабилизации предприятия. Дай-то Бог...

Почти в каждой “Тревожной хронике” (обзор преступлений за неделю) сообщения о вооружённых грабежах, разбоях на дорогах. Группы бандитов, обычно с обрезам, останавливают машины на трассах, отнимают у водителей деньги и вещи, не брезгуя даже “тормозками” с едой, взятыми в дорогу. Некоторых ловят, судят, но разбойников с большой дороги, кажется, не убывает.

11 июля

В Павлодаре всё же “наскребли” денег на поездку нашего боксёра Николая Кульпина — члена сборной СНГ — и двух его тренеров на Олимпийские игры. За золотую олимпийскую медаль ему обещаны “Жигули” и трёхкомнатная квартира. Эти призы учредили предприниматели города.

Сегодня каждый протестует — как может. Так и не получив апрельскую и майскую зарплату, дежурные операторы одной из крупнейших в мире Экибастузской ГРЭС-1 снизили нагрузку на работающих энергоблоках, пообещав, если зарплаты не будет, остановить все генераторы.

Конфликт улаживал глава городской администрации Д. К. Ахметов. Энергетикам дополнительно выдали несколько тысяч чековых книжек (их

не хватает по всей области), приготовили для них товаров “под зарплату” на 60 миллионов рублей, десять миллионов выдали наличными. Долг же по зарплате на станции — около 100 миллионов рублей.

КазТАГ прислал интервью с ответственным работником республиканской прокуратуры. Цитирую: “Партии “Алаш”, “Желтоксан”, Уральское движение за возрождение казачества, Павлодарское отделение социал-демократической ассоциации и ряд других находятся на позициях националистического, сепаратистского, шовинистического толка... Алма-Атинская городская администрация, без соответствующего рассмотрения вопроса, поспешно выписала решение о сносе памятника Дзержинскому. Уголовно наказуемый акт вандализма члены партии “Алаш”, “Желтоксан”, “Азат” совершили при молчаливом попустительстве работников органов внутренних дел столицы и МВД республики...”.

А у нас в Ермаке, снося памятник Ермаку, действовали разве не по той же самой схеме?

В Алма-Ате ОМОН ликвидировал палаточный городок митингующих национал-демократов — и то лишь после жёсткого интервью Н. А. Назарбаева в “Егемен Казахстан”. “Неужели так и будем ждать каждый раз президентского слова, чтобы делать очевидное, не переступая черту закона?” — вопрошает в интервью прокурор.

14 июля

По решению Президиума Верховного Совета Целиноград стал Акмолой.

АО “Пульс” продолжает творить чудеса: его генеральный директор К. Жумабеков подписал несколько контрактов с семейными компаниями из Италии, Швейцарии и Лихтенштейна. Вместе с ними “Пульс” намеревается построить в Павлодаре молокоперерабатывающий завод по выпуску твёрдых, мягких и десертных сыров (я даже не знаю, что это такое — десертные сыры), творога и мороженого. Это будет модуль, который в случае необходимости может удвоить производственные мощности. Второй проект предусматривает производство пластиковой упаковки для пищевых продуктов. Сырьё — полистирол — местное, первоначальная мощность — 2,5 тысячи упаковок в час — также может быть при необходимости удвоена.

Упаковки эти были представлены на пресс-конференции, как и мясокопчёности, которые фирма из Лихтенштейна с “Пульсом” собирается производить в Павлодаре после определения спроса на них.

Торжественный ритуал подписания документов завершился шампанским, которого нам, журналистам, не досталось. Зато мы продегустировали образцы молочных и мясных продуктов, которые вскоре (хочется в это верить) появятся в наших магазинах. Не могу сказать, чтобы копчёности, расфасованные в одноразовые упаковки, мне сильно понравились (моя мать сало лучше солит), но несколько пакетиков с собой (это разрешалось) всё же прихватил.

Наш нефтеперерабатывающий завод затарился готовыми нефтепродуктами — в его резервуарах находится их более 130 тысяч тонн, а девать

некуда. Если в ближайшие двое суток ничего не изменится, завод вынужден будет остановиться. Всё дело в новых ценах на нефтепродукты, которые большинству прежних потребителей не по карману.

Всё же российские политики — самые экстравагантные в мире. Так, государственный советник президента Б. Н. Ельцина по национальным вопросам Г. Старовойтова предложила направить в воюющее Приднестровье японские силы по обеспечению мира.

Подписчики жалуются на то, что нашу газету воруют из почтовых ящиков... Раньше подобного не было — ещё, наверное, и потому, что подписная цена ни для кого не была накладной. Больше других воруют суботние номера с программой телевидения.

16 июля

Теперь продукцией затарился Павлодарский завод молконсервов. Прежде её всегда недоставало, а теперь торговля сокращает заявки с прежних 74 тонн в день до 34 и даже до 30 тонн. Причина всё та же — цены. И “пора большого молока”, как называют лето, теперь как бы совсем нехватает. Выход на заводе пока нашли в том, чтобы увеличить выработку сухого молока.

Новые веяния. В Павлодаре появился трамвай с символикой некоторых предприятий. Есть “свой” трамвай и у объединения “Павлодартурист”, в котором вам на двух языках предложат полную информацию о перечне услуг этой фирмы. По-моему, неплохо придумано.

18 июля

Казахстан стал 167-й страной — членом Международного валютного фонда. Совет управляющих фонда определил ему квоту в 239 миллионов долларов. Надо полагать, на такую сумму кредита или займа наша страна может рассчитывать.

Директор алюминиевого завода Б. К. Акимкулов рассказывает в нашей газете о проектах создания производства по выпуску алюминия. Уверает: всё это вполне реально.

В редакцию пришло письмо от жителей нескольких сёл Алтайского края: просят восстановить автобусный маршрут Павлодар — Барнаул, которым они пользовались и который закрыт как нерентабельный. Отправили письмо в объединение транспорта.

19 июля

Жара, дачная страда, гости... Так можно охарактеризовать мою жизнь в последнее время. Жара выматывает, порой днём столбик термометра

зашкаливает за 40 градусов. Но днём ещё как-то можно терпеть, а вот ночью... Дом так накаляется, что за ночь не остывает, спать невозможно... Смачиваю простыню — так, что с неё капает, укрываюсь ею и только так спасаюсь. Бывает, за ночь повторяю эту процедуру дважды.

Зато на даче всё на глазах спеет. Собрали чёрную смородину, поспела первая малина... Купленный мною по коммерческой цене мешок сахара (3800 рублей — почти половина моего нового редакторского оклада) закончился. Так что никаких варений больше не предвидится.

Даём в газете советы “бывалых”: как консервировать ягоды без сахара...

У нас гостит (в отпуске) брат Шурка. Стал спокойнее, кажется, переболел и вновь неудавшейся семьёй, и пьянкой. К жизни относится философски, сказал мне: я отполз в сторону и наблюдаю — как они грызутся... Они — это нынешние российские власти... Хорошо ему, я бы вот тоже, может, отполз — так ведь не дадут...

Стихи по-прежнему пишет и по-прежнему печатает лишь в своей “районке”. Я попросил его рассказать об отце (для моих “Записок”) — то, что сочтёт нужным. Он отнёсся к этому серьёзно, я записал его рассказ.

На работе дела ни шатко ни валко. Все деньги, что у нас были, около трёх миллионов рублей, вложил в бумагу. Её пока нет, но всего ожидаем три вагона — 120 тонн. В таком случае бумаги хватит до конца года, а дальше будет видно.

Смотрел вчера по российскому ТВ дебаты в Верховном Совете. Речь шла о поддержке СМИ и контроле (!) за ними. Хасбулатов, ссылаясь на мировой опыт, намерен добиваться контроля. Предполагается создавать с этой целью некие наблюдательные советы... Впрочем, решение ещё не принято.

Министр печати М. Н. Полторанин на этих парламентских слушаниях назвал работу газет “Советская Россия” и “День” беспределом. “Вы продолжайте список, — добавил Хасбулатов: — “Известия”, “Правда”, “Московский комсомолец”... Одна “Российская газета” ведёт себя подобающе и то потому, что ходит под Верховным Советом”. Так дословно выдающийся демократ Хасбулатов и выразился...

Можно представить себе — какой визг подняла бы вся демократическая печать, услышав что-то подобное от вчерашних партократов. И поднимала, кстати, когда Горбачёв, обидевшись на какую-то публикацию, угрожал приостановить действие некоторых статей закона о печати. А тут вся российская демократическая пресса — будто воды в рот набрала... “Известия”, правда, ерепенятся, но, видно, ещё и потому, что у них самих рыльце в пушку: Хасбулатов и часть поддерживающих его российских депутатов намерены вернуть газету в лоно Верховного Совета, считая, что, воспользовавшись “послепутчевой” неразберихой, “известинцы” незаконно прибрали газету к рукам, перерегистрировав её в те дни.

Нет уж, никаких иллюзий быть не должно: власть и пресса всегда будут конфликтовать.

Кстати сказать, наши казахстанские власти тоже приняли решение в поддержку прессы, но понять из опубликованного в “ЗП” постановления ничего невозможно. Неясно, например, распространяется ли на газеты льгота по НДС... Говорится о повышении зарплаты журналистам с первого декабря, а источник финансирования не указан. Тогда за чей счёт и от какого уровня? Мы совсем недавно повысили у себя оклады в два-два с половиной раза, и, выходит, нас это не касается? Финансирование местных газет вменяется в обязанность главам местных администраций. А у них откуда деньги возьмутся?

Поцапался, и основательно, с С. Г. Он втихаря договорился с нашей бухгалтершей о том, что она будет обслуживать его новый коммерческий проект. Вскрылось это из объявления в нашей газете. Я “понёс” сначала бухгалтершу, которая делала вид, будто ничего такого не произошло, потом С. Г., который пришёл её защищать...

Оставшись один, сидел и думал: как же всё у людей сегодня в мозгах перепуталось — что можно делать, что нельзя, что порядочно, а что нет?..

Бухгалтершу по-хорошему надо уволить, тем более что как специалист она особой ценности не представляет... Но ведь неизвестно ещё — кто придёт на смену, какой человек... Да и с С. Г. не хотелось бы рвать отношений. И так плохо, и так плохо...

Встретил вчера приятеля, когда-то мы вместе работали. Сразу даже не обратил внимание на то, что он на новых “Жигулях”. Говорит — купил на днях за 248 тысяч рублей. Работает в Алма-Ате, в пресс-службе правительства. Я постеснялся спросить — какая у него зарплата, а вечером лежал и думал: мой новый оклад с гонораром — около девяти тысяч рублей в месяц. Чтобы накопить на такие “Жигули”, мне нужно не тратить из неё ни копейки три года... Откуда же деньги у него, ведь все наши прежние накопления превратились в ничто, а за несколько месяцев этого года такую сумму заработать невозможно... Я не завидую — просто не понимаю.

21 июля

Похоже, наша обладминистрация и впрямь активно взялась за наведение прямых мостов с российскими и казахстанскими регионами. В Экибастузе принимали делегации Омской, Свердловской и Челябинской областей (заключены договоры о сотрудничестве), а в Павлодаре — Кокчетавской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Джамбульской областей. С тюменцами казахстанцы два дня спорили, по какому эквиваленту менять их дефицит на наш дефицит: по 1,5 или по 1,7 тонны нефти за тонну хлеба? Решили рассчитывать по реально складывающимся мировым ценам: сегодня сильная пшеница идёт по 160-170 долларов, а нефть — по 126 долларов за тонну. Ещё договорились с Тюменью совместно построить вторую нефтеперерабатывающую установку на нашем нефтезаводе.

Я был на завершающей встрече, когда подписывались документы. Любопытно было наблюдать за некоторыми главами обладминистраций, которых в эти минуты буквально распырало ощущение собственной значимости... Слаб всё же человек.

Публикуем подборку читательских откликов на проект Конституции. Мнения по проблеме государственного языка чётко распадаются в зависимости от принадлежности к коренной и некоренной нациям.

24 июля

Краснокутский район переименован в Актогайский. “Был “красный угол”, стал “белый лес”, — прокомментировал решение сессии райсовета Б. В. Исаев.

Провели областную “летучку” журналистов в Железинском районе. Расстарались редактор газеты “Ленинское знамя” Б. М. Ишутин и директор райспецхозобъединения, мой земляк Е. Н. Ныгманов — под присмотром главы райадминистрации Г. Г. Сокуренько. Принимали нас по высшему разряду, пообщались как по “обязательной” программе, так и неформально. В завершение съели целого жеребёнка и уезжали под проливным дождём, что вообще-то считается хорошей приметой, а тут его ещё долго не было... Словом, все остались довольны, хотя живётся “районкам” сегодня тяжело.

Незатейливые, но, по-моему, интересные новеллы С. П. Шевченко “Улыбки жизни” в “ЗП”. Особенно мне понравилась первая, как он стоял в очереди за хлебом за понравившейся ему девочкой. И это был тот самый случай, когда он готов был стоять в ней вечно...

Так же и я когда-то сживал по вечерам на лавочке, ожидая, пока мимо пройдёт, прогуливаясь по улице с подругой, одноклассница Танька Шаповалова и хоть чуть-чуть обратит на меня внимание. А братан Петька рассказывал, как занимал в совхозном клубе место в ряду — позади своей одноклассницы, и этого ему хватало, чтобы почувствовать себя счастливым.

И у каждого, наверное, найдётся своя подобная история...

На здании обл администрации и облсовета подняты новые — национальные — флаги.

На тракторном заводе в дополнение к уже выпускаемым крышкам для консервирования, гаражным замкам, ножам и ножницам разных видов стали выпускать двухсторонние тупки. Можно сказать — ноу-хау. И смех, и грех...

ИТАР-ТАСС сообщил: службы безопасности (бывшие КГБ) России и Украины гарантируют, что не будут вести подрывную работу друг против друга. По мне это почти то же самое, если бы президенты Ельцин и Кравчук пообещали не бить друг другу морды.

Досужий Володя Бугаев побывал на Камчатке, разыскал там нашего земляка контр-адмирала В. Ф. Дорогина (он чуть ли не одноклассник Людмилы Гришиной), и тот разрешил ему выйти на военно-морском тральщике в Тихий океан. В Камчатской флотилии, как оказалось, служит немало казахстанцев.

А на Камчатку Володя ездил, пытаясь отыскать следы отправившегося пару лет назад с Дальнего Востока на Аляску на надувном плоту нашего земляка Сергея Чеботарёва, о котором уже давно нет никаких вестей. Ничего не удалось выяснить Володе и на этот раз.

Николай Марчевский ездил на уборку и где-то на полевом стане застал такую картину: почти вся бригада во главе с бригадиром, оставив работу, смотрела очередную часть сериала “Богатые тоже плачут”. “Вы не думайте — мы потом наведем”, — оправдывался бригадир.

Похоже, я один из немногих, кто не следит за перипетиями этого поистине “народного” сериала. Наверное, людям это надо: уйдя от тягот собственного бытия, окунуться в чужую красивую жизнь.

Павлодарский индустриальный институт — отныне технический университет. Теперь здесь, кроме традиционных, можно получить специальности экономиста и юриста.

Б. Н. Ельцин, находясь на Алтае, дал задание разыскать тех, кто принял решение провести в 1949 году ядерное испытание на Семипалатинском полигоне, игнорируя неблагоприятную метеообстановку (из-за этого часть Алтая “накрыло” остатками радиоактивного облака). Президент России считает, что этих людей надо привлечь к уголовной ответственности — за преступление против человечности.

Володя Бугаев нашёл эту информацию в независимой “Сибирской газете”. Не знаю — можно ли ей верить?

Закончили курс по изучению казахского языка в редакции. И хотя продвинулись не очень далеко, кое-какие навыки получили.

28 июля

Уже писал, что хорошо начинает у нас выпускник журфака Омского госуниверситета Слава Лесовский. Пишет нечасто, но почти всегда “копает”. С удовольствием подписал его материал “В лабиринтах приватизации”, который сегодня опубликован.

Кого только не забрасывала судьба в разные годы в Павлодар. М. С. Тереник принесла большой материал о жизни политического ссыльного,

капитана крейсера “Аврора” (того самого!) В. Е. Эмме. Блестящий морской офицер, ещё гардемарин, совершивший кругосветное путешествие, прекрасно знал своё дело, но, как оказалось, “в научном разборе политики слаб, собрания и политчасы посещает не все”. Ему рекомендуют пройти, наряду с другими предметами, ещё и “курс политических наук”. Однако на курсы командного состава при Высших специальных ордена Ленина офицерских классах его не приняли — был беспартийным. А затем он и вовсе “за участие в антисоветской организации и шпионаже” получил восемь лет и, отбыв срок, был сослан в Павлодар. Как оказалось, сам сюда попросился — отправьте туда, где есть река.

В Павлодаре работал, перевоза на вёсельной лодке пассажиров через Иртыш, а потом переплётчиком...

В 1956 году был реабилитирован, вернулся в Ленинград. Но сырой климат был вреден его жене, и они опять приехали в Павлодар. Капитан крейсера “Аврора”, уже пенсионер, пел в хоре А. Шиллера, участвовал в художественной самодеятельности. Говорят, писал книгу воспоминаний, следы которой затерялись.

Умер В. Е. Эмме в 1970 году, в 77 лет, похоронен в Павлодаре.

И сколько ещё таких тайн хранит наша многострадальная история.

30 июля

Новые веяния. В Павлодаре открылись две рюмочных, где можно, не засиживаясь, выпить, закусить бутербродом. И стоит это удовольствие относительно недорого. Одна беда — водка по-прежнему в дефиците.

В Павлодар поступила первая партия шведских автобусов “Вольво”, а к концу года их будет уже около сотни. И ещё хорошая новость: местное предприятие “Медполимер”, освоившее производство одноразовых шприцев, первые сто тысяч в качестве дара передало детским учреждениям. А врачи безвозмездно получают 19 процентов акций предприятия на сумму более 50 миллионов рублей.

Так что не одними плохими новостями сегодня живём.

Публикуем статистический отчёт за первое полугодие, некоторые цифры — просто убийственны: цены на промышленную продукцию в июне по сравнению с маем составят 282 процента, по сравнению с июнем прошлого года — 3607 процентов.

Среднемесячная зарплата в госсекторе экономики по итогам первого полугодия составила 2814 рублей — в 8,6 раза больше, чем в прошлом году. При этом в сфере материального производства она составляет 3178 рублей, а в непроизводственной сфере — 1492. В июне, соответственно, 5238 и 2960 рублей. Самая низкая зарплата — на селе: всего 1164 рубля.

Учительница Экибастузской средней школы № 13 Т. А. Осипенко предложила ученикам 11 класса несколько тем для сочинения. Почти все выбрали одну: “Как разбогатеть?”.

Большинство собираются заняться предпринимательством, взяв для этого ссуду в банке. Кто-то намерен затем выращивать и продавать цветы и овощи, разводить породистых собак и продавать щенков, многие мечтают о собственных магазинах... И никто — ни один — не собирается в городе угольщиков и энергетиков работать на разрезах и электростанциях. Лишь одна — то ли всерьёз, то ли издеваясь — написала следующее: “Для того, чтобы в наше время прожить не голодая и вообще по-человечески, нужно либо иметь “блат”, либо спекулировать... Мне ни то, ни другое не светит, поэтому я поеду к бабушке в село. Выберу мужика посильнее, поширокоплечее, заведём хозяйство: кур, свиней, огород, чтобы всё своё было... Детей много (больше двух) заводить не будем. Как-нибудь проживём...”.

Публикуем этот материал — без особых комментариев: какая жизнь — такие у молодых людей и мысли.

1 августа

В Павлодаре назревает сахарный бунт. Люди не могут отоварить июльские талоны. Впрочем, сахар в городе есть, но не по семь, а по 70-75 рублей за килограмм.

У областной администрации собралось около сотни разгневанных покупателей — в большинстве своём домохозяйки и пенсионерки, простоявшие более суток в очередях за дешёвым сахаром, но так его и не получившие.

К ним вышли заместители главы обладминистрации, но протестующие не стали их слушать, требуя встречи с А.А. Жабагиным. Тот объяснялся с ними уже в малом зале обладминистрации. Разговор состоялся бурный, разгорячённых людей не устроили объяснения главы области, что невозможно реализовать сахар по прежней цене, когда закупочные цены на него выросли до 60 рублей за килограмм.

При всём при том кто-то, пользуясь неразберихой, греет руки на продаже сахара, поступившего и по прежней цене.

Тем временем нет сахара, который местная фирма “Акбидай” обязалась поставить по цене 52 рубля, собрав для этой цели с предприятий и хозяйств области 200 миллионов рублей. Там есть и наши редакционные деньги.

Эрих Хонеккер, укрывавшийся в чилийском посольстве в Москве, депортирован в Германию и помещён в Моабитскую тюрьму... Позор Горбачёву, давно сдавшему своего преданного соратника в Восточной Европе. И Ельцину, без согласия которого такая депортация была бы невозможна. Впрочем, Ельцин публично заявил, что не намерен укрывать Хонеккера.

Глава обладминистрации А. А. Жабагин опроверг на встрече с журналистами слухи о том, будто Казахстан вот-вот введёт свою национальную валюту.

В магазинах почти полностью исчезли копейки, потерявшие прежнюю ценность. Кое-где продавцы их теперь заменяют спичками. Причём

“конвертируемость” у последних выше, чем у копеек: одна спичка (не коробка) идёт за две копейки. То есть, если вам полагается 14 копеек сдачи, то взамен дадут семь спичек.

4 августа

Ехал на днях в Щербакты, и вдруг из-за поворота навстречу — бронетранспортёр. Потом выяснилось: это щербактинские энергетики его купили в качестве вездехода — для обслуживания электролиний в труднодоступных местах Чалдайского соснового бора.

Опять перебои с водкой — после недавнего трёхкратного её подорожания. С ситуацией разбиралась комиссия горсовета. Всё очень просто: три месяца наш винно-водочный завод работал на старых запасах сырья, а свою продукцию отпускал без предоплаты. Торговля с ним не рассчиталась, поэтому сам завод не сумел вовремя перечислить деньги за спирт.

Чтобы разрядить ситуацию, директор завода А. Н. Островой предлагает передать его предприятию 6-7 магазинов, в которых будет налажена фирменная торговля водкой. Но торгующие организации с этим не согласны. Значит, бардак будет продолжаться.

Отныне жители Твери будут звонить по городским таксофонам бесплатно. Такое решение приняли местные власти в качестве средства борьбы с таксофонными грабителями, взламывающими автоматы с целью наживы. А не будет в них мелочи — не будет смысла их курочить. (Из сегодняшнего “Горячего телетайпа”).

Подписал интересный материал Ахмета Чернедьева (когда-то мы жили в одной комнате в “казгушной” общежитии и тогда он именовался Аликом Ташкимбаевым) об экибастузском супермарафонце Марате Жыланбаеве, совершившем недавно пеший переход через Каракумы. Шёл Марат один, неся с собой лёгкую герметичную палатку, спальник, ёмкость с водой, продукты.

Чего только не было в этом путешествии: его принимали за шпиона и задерживали пограничники; в него стреляли, приняв за грабителя, чабаны; его чуть не затоптали дикие верблюды и чуть не засыпал песком коварный ветер “Афганец”; он едва не погиб от жажды... В среднем Марат преодолевал в сутки по 60 километров, пройдя в общей сложности более тысячи двухсот километров.

Поразительная натура! Теперь собирается в кругосветное путешествие.

Сто лет назад в Павлодаре была открыта уездная библиотека. Открыл её городской голова, купец первой гильдии Артёмий Деров. Сначала построил кирпичное здание для трёхклассного училища, а потом открыл на свои деньги библиотеку, “заключавшую в себе 29 названий разных классических сочинений в 102 томах...”.

Затем была открыта городская публичная библиотека с бесплатной читальней. А подписчики у неё были платные — 61 человек мужского и 9 — женского пола. А всего в Павлодаре в ту пору жили шесть тысяч человек.

Хорошие материалы нам время от времени поставляет Э.Д. Соколкин из областного историко-краеведческого музея — это его публикация.

5 августа

Совсем жизнь замотала — не доходят руки до “Хроники”. Сегодня проводил брата Шурку. Говорит: всем доволен, всех вас повидал, отдохнул, отъелся. Бодрится, но, думаю, несладко ему там бывает одному, особенно зимами, когда дни так коротки, а ночи так длинны...

Не раз мы с ним поговорили “за жизнь”. Сказал мне: его радует, что я стал спокойнее (сомневаюсь, однако, что это так на самом деле). Я отвечал: меня радует, что стал меньше пить. Ну, раз в квартал-то я беру литр водки и беседую сам с собой, отвечал брат. Куража в нём хоть и поубавилось (“Я сам себе Поминов!” — частенько говорил брат прежде, когда ему нечего было сказать), но дурь ещё остаётся. Наверное, последняя уже неистребима.

Полная впечатлений поездка на Байконур. Летали вместе с А. М. Мухамеджановым и Людмилой Ермолиной — Павлодар — Джезказган — Кызыл-Орда... Это наш республиканский Союз журналистов подсутился — устроил в Ленинске выездное заседание правления, приурочив его к запуску очередного космического корабля.

Встречали нас в Кызыл-Орде ермолинская подруга Галя Крючкова — собкор “Советов Казахстана” и мой однокурсник Касым Иманбердиев — президент здешнего футбольного клуба и по совместительству собкор КазТАГ. Он нас поселил на спортивной базе, со всеми удобствами. Сидели за богатым дастарханом почти всю ночь. Уже за полночь стали звонить Ольге Андреевой — другой нашей однокурснице и его бывшей супруге, подняли её с постели. Касым теперь — многодетный отец: у него четверо детей — один у них с Ольгой и трое здешних...

Потом я захотел послушать южную ночь, мы вышли под здешнее звёздное небо и окунулись в неумолчный ор невидимых насекомых, чей “концерт”, оказывается, звучит до самого утра.

Повезло нам и на следующий день: до Ленинска добрались на облисполкомовской “Волге” (а это около 300 километров), поселились в какой-то частной гостинице — без особых удобств, зато с кондиционером. (Последнее я смог по достоинству оценить пару дней спустя, побывав у коллег в городской гостинице, где жили другие журналисты: дикая духота да ещё комары — крохотные, почти невидимые, зато как собаки злые). Так что дважды спасибо за заботу Гале Крючковой, благодаря которой мы смогли жить с относительным комфортом и увидеть, как на рассвете ракету доставляют на стартовую позицию.

И в те минуты, и в мгновения старта меня не покидало смешанное ощущение нереальности и в то же время обыденности происходящего. Мы находились на наблюдательном пункте километрах в двух с половиной от старта... Вначале ракета, окутанная снизу огнём и дымом, стронувшись со стартовой площадки, как будто чуть-чуть зависает, а затем стремительно уходит ввысь. Рёв её двигателей можно сравнить, наверное, с тысячекратно усиленным треском быстро разрываемой плотной материи.

Хотя Байконур и находится в Казахстане, я почему-то даже не мечтал тут побывать — считал это нереальным, поэтому старался увидеть, записать, запомнить всё. Чего не могу сказать о большинстве моих казахстанских редакторов-собратьев. Многим из них на Байконур и все его проблемы было глубоко плевать: они ели-пили — и по дороге, и здесь, у некоторых я за всё время, что мы здесь были, ни разу не увидел в руках блокнота. Один и вовсе три дня “не просыхал”...

На первой пресс-конференции с членами межправительственной комиссии по обеспечению полёта часть братьев-казахов, в которых вдруг проснулись национал-патриотические чувства, устроили скандалчик: откровенно бузили, шумели, задавали невнятно-бестактные вопросы, давая понять, что члены комиссии и все остальные — некоренные — должны понимать, на чьей земле находятся космодром и все они. Было неудобно и стыдно... Глава администрации Ленинска В. А. Брынкин потом вынужден был отдельно объясняться перед французскими журналистами. А технический руководитель полёта Ю. П. Семёнов (академик, лауреат и т. д. и т. п.), которого “достало” это непонятно чем уязвлённое национальное самлюбие, прочитал целую лекцию о том, что такое космодром, как даётся каждый полёт, чего всё это стоит... Любопытно, что ни сразу, ни потом никто из руководителей нашего Союза журналистов ничего не сделал, чтобы загладить неловкость... Как будто ничего и не было!

Оказывается, масса народу бывает на каждом запуске. Вот и в этот раз: французы, американцы, голландцы, немцы, москвичи... Немало крутилось красивых, я бы сказал — вызывающе красивых — женщин. Совершенно очевидно, что ни к космонавтике, ни к журналистике они отношения не имеют. Скорее, это невесты на выданье, хотя возраст у большинства отнюдь не девический...

Мы побывали в домике, где ночевали накануне старта Ю. А. Гагарин и Г. С. Титов. Он — точная копия первых целинных “финских” домиков, что до сих пор сохранились в нашем совхозе. В таком несколько лет жила моя мать... В соседнем с гагаринским домом обитал С. П. Королёв. Там до сих пор стоит огромный чёрный эбонитовый телефон с большими дополнительными клавишами по бокам. Такой же есть у меня дома — я выпытал его у Зои Николаевны Кожановой, когда она была секретарём Павлодарского горкома партии, убедив её, что просто неприлично держать столь допотопную в наше время вещь в приёмной руководителя такого уровня. Взамен принёс ей новый...

То, что делают на Байконуре, невероятно, это и вправду одна из вершин человеческого гения. Но какое же тут убожество быта! Единственная приличная городская гостиница — без кондиционеров. И это при том, что плюс сорок летом здесь — обычное дело. В Ленинске нет хорошей питьевой воды, а ту, что есть, пить просто невозможно...

Мы с Альходжой Мухамеджановичем искупались в Сырдарье — вода в ней, идущая в том числе и с рисовых чеков, оказалась мутно-жёлтой, с тяжёлым, неприятным запахом.

В городских магазинах — довольно скудный ассортимент. У тех, кто работает на космодроме или на его обслуживании, отнюдь не космические зарплаты... И тем не менее в городе много молодых, красивых лиц, молодых женщин с детскими колясками, людей в шортах и на велосипедах... Всё это, если можно так сказать, научно-военно-технически-европейский облик Ленинска. Но на нём лежит и неизгладимая печать азиатчины — какой-то всеобщей запущенности, неряшливости, неустроенности. (Впрочем, это не только для бывшей советской Азии характерно, но и для всего сегодняшнего СНГ).

И ещё — жара. Вселенская, изматывающая, одуряющая, деморализующая... Во время большой общей пресс-конференции все мы, и я в том числе, покрылись потом с ног до головы. Поразительно, что члены межгосударственной комиссии выглядели на нашем фоне куда приличнее.

Надо хоть раз в жизни испытать подобные нечеловеческие климатические условия, чтобы по-настоящему начать ценить то, что ты имеешь дома — в нашем отнюдь не ласковом по погодным условиям Прииртышье.

А я ведь чуть было не попал в своё время в Кызыл-Орду — собкором “Казахстанской правды”, уже и согласие дал. Но что-то там у них в редакции “не связалось”, и меня в очередной раз “отставили”. Какое это счастье, что из моего собкорства ничего не получилось, не раз думал я и в Ленинске, и в Кызыл-Орде.

Пообщался с местными журналистами, спросил про Толю Егорова — он был тут замредактора в областной русской газете, потом в обкоме работал — замзавотделом. Толю здешние журналисты почему-то недолюбливают. Я в ответ сказал, что своих друзей никогда не сдаю... Потом оказалось, что это им понравилось.

А каково теперь Толе, редактировавшему до разгона КПСС партийную газету в “логове демократов” Зеленограде? Я ничего о нём не знаю...

Космодром — величайшее творение человеческого ума и силы человеческого духа. Как хорошо, что мне посчастливилось побывать здесь, многое увидеть! Я ведь помню — как полетел в космос Гагарин... Как замирали взрослые, слушая голос Левитана по радио, и как крестилась бабушка (“Господи, только бы не война!”)... И как мы бегали по ночам смотреть, как пролетает в далёком чёрном небе очередной искусственный спутник Земли — неяркая звёздочка: только что была, и вот её уже нет..

А Ю. А. Гагарин всегда напоминает мне моего любимого дядьку — дядю Колю Хухарева — и внешне, особенно улыбкой, и, хочется верить, характером...

6 августа

Град в Щербактинском районе уничтожил почти половину посевов в колхозе “Победа” — одном из лучших хозяйств области. Вот такая бывает погода в нашем “Бермудском треугольнике”.

Из сегодняшнего “Горячего телетайпа”. Бюро ЦК Компартии Казахстана обратилось с письмом к Н. А. Назарбаеву и генеральному прокурору Ж. А. Туякбаеву: несмотря на решение Верховного суда, партию так и не зарегистрировали.

А председатель Конституционного суда России В. Зорькин направил представление Президенту России Б. Ельцину по поводу недопустимости задержек зарплат. Демократия в действии! Вот только подействует ли это представление в нынешнем хаосе?

8 августа

Материал Булата Ахметова, записавшего воспоминания двух аксакалов, переживших “Великую конфискацию” (обобществление скота в Казахстане), голод и мор 30-х годов.

Ж. Мухамбетов: “В моей семье из восьми человек умерли все, кроме меня. Сначала мы всех собак съели и кошек. Потом стали мышей ловить, птиц, ящериц... В первый же год умерли все маленькие дети. Затем стали умирать и взрослые... Появились среди них людоеды...”.

В архиве сохранилось письмо павлодарцев — политических ссыльных, датированное февралём 1932 года, в Президиум ВЦИК. Б. Иогансен, О. Селикова, П. Семёнин-Ткаченко, Ю. Подбельский, А. Флегонтов писали: “Отказываясь от анализа и оценки причин, породивших голод, мы сознательно ограничиваемся лишь изображением наблюдаемой нами картины.

В Павлодар стекаются из районов голодные, опухшие и одетые в лохмотья люди, преимущественно казахи. Город наводнён ими. Ходят голодные всех возрастов: молодые, старые, дети. Свалочные места усеяны голодными людьми, выбирающими и поедающими отбросы.

Лечебные учреждения наводнены умирающими от голода. Голод вызвал эпидемию... Под городом и в самом городе постоянно находят трупы замёрзших, бесприютных людей... Нередко можно встретить семейство казахов, бредущих неизвестно куда и тянущих за собой салазки со скарбом, поверх которых лежит труп ребёнка...

Бедствие развивается... В Павлодарском уезде осталось меньше половины того населения, которое насчитывалось ещё летом 1931 года.

Мы не хотим указывать, какие конкретные меры помощи должны быть приняты. Наша цель — приподнять уголок завесы, скрывающей ужасы, возникающие здесь на почве голода, и нарисовать правдивую, хотя далеко не полную картину положения голодающего района”.

Таких писем отправлялось в Москву немало, но ничего не было сделано, чтобы облегчить участь тысяч и тысяч людей.

Суббота. С утра пошёл по хозяйственным домашним делам — прачечная, магазин. По пути заглянул в киоски “Союзпечати”. Во всех трёх, что были по пути, нашей газеты ещё не было — не завезли. И это — после одиннадцати часов утра!

Расстроился и разозлился. Кинулся звонить директору типографии, начальнику “Союзпечати”, их, само собой, не нашёл. В понедельник опять будут валить друг на друга. В былые времена за подобные дела (ну разве

эта работа?) наказали бы виновных по партийной линии, а то и должности лишили, а теперь... И ведь нет других партнёров, с кем можно было бы иметь дело, заключить договор на распространение газеты...

Хотя вообще-то уже появляются... Гульбарам Науразбаева, ведающая в области молодёжными делами, создала молодёжную биржу труда. Приходила ко мне — заключили договор, и они теперь берут у нас две тысячи экземпляров субботней розницы. Вовремя рассчитываются и себе зарабатывают на жизнь. Наш Димка тоже там числится. Пошёл записываться — удивились, узнав фамилию, но взяли. И он теперь утром с двумя друзьями продаёт “Звезду” на бойком месте у продмага по улице Дзержинского. Берёт сто экземпляров, и они расходятся за полтора-два часа. Так и зарабатывает на карманные деньги.

Надо объявлять подписку на будущий год. Связисты запросили за все свои услуги в расчёте на каждый экземпляр больше рубля. Это больше, чем одна газета стоит сегодня с учётом доставки, стоимости бумаги, услуг типографии, нашей зарплат, налогов и т.д. Значит, надо увеличивать подписную цену в два с половиной — три раза. Будут ли люди её выписывать по такой цене? Часть читателей опять наверняка потеряем.

“Известия” разразились гневной статьёй в адрес “связистов-монополистов”: себестоимость выпуска одного месячного комплекта газеты обходится в 60 рублей, а только услуги связи — до 80. Но вряд ли этот истерический всхлип как-то на последних подействует.

“Советская Россия” опубликовала статью Бориса Олейника (поэт, писатель, один из руководителей последнего Верховного Совета СССР) о Горбачёве. Это выдержки из только что вышедшей книги “Князь тьмы”. Б. Олейник утверждает: “Горбачёв — “предатель всех времён и народов”, но мы напрасно пытаемся судить о нём, как о простом человеке. На самом деле это наместник дьявола на земле, обладающий заведомо разрушительной силой... То есть он и есть князь тьмы. В подтверждение Б. О. приводит примеры: где бы ни появился М. С., там обязательно возникали катаклизмы — природные, общественные и прочие. Приехал в Китай — волнения на площади Тяньаньмэнь, в США — беспорядки в Лос-Анджелесе, в Восточную Европу — прекратила существовать ГДР, в Румынию — опять беспорядки и смерть обоих Чаушеску... Б.О. уверяет: эта “дьявольская” миссия Горбачёва ещё далеко не завершена.

Мне трудно согласиться с подобной “дьяволиадой”, хотя то, что М. С. (хотел он этого или нет) проявил себя разрушителем, какого вряд ли знала история, — свершившийся факт. Получив в наследство советскую империю, сверхдержаву, с которой считался весь мир, он за каких-то пять лет оставил вместо неё бесформенное новообразование — СНГ, полтора десятка слабосильных “суверенных” стран, часть из которых сотрясаема острейшими внутренними конфликтами, и неизвестно ещё как из них выкарабкается. И если бросить на чашу весов дарованную Горбачёвым народам СССР свободу (хотел он её дать столько или нет — опять же другой вопрос) и те неисчислимые беды, что обрушились за эти годы на их несчастные головы, то неизвестно

ещё, что перевесит. Впрочем, для большинства хорошо известно, но история, как известно, не знает сослагательного наклонения.

Сам я не хотел бы вернуться в те времена, в которых жил и работал пять-шесть лет назад. Я вдохнул свободы и не хотел бы с ней расставаться. Но неужели беспредел — номенклатурный, мафиозный, преступный, что творится сегодня, и безвластие, обнищание основной массы народа, всеобщий разброд и хаос — это то, к чему мы стремились? Куда ведёт этот путь?

При всём при том у нас в Казахстане ситуация ещё более-менее управляема, и у нас хотя бы нет конфликтов на национальной почве...

“Независимая газета” дала комментарий к недавнему старту космического корабля на “Байконуре”, треть которого посвящена “заварушке”, устроенной на пресс-конференции нашими национал-патриотами. Атмосфера передана, в общем, правильно, хотя кое-что и переврали.

У меня, кстати, в репортаже тоже был небольшой абзац на эту тему, но после некоторых колебаний я его выбросил: из него мало что можно было понять, а разжёвывать я не захотел: этот инцидент ничтожен по сравнению с тем, что люди изо дня в день делают на космодроме.

Мои земляки-железинцы прославились на весь бывший Советский Союз. У здешней “районки”, как и других, нет бумаги; и денег в районе, чтобы её купить, нет тоже. И тогда тут (конечно, не без поддержки главы райадминистрации Г. Г. Сокуренько) решили: пусть каждый совхоз выделит газете по быку, а она их в Омске обменяет на бумагу. Так и сделали. Мы у себя в “ЗП” дали об этом заметку “Как быки газете помогли”, у нас её “украли” “Казахстанская правда”, а из неё она перекочевала в “Известия”. Редактор райгазеты Б. М. Ишутин ходит теперь гордый.

11 августа

Фермер из Голландии Герьян Слингенберг этим летом учил наших черноморских овощеводов выращивать картошку. С ним встречался Николай Марчевский, написал материал, который, думаю, заинтересует многих наших дачников. Хотя никаких особых секретов голландский мастер высоких урожаев не раскрывает: нужны хорошие семена, удобрения, гербициды, плюс набор соответствующей техники. Всё это доставлено в Черноморку из Голландии.

Николай привёз и картошку от голландца на пробу — клубни ровные, один к одному, чистые — на загляденье. Но в варёном виде эта картошка мне не понравилась — какая-то она “мыловатая”. Наша железинская не такая, конечно, красивая, но зато гораздо вкуснее.

Павлодарский краеведческий музей отмечает первую юбилейную дату — полвека. У истоков его создания стоял известный павлодарский фотограф и краевед Д. П. Багаев.

Сейчас в фондах музея более 50 тысяч экспонатов, ежегодно его посещают более ста тысяч человек. (Из сегодняшнего материала в “ЗП”).

12 августа

Опять жизнь подбрасывает, да такое, что не знаешь — радоваться или наоборот.

Какое-то время назад один из вновь создаваемых банков предложил нам сотрудничество, и в итоге мы с его директором Сериком Макеновым договорились до того, что газета станет одним из соучредителей банка. А поскольку денег у нас нет, поступаем так: мы даём банку рекламу на миллион рублей, не беря с него денег, а он засчитывает эту сумму как наш вступительный взнос. Смысл? Обещаны хорошие дивиденды, плюс всевозможные привилегии в банковских услугах.

На практике дело оказалось не таким уж простым. Сначала к нам прислали аудиторскую проверку, дабы убедиться в том, насколько грамотно мы ведём экономику и финансы. Пришлось и нам попотеть, но зато вывод аудитора был вполне благоприятным: можем быть учредителями.

Потом нас проверял банк, в котором мы обслуживаемся, и тоже давал своё заключение на этот счёт... Словом, не хухры-мухры, как любит выражаться наш П. А. Побережников.

А вчера мне звонит по "вертушке" А. С. Павлов — заместитель главы администрации, ведающий финансами, и ехидно так спрашивает:

— Давно ли разбогатели?

— Не разбогатели, Александр Сергеевич, но и не банкроты, — отвечаю с преувеличенным достоинством.

— Да уж вижу: 249 тысяч рублей прибыли за полугодие против полутора миллионов убытков по итогам первого полугодия. И ещё пять миллионов рублей вносите как соучредители в "Кереку Банк"...

Я рассмеялся:

— Не вносим реальных денег ни копейки!

И обрисовал ему механизм наших действий. Может быть, даже напрасно... Но Павлов — большой умница, у нас всегда были хорошие отношения, и хитрить перед ним я не стал.

— Так я и знал, — продолжал А. С. Павлов, — этот банк хочет увеличить уставный фонд, не вкладывая денег. Так что будьте с ним поосторожнее.

— Ну мы-то в данном случае мало чем рискуем, — парировал я, — а вы ведь нам тоже ничего не предлагаете, хотя, говорят, банк, созданный администрацией, хорошо зарабатывает.

— Считайте — уже предложил, — невозмутимо отвечал Александр Сергеевич.

— Так мы вам тоже денег не дадим, — совсем обнаглел я, — зачтите наш взнос рекламой...

Думал услышать в ответ что-то вроде: "Ну вы нахал...". А услышал:

— Договорились. Завтра на вас выйдет директор банка.

Тут же собрал членов редколлегии, и мы договорились, что, если получится, газета станет соучредителями сразу двух банков.

Утром ко мне пришёл председатель правления "Сарыарка Банка" (инициатором его создания стал глава администрации А. А. Жабегин) — с уставом, учредительными документами. Мы в принципе обо всём договорились, детали он обещал отработать сам и пригласить меня на совет соучредителей.

Потом — по его просьбе — я объяснялся с директором областного филиала Нацгосбанка, который пожелал лично удостовериться, что мы хотим стать соучредителями "Сарыарка Банка".

— Хотим, — отвечал я.

— Но вы ведь хотите соучредительствовать и в “Кереку Банке”?

Я даже удивиться не успел такой осведомлённости, сказал лишь:

— Да, но там лишь предварительная договорённость... И потом — разве одно обязательно исключает другое?

Теперь уже на другом конце провода возникло некоторое замешательство, после чего мне была названа дата собрания соучредителей “Сарыарка Банка”.

Оставшись один, я начал лихорадочно соображать: приоритетно рекламировать один банк — тут всё понятно, а как “продвигать” сразу два, если они к тому же потенциальные конкуренты? Чью сторону занимать, если их интересы схлестнутся? Как себя вести, если в “Сарыарка Банке” поставят условие: или с нами, или — с ними, выбирай что-то одно.

Я ещё не успел толком ничего додумать, как пришёл представитель “Кереку Банка” — и тоже с готовым договором о соучредительстве. И почти с порога стал жаловаться, как их банк душит обладминистрация, видя в нём потенциального конкурента создаваемому своему банку. Между тем “Кереку Банк” — единственный в области частный банк, созданный для поддержки связи и других жизненно важных отраслей. Он ещё много чего говорил — в том числе и о нечистоплотности сильных мира сего, и о том, как они делают деньги, чем поверг меня в ещё большее уныние.

Решил напрямую объяснить с директором “Кереку Банка”. Тот вполне спокойно воспринял моё известие о переговорах с “Сарыарка Банком”: это, мол, дело редакции — куда идти соучредителем... Но — пояснил — тут уже включены рычаги: Нацгосбанк, как главный контролёр и координатор всей банковской политики, тормозит наше соучредительство в “Кереку Банке”, не принимает нашу аудиторскую справку, считая, что у “ЗП” слишком малая для соучредительства прибыль и т. д. И тут, на его взгляд, всё понятно: цель — взять “ЗП” в соучредители “Сарыарка Банка” и “не пущать” в “Кереку Банк”.

Какая всё же это грязь — власть, политика, деньги... А если всё это “в одном блюде” — тем более!

Зачем этим двум ещё только нарождающимся банкам наша газета? Ведь наши деньги — смехотворны и не могут их всерьёз заинтересовать. Банкам нужна наша читательская аудитория, на которую они могут через газету воздействовать. Опять мы оказываемся в подручных...

М. Н. Полторанин, ныне вице-премьер российского правительства, дал интервью “Московскому комсомольцу” — о себе любимом, своём отношении к разным газетам. В частности, небрежно отозвался о “Московских новостях” (чуть из штанов не выпрыгивают, пытаясь привлечь читателя), в этом же духе — о “Литгазете”... Зато высоко — о своей собственной персоне.

В очередной раз высшая российская власть (а это характерно также и для Ельцина, и для Хасбулатова) сначала говорит, а потом думает... И оправдывается... Вот и тут “подставился”, и по нему ехидно и вполне профессионально прошлись в ответ “Московские новости”.

Полторанин, бесспорно, фигура в журналистском мире. В пору его собкорства в “Правде” его побаивались и даже откровенно боялись секретари обкомов, многим из которых он попортил немало крови. Но и сам он сполна пользовался возможностями, дарованными статусом собкора “Правды”.

С. П. Шевченко, неплохо знавший Полторанина, рассказывал мне: когда тот приезжал из Караганды, где находился корпункт “Правды”, освещать областную партконференцию, в Павлодарском обкоме предпринимали все меры для “нейтрализации” спецкора... Закрепляли хорошо подготовленного человека — с наказом как следует кормить, а главное — поить... Что тот и делал...

А в это время тот же С. П. Шевченко готовил “болванку” для будущего материала спецкора “Правды”, где всё было сбалансировано и даже критика присутствовала, но лишь в той мере, чтобы не навредить высшему областному руководству.

Пишу это не для того, чтобы доказать — вот, мол, и Полторанин был “как все”. Он всё же был — не как все, выделялся и бойцовским характером, и материалами... Но когда он теперь ведёт себя так, будто сам был всегда безгрешен и может судить всех остальных высшей мерой, это по меньшей мере неприлично.

Вот, к примеру, известный журналист Иона Андронов резко высказался против передачи двух Курильских островов Японии и покритиковал Ельцина и его правительство за двусмысленную политику по отношению к этой проблеме. Полторанин, не мудрствуя лукаво, в ответ заявил в своём интервью: чего, мол, вообще ждать от Андропова, если он был связан с КГБ, а может быть, и со спецслужбами Запада.

Нет, видно, всё же власть и порядочность, совесть — “две вещи несовместные”.

Подписал вчера приказ: выплатить одному из сотрудников газеты 7,5 тысячи рублей — 1,5 процента от суммы спонсорской помощи, перечисленной газете крупным предприятием области. Он запросил два процента, я намеревался дать один. Сошлись — на полтора...

Пребываю в сомнениях: не переплатил ли? Хотя знаю — другие конторы платят в таких случаях минимум десять процентов, да и надо ведь как-то деньги зарабатывать.

Но в таком случае обесценивается высший смысл журналистского труда и его стоимость. Зачем корпеть над очерком или проблемной статьёй, когда за рекламный материал, не требующий ни ума, ни сердца, получишь втрое, впятеро, вдесятеро больше? Да и не каждый ведь может добывать эти рекламные публикации. Зато, отвечают мне, этот “не каждый” тоже кормится с рекламных денег...

Где тут истина и где золотая середина?

Природа как будто взбесилась... То жара стояла несусветная, то уже вторые сутки льёт дождь. А на селе уборка, и она застопорилась... Остановлен сенокос в пойме. Глава обладминистрации пообещал отобрать участки поймы у тех, кто их не уберёт вовремя, и передать другим хозяйствам.

13 августа

Эрих Хонеккер заявил, что не собирается в одиночку отвечать за все инкриминируемые ему действия. В случае суда он пообещал усадить на скамью подсудимых и бывших советских руководителей.

Роберт Штарк ходил на встречу “непримиримых” — представителей социалистической, социал-демократической партий, “Азата”, “Славии”, профсоюза “Бирлесу” и других организаций и движений. О результатах можно судить по заголовку: “Они встретились, они говорили... и не слышали друг друга”.

Наши ребята ездили в Железинский район и привезли мне привет от Николая Кириченко — бывшего замредактора здешней “районки”. Теперь он живёт в совхозе “Весёлая роща”, стал фермером. Посеял в этом году пшеницу, ячмень, гречиху; есть у него комбайн, два трактора... Надо будет последить за тем, как у него пойдут дела.

Оказывается, известное здание на берегу, где теперь находится онкологический диспансер (а раньше, говорят, тут размещалось облуправление КГБ), — это бывший дом купца А. И. Дерова, который он, уезжая в Москву, подарил Павлодару для организации в нём русско-казахской школы.

Интересная личность — Деров. Был очень богат, обласкан властями за свою благотворительную деятельность. А прогорел, занявшись разработкой Экибастузских угольных месторождений и создав Воскресенское горно-промышленное общество.

Узнал об этом из нашей газеты...

18 августа

Азербайджан ввёл собственную национальную валюту — манат.

Весьма знаменательное событие: Виталий Васильевич Понедельников, работник малого предприятия “Ксения”, подал иск в суд на нашу газету. Суть претензий: в прошлом году он подписался на “ЗП” на год, что равносильно заключению договора между ним и газетой, которая не вправе его нарушать. Мы же объявили переподписку, нарушив его имущественные права. В.В. Понедельников настаивает, чтобы суд обязал “ЗП” исполнить свои обязательства перед ним и доставлять ему все номера газеты до конца года без всякой переподписки.

В качестве ответчика послали Роберта Штарка, который объяснил: увеличение затрат на издание газеты, связанное с отпуском цен, произошло по независимым от газеты обстоятельствам, что даёт основание отказать в иске.

Но оказалось, что истца не устраивает также содержание газеты, а точнее — её политическое лицо...

В иске Понедельникову было отказано, но мы не стали его в газете гнобить, а отдали ему должное: в отличие многих наших оппонентов он единственный, кто решил выяснить отношения в суде.

Не знаю, что бы мы делали, признай суд переподписку незаконной.

20 августа

Вчера утром опять качались многоэтажные дома в Павлодаре: звенела посуда, покачивались люстры. Оказалось, это отголоски землетрясения в горах Тянь-Шаня, на территории Киргизии, в 320 километрах от Алма-Аты. Там тряхнуло с силой до 5-6 баллов, а в Павлодаре — до двух баллов.

22 августа

Постоянная комиссия облсовета обсуждала, можно ли обуздать галопирующие цены. Заседали почти три часа, выяснили очевидное: цены растут, в том числе из-за многочисленных посредников. Выяснили также, что никаких правовых рычагов для привлечения к ответственности посредников нет, а создание общественного мнения вокруг спекулянтов, равно как и рейды по рынкам, магазинам и подсобкам, вряд ли дадут реально ощутимый эффект.

Тем не менее решили обсудить эту проблему ещё и на сессии облсовета, как будто она может принять какие-то эффективные меры.

Был на заседании коллегии администрации. Обсуждали, каково живётся оралманам-казахам — переселенцам из Монголии. С начала прошлого года в область перебралось оттуда 923 семьи общей численностью более пяти тысяч человек. Размещены они в основном в Баянаульском, Иртышском, Майском, Краснокутском, Щербактинском, Аксуском, Лебяжинском и Железинском районах. Принимают их хорошо: власти выделяют жильё, помогают деньгами, предметами первой необходимости. Жители сёл, куда определили оралманов, делятся с ними собственной живностью. Но живётся переселенцам всё же нелегко: у большинства в Монголии было больше скота (с собой они его не везут), более-менее налаженный быт, а тут всё приходится начинать заново, да ещё в пору экономического кризиса. У некоторых нет работы, не хватает школ с казахским языком обучения для детей оралманов, у многих нет документов. Тем не менее переселенцев область будет принимать и впредь.

Ездили с Эдуардом Овчаренко и Николаем Михайловичем Гречкой за грибами. Выехали ещё затемно, я — за штурмана. Решил, что надо попромышлять в глуши — между Калиновкой и нашим “Михайловским”. В этот раз повезло: напали на настоящие белые, которые в нашем краю бывают не каждый год. Объехали десятка полтора околков, и в каждом что-нибудь да попадалось. Около меня “кормился” и Бориска Овчаренко, которому мой друг Эдуард наказал: “Держись поближе к дяде Юре — без грибов не останешься”. Что тот и делал...

Уже в конце нашей грибной охоты я отбилсь ото всех и, переходя из леска в лесок, так увлёкся, что даже подзаблудился... Как-то так выходило, что срезав один белый гриб, тут же замечал другой, шёл к нему, а дальше маячил третий... Давно я не впадал в такой азарт и, набрав последнее ведро — с верхом, нехотя пошёл к опушке (можно было ещё поискать!). Машина должна была быть километрах в полтора позади, но когда я вышел к предполагаемому месту, её там не оказалось — видимо, я в азарте грибной охоты потерял нужное направление. Чуть-чуть постоял, осмотрелся, соображая, и решил пойти по кругу, взяв за центр место, где стоял. Минут

через двадцать, уже слегка тревожась (не хватало ещё, чтобы они стали искать меня на машине), обнаружил всю нашу компанию, раскладывающую на капоте домашние припасы.

Выпили за удачную поездку, с аппетитом поели и отправились назад. Мне казалось, что ехать надо было в одну сторону, Николай Михайлович считал, что в другую. Мы с ним слегка попрепирались, и я ему, сидящему за рулём, уступил свои штурманские права: в любом случае мы должны были выехать на одну из трёх трасс, окаймлявших центр треугольника, в котором мы находились. Выехали мы в конце концов к Церковному, в самую дальнюю точку для возвращения обратно (то есть действительно отправились в противоположную сторону). Зато в Церковном жил наш с Эдуардом друг Жексен Сулейменов — главный зоотехник здешнего хозяйства. Мы у него выпили спирту, закусив его свежесваренным мясом, и уже впотьмах отправились обратно.

Домой я заявился к полуночи, и хотя был с грибами, получил изрядную взбучку от матери с Ольгой... Но это, впрочем, не испортило моего хорошего настроения.

23 августа

Воскресенье. Вчерашний день прошёл в хозяйственных хлопотах и половина сегодняшнего тоже. Ходили с Пашкой на базар. Цены: свинина — 90 рублей, говядина — 80-120, сыр (не наш — алтайский) — 144, ведро картошки (новой) — 100 рублей, помидоры (пик сезона) — 40-65 рублей килограмм, огурцы — 20-30 рублей.

Купили пять килограммов мяса (500 рублей), домой приехали на такси (24 рубля, а когда-то ездили за рубль). Зато успели к приходу остальной части семьи (Ольга с Данькой и Димкой ездили на барахолку, чтобы одеть их к школе) изжарить свежину...

М. Ф. Ненашев (бывший редактор “Советской России”, бывший председатель Гостелерадио СССР) опубликовал в “Правде” статью о Горбачёве. Пишет, как всегда, глубоко, интересно, хотя на этот раз, похоже, ничего нового не открывает. Считает, что в Горбачёве преобладают черты личности, занятой прежде всего самой собой. Этакая разновидность нарцисса... Не любил и не умел слушать других: ни в личных беседах, ни на встречах с главными редакторами, литераторами, людьми искусства. Приглашал для того, чтобы послушать их, а говорил, главным образом, сам. То же было и в Политбюро. Как будто играл всё время одну и ту же роль — положительного героя, который к тому же всегда хотел казаться лучше, чем он есть на самом деле... Преувеличенное самомнение, большое самолюбие и небольшая выдержка, неумение держать удары судьбы... А древние говорили: удачи свидетельствуют о том, что ты можешь, а неудачи — чего ты стоишь.

Хорошо говорили древние!

Вообще же портрет нарисован пусть и не оскорбительный, но не слишком привлекательный.

Академик Коптюг в другом номере “Правды”, касаясь деятельности бывшего генсека, говорит: в то время, когда мы взяли решительный курс на частную собственность, мировая интеллектуальная мысль склоняется к необходимости использовать для сохранения цивилизации именно социалистические начала.

За соучредительство в “Сарыарка Банке” перечислили 500 тысяч рублей. Столько же нам зачтут за рекламу этого банка.

Собираюсь подписать аналогичный договор и с “Кереку Банком”.

25 августа

Из сегодняшних ТВ-новостей... Обстановка в Грузии всё больше напоминает гражданскую войну. По решению Госсовета Грузии в Абхазию введены войска, которым абхазцы оказывают вооружённое сопротивление.

Командующий грузинскими войсками заявил, что если его ультиматум абхазцам — немедленно сложить оружие — не будет принят, то он оставит Абхазию без потомства — уничтожит 97 тысяч абхазских мужчин и не пожалеет для этого сто тысяч грузин.

Падает в Грузии популярность видного демократа Шеварднадзе, растёт — изгнанного президента Гамсахурдиа.

Общались “за жизнь” с Б. В. Исаевым. Он мне читал свои стихи на политические темы, делился своими тревогами: немцы уже не просто уезжают, а бегут из Казахстана, то же скоро будут делать и многие русские.

Говорил о зреющей в недрах областного руководства идее разогнать нынешнее областное телевидение... Хотя зачем его разгонять, когда оно и так скоро развалится. Один из бывших главных редакторов — В. Чалышев — полностью окунулся в коммерцию: торгует всем, что подвернётся, купил три машины (для себя, жены, дочери), “КамАЗ” (его сдаёт в аренду), купил дом в пригородном селе, который тоже сдаёт внаём, за что его, помимо прочего, снабжают свежей деревенской снедью.

Был сегодня на одном из совещаний, где обсуждалась растущая преступность. Грустное зрелище, одна аргументация чего стоит: преступниками становятся ещё в утробе матери; преступникам не должно быть никакой пощады, никаких условных сроков, никаких строек народного хозяйства для “условников”; про гуманизацию забыть, задача — упрятать весь преступный элемент как можно дальше и на сроки — побольше. И почти ни слова о том, откуда растёт сегодняшняя преступность, о её социальных и экономических корнях.

В городе всплеск квартирных краж. И в связи с этим — рекомендация прессе: запугивать павлодарцев этими самыми кражами, сообщать о них по ТВ каждый день, в газетах — в каждом номере. А параллельно рекомендовать металлические двери, как лучшее средство против квартирных краж, а то скупые горожане никак не хотят их ставить, ссылаясь на дороговизну. А напугаем как следует — будут брать и ставить!

И весь этот административный долбёж — на полном серьёзе.

Написал прошение Б. В. Исаеву — помогите редакции получить новую “Волгу”, потому что нынешняя вот-вот развалится. Он переадресовал моё письмо главе обл администрации: “убедительно прошу решить вопрос

положительно". Помощник А.А. Жабагина отреагировал на "челобитную" весьма скептически: по теперешним временам это же миллиона полтора... Так что вряд ли нам обломится новая машина...

Отличный материал Володи Бугаева, ездившего в Петропавловск-Камчатский на поиски Сергея Чеботарёва, больше года назад отправившегося оттуда на надувном плоту в Америку и спустя месяц пропавшего без следа. Один из собеседников Володи прямо сказал ему, что предпринятая девятнадцатилетним Сергеем попытка в одиночку, без надёжной двусторонней связи пересечь Тихий океан на резиновом плоту, была в значительной мере авантюрной. Сергея, после того, как он не вышел на связь, похоже, никто особенно и не искал. Об этом лишь были проинформированы службы береговой охраны России, США и Японии и корабли, находящиеся в Тихом океане. Плот Сергея никто не встретил, и вряд ли вообще теперь есть шансы обнаружить нашего путешественника живым.

В Павлодаре живут отец и мать Сергея. Каково им сегодня?

За семь месяцев этого года в области за счёт бюджетных средств не построено ни одного квадратного метра жилья, почти не строят его и предприятия. Люди уходят из строительных организаций в поисках другой работы.

Эти цифры привёл на пресс-конференции замглавы облادминистрации А. Б. Аубакиров. В целом положительно отзывавшись о программе "Жильё-91", он сказал, что она, тем не менее, полностью не выполнена. А в очереди на жильё вновь более десяти тысяч семей. Бесплатные квартиры и дома большинству из них, увы, не светят.

27 августа

Публикуем информацию к Дню кино. У нас в области 484 киноустановки, одновременно в кинотеатрах и клубах могут смотреть фильмы более 83 тысяч человек. А всего в прошлом году побывало на киносеансах почти восемь миллионов человек. То есть каждый житель области, включая глубоких стариков и грудных младенцев, побывал в кино в среднем не менее восьми раз. Впечатляет!

Чуть больше месяца назад опубликовали большой материал Ольги Григорьевой — о том, как неправильно назначенное лечение обернулось для человека шестью операциями, в том числе тремя — под общим наркозом... Материал вполне корректный, но после него на Ольгу ополчилась едва ли не вся хирургическая элита города. Мы опубликовали эмоциональный ответ главного хирурга области на Ольгину статью со своим небольшим комментарием. Ольга расстроена: нечасто встретишь такую хорошо скоординированную атаку в защиту чести мундира. Больше всего её расстроило то, что письмо против неё подписал и один из лучших специалистов-нейрохирургов, о котором недавно она написала прекрасный очерк.

29 августа

Ольга Фролова ездила в командировку в совхоз “Казынский” Лебяжинского района. Привезла любопытную деревенскую мозаику жизни. Две картинки: зарплату в совхозе выдали только за май, но перелопачивать зерно на току по очереди ходят все — учителя, работники конторы, детсада, медики, строители... За эту работу им тоже, скорее всего, не заплатят.

Половина наших подписчиков здесь оформила переподписку на “ЗП”, то есть заново заплатила за газету на второе полугодие.

В Павлодаре гастролирует врач-терапевт, 26-летний колдун Олег Кантуев: изгоняет нечистую силу, снимает сглаз и порчу, лечит энурез и ревматизм, радикулит, сахарный диабет и прочие болезни... Причём нередко таинство исцеления происходит на глазах публики, до отказа забивающей Дворец тракторостроителей: парализованные встают на ноги, а мальчик, страдающий заиканием, кричит на весь зал: “Мама, я здоров!”.

До чего же надо было довести наших людей, чтобы они во всё это поверили!

Экибастузские дачники создают товарищества по защите собственности, а по сути — отряды самообороны. Вооружившись вилами, черенками от лопат и прочими подручными средствами, обходят по ночам свои дачные участки, оберегая их от многочисленных воришек.

1 сентября

В следующем году “ЗП” исполнится 75 лет. Володя Бугаев подготовил информацию о том, какие у газеты были тиражи в прежние годы: “Объединение” (1918 г.), “Известия Павлодарского Уревкома”, “Красный Павлодар” (1920 г.), “Большевик” (1921 г.) — 2027, “Степной пахарь” (1922 г.) — 2150, “Советская деревня” (1929 г.), “Колхозный путь” (1930 г.) — 10000, “Большевистский путь” (1938 г.) — 14020, “Павлодарская правда” (1953 г.) — 34800, “Звезда Прииртышья” (1966 г.) — 42500. В 1978 году “ЗП” выходила тиражом 105 тысяч экземпляров, в 1978 — 142854, в 1990 — 153280.

Сегодняшний номер отпечатан тиражом 89539 экземпляров. Не так уж мало по нынешним временам!

Почти сенсация! Американцы хотят покупать наш уголь. Точнее — майкубенский. Пока — 50 тысяч тонн по 30 долларов за тонну. Если сделка состоится в оговорённые сроки (а экибастузцы должны “перебросить” весь заказанный уголь за месяц через порты на Чёрном море), то речь пойдёт о покупке ещё 100 тысяч тонн майкубенского угля.

3 сентября

Президент аграрной биржи “Акбидай” М. Х. Валиев объясняет в нашей газете — почему задерживается поставка сахара, за который предприятия и организации области заплатили миллионы рублей. Оказывается, деньги очень долго шли в Москву, а за это время резко подскочил курс доллара, и покупка сахара за валюту стала невозможной. Стали искать “рублёвый” вариант, не без труда нашли, и пять тысяч тонн сахара поступит в область к 25 сентября. Продавать его будут по 60 рублей за килограмм.

5 сентября

Представитель областного комитета по земельным отношениям и землеустройству А. И. Кошевой привёл в интервью “ЗП” цифры: в распоряжении всех наших фермерских хозяйств 109 тысяч гектаров земли, в том числе 43 тысячи — пашни. Это по сути одно крупное хозяйство, такое примерно, как нынешний совхоз “Суворовский”. Так что говорить о сколько-нибудь существенном вкладе фермеров в сельскую экономику преждевременно. Фермеры сегодня — скорее, экзотика. Республиканское начальство, к примеру, возят к П. И. Леонтьеву в “Зарю”. Он, конечно, человек яркий и себя умеет показать, но последователей у него в области — единицы. А таких, как он, нет вообще.

Экибастузец Владимир Карлич — чемпион Казахстана по настольному теннису среди инвалидов — побывал на чемпионате мира в Англии. Победителем и призёром не стал, зато увидел как относятся к таким, как он, в “стране победившего капитала”. Инвалиды там не изгой общества, а люди, которые могут жить нормальной жизнью — самостоятельно передвигаться, посещать магазины и рестораны, заниматься спортом...

Включил в минувшую субботу коммерческий канал, по которому “крутят” песни за деньги в качестве подарка родным и любимым. Некто, пожелавший остаться неизвестным, заказал (и, само собой, оплатил) для своей возлюбленной сразу пятнадцать песен. Только их в этот вечер и “гоняли”, но так и не смогли полностью выполнить “заказ” — часть перенесли на следующий день.

Вот это любовь! Или всё-таки дурь?

Опубликовал в газете новеллу — о том, как мы в детстве ходили с бабушкой за грибами. Это отрывок из документального очерка о ней. По моему, неплохая получилась вещь. И весьма кстати — грибов в эту осень, как у нас говаривали, — хоть косой коси...

8 сентября

Нынешние обильные дожди принесли ещё одну напасть: осенний паводок на Иртыше. Энергетики вынужденно сбрасывают воду из переполняющегося Шульбинского водохранилища, и эта волна идёт вниз по реке, заполняя часть поймы. Для области это настоящее стихийное бедствие — под затопление попадают самые низкие участки, где остаются стога сена. Обычно их вывозят к фермам зимой, что будет в этом году сделать весьма проблематично.

Историк и автор нашей газеты М. Тереник отвечает на недавнюю статью другого нашего автора Б. Хазырова — о том, что предшественницей “ЗП” следует считать не большевистское “Объединение”, а первую павлодарскую газету “Свободная степь”. Тереник решительно несогласна с Хазыровым, и вот почему: “Свободная степь”, провозгласившая себя социалистической и демократической, стоящей на защите интересов революции, на самом деле очень скоро превратилась в рупор эсеров и мелкой буржуазии...

Она всячески восхваляла Временное правительство, а после его свержения отводила свои страницы для злобных пасквилей, направленных против Советской власти. Эти причины побудили делегатов первого съезда рабочих, крестьянских и казачьих депутатов принять решение о закрытии газеты и конфискации имущества редакции и типографии.

И далее М. Тереник пишет: общеизвестно, что главным критерием, дающим право на преемственность, являются не хронологические принципы, а дух, направление того или иного печатного органа; исходя из этого принципа, газета “Свободная степь”, основанная партией кадетов, называвшей себя партией “народной свободы”, не может считаться предшественницей первой советской газеты “Объединение” — органа Совета рабочих, солдатских, крестьянских, киргизских и казачьих депутатов, с которой “Звезда Прииртышья” более 70 лет ведёт свои исчисление.

Меня самого волнует даже не столько этот идеологически-мировоззренческий спор (хотя и он интересен), сколько повторение истории. В первых числах ноября 1917 года в Павлодаре были народные волнения, отправной точкой для которых стало новое повышение цен на сахар! “Свободная степь” назвала их “бабьим бунтом”. После чего представитель Временного правительства ввёл в городе военное положение. Бунтовщиков судили, они получили разные сроки наказания.

Можно ли сегодня представить себе что-нибудь подобное после повышения цен, растущих не по дням, а по часам? Впрочем, судебные процессы над “подстрекателями”, “крикунами” и тому подобными несогласными вполне возможны. А вот народные волнения — вряд ли. Уж слишком хорошо нас “учили” последние 75 лет...

10 сентября

Людмила Симутина из Экибастуза стала чемпионкой мира среди клубов самбо в весовой категории до 45 килограммов. Теперь она — мастер спорта международного класса. Ей всего 20 лет, ребёнку нет ещё и года; и когда Людмила уезжала на соревнования, с ним остался муж.

Сегодня в “ЗП” вышел материал о ней, и я не перестаю удивляться: сколько же много вокруг нас талантливых людей!

Решением Кабинета министров Казахстана отпущены цены на экибастузский уголь. Новые цены, пишет Булат Ахметов, ещё не объявлены, предположительно — около 700 рублей за тонну.

В Павлодаре побывали представители израильской компании “Айзенберг”. Собираются наладить у нас капельное орошение — гораздо более экономное и эффективное, чем наше. Здесь же, в Павлодаре, предполагается выпускать оборудование для этого проекта.

Союз журналистов Казахстана распространил слёзное обращение к главам администраций всех уровней, руководителям предприятий всех форм собственности с просьбой помочь газетам и журналам с подпиской. Мы тоже его напечатали — может, и нам что-нибудь обломится.

Продолжение следует.

Сауле БЕККУЛОВА,
кандидат искусствоведения

Песнь Любви

*“... Ибо Главное ведь Человек
в его человеческой сути;
Главное — взор распахать
на бескрайность глубинных морей!”*

Сен-Жон Перс

Давно не знала публика, собравшаяся на вернисаж, такого бурного оживления и накала страстей. Под гулками высокими сводами музея искусств имени Кастеева собрались алмаатинцы всех поколений, чтобы почтить память знаменитого и единственного в своём роде художника, создавшего своей живописью новую формулу Искусства, формулу Любви. Отечество, как первая любовь, — прежде всего. И Мать, и Отец, и Мать-Земля, и Женщина, и дети — всё воплотил в себе и созданиях своих человек, имя которого с трепетом, почтением, страстью и нежностью произносили и мэтры искусства, и новички. Признанием в любви были проникнуты слова Еркина Мергенова, манифестом — Абдрашита Сыдыханова, благодарностью и теплотой — искусствоведа Гуль-Чары Сарыкуловой, волнением — архитектора Тимура Сулейменова, благодарностью — супруги художника Ляззат. Всех охвативший радостный подъём духа точно выразил ту атмосферу праздника жизни, что создавал в своём творчестве и окружении виновник торжества. Время воздало должное художнику, пришедшему к нам, в этот несовершенный и хрупкий мир с великой миссией. В чём же она?

Идея обустройства мира для Человека, мира нового, светлого, доброго, во все времена была главной для Художника. Этим новым миром для Салихэтдина Айтбаева был — и есть! — Казахстан, возрождённый свободным и духовно и нравственно, ведущий детей своих в грядущее гордыми и счастливыми.

Именно такими и воплотил Айтбаев казахов в каждом из многочисленных полотен: открытыми, доверчивыми, сильными, исполненными достоинства и мощной душевной чистоты.

Время творчества Салихэтдина Айтбаева — 1960-80-е годы XX века — стало пиком бурных перемен в обществе, готовом и ждущем этих перемен. Советский “соцреализм” всего предшествующего периода вдруг дрогнул под натиском новых форм, течений, стилей. И отнюдь не западная пропаганда тому виной. Вся история искусств являет собой чёткую систему эволюции в развитии любого творчества. Кризис школы реализма был закономерен на тот период во всём пространстве советского государства. Волна активного интереса к импрессионизму, постимпрессионизму и всем прочим “измам” рубежа XIX-XX веков была закономерно обусловлена во второй половине XX века самой жизнью. Её катаклизмами, социально-политическими и экономическими потрясениями как в Европе, так и в Азии. Взрыв национального

самосознания, волной прокатившийся по всему земному шару, не мог “обойти” наш огромный материк. И Евразия содрогнулась от обилия неистовых голосов всех народов в защиту своих отечеств, своей культуры, своих народов в лице научной и творческой интеллигенции, её самых одарённых и ярких представителей: музыкантов, художников, поэтов, писателей, кинодеятелей, театральных режиссёров, актёров, научной элиты Страны Советов.

Рвущий сердце призыв к справедливости, честности, отказ от конформизма выразился в блистательных произведениях современников. Их назовут — по времени — “шестидесятниками”. Олжас Сулейменов, Ануар Алимжанов, Мажит Бегалин, Аскар Сулейменов, Тулеген Досмагамбетов, Санжар Жандосов, Макум Кисамединов, Шаймардан Сариев, Вагиф Рахманов, Еркен Мергенов, Токболат Тогысбаев... Их много больше, казахстанцев и их единомышленников по всему Союзу. К этому племени принадлежат Никита Михалков и Карен Шахназаров, Андрей Битов и Сергей Довлатов, Кира Муратова и Олег Табаков, Минас Аветисян и Виктор Попков... Наш великий современник, близко знавший и любивший землю казахов Чингиз Айтматов. Он мыслил глобально, но как никто знал и знакомил мир с землёй предков своих, Казахстаном и Кыргызстаном.

Когорту живописцев, видящих своё предназначение в служении родной земле — древней, свободной, прекрасной — земле Казахстана, возглавил Салихэтдин Айтбаев. Именно мастера живописи громко заявили о себе и своём народе на знаменитой всесоюзной выставке в Москве (1976) среди звучных имён коллег из всех других республик. Программным полотном всей экспозиции стало “Счастье” С. Айтбаева. С этим согласились и мэтры искусства, и теоретики, и зрители, создавшие в здании Манежа атмосферу восхищения и постоянного — в течение месяца! — аншлага. Буря отзывов во всех видах СМИ прокатилась по стране. И в течение десяти лет не стихала. Следом пришло поколение другое. Вместо бунтарей и поклонников сочного, звонкого, пастозного письма с крупными, плотными пятнами цвета — светоносного, открытого, мощного, пришли “интеллектуалы” 1970-80-х годов с их точно выверенной, фотографически “проработанной” пластикой форм и лессированной живописью, тяготеющей то к “старым мастерам”, то к “фотореализму”, то к клубочному письму. И это всё ныне — живая история искусств и культуры Казахстана.

Главная цель и миссия плеяды живописцев, ведомых Салихэтдином Айтбаевым, — возрождение национальной культуры — стала ясна с первого взгляда. Отнюдь не безоблачно складывалась его судьба, как и его единомышленников. И как отражение — смена радужных открытых цветов солнца — охра, зелень, ультрамарин, алый, оранжевый (“Счастье”, 1966, “Молодые казахи”, 1967, “Собрание бригады”, 1972), на холодную, пронзительную гамму синих, серых, голубых (“Портрет Ануара Алимжанова”, 1970, “Мать”, 1982, “Портрет киноведа”). Чёрно-белое пространство каждого графического листа

“Двое”. 1980. Линогравюра.

С. Айтбаева поражает концентрацией спонтанной энергии и чётко выверенного, аналитически стройного композиционного решения. Это — и в ранних работах книжной иллюстрации к произведениям казахских писателей, и в станковых листах линогравюры зрелого и последующего периодов. Интересный и страстный собеседник автора, художник воплощает в каждом листе эстампа свою идею единства Человека и Мира, беря за основу великое проявление Любви (“Двое”, 1980, “Семья”, 1980, “Аргмаки”, “Воитель”, “Глиняная книга”, “Год Мыши из книги Олжаса Сулейменова “Атамекен”, 1977).

Мир — в единстве Человека и Природы, в проникновенном, благодарном отношении к корням своим, к эху дальних веков священной Земли-Матери — всё это песней Любви к Жизни пронизано всё творчество Салихэтдина Айтбаева.

В жизни, в быту он был застенчив и неловок, больше молчал. И всё замечал, неспешно возникая и ни с кем не сближаясь. Именно потому его ровесники имели повод для насмешек — завидный жених, известный художник, а всё одинок. А он искал и ждал появления той единственной, что воплотит его идеал казашки “от земли”, владеющей знанием европейской культуры. Ведь именно в ней искал аналогов с родиной наш мастер, блестяще освоив знания о музыкальной, театральной, художественной культуре молодой соперницы — Европы. Как говорил Олжас, сравнивая с Азией, некогда бывшей ослепительной юной красавицей. Салихэтдин, коего все друзья звали Калжан, поклонялся Сезанну, но своя палитра раннего творчества была вполне самодостаточна. Можно в ней находить аналоги и с французами, и с мексиканцами, и с арийцами. Хотя язык его письма ни с кем не сравним и узнаваем с первого взгляда. Секрет сего впечатления, полагаю, в той всепроникающей убедительности Силы и Красоты, что исходит от подлинного творения народного мастера. А он таким и был. И остаётся с нами.

Родился Салихэтдин Айтбаев в г. Кызылорде в 1938 г. Окончив в столице республики художественное училище им. Гоголя (1961), остался в Алма-Ате, был принят в Союз художников. Вскоре о нём заговорили как о неординарном, “странном” художнике. Выставки тех лет встречались вовсе не столь благодушно, как ныне. Новое искусство, создаваемое Салихэтидином и его друзьями-коллегами, контрастно разнилось с привычным, милым сердцу и глазу зрителя. Пристально и пристрасно вглядываясь в истоки собственного народа, в глубь времён, ища в них подтверждение своим догадкам и убеждению в величии родной забытой истории, угадывая сердцем немислимой красоты и духовности начала начал родного народа, родной земли, он своё откровение излил в “Счастье”. И мерой непохожести на все другие — неприглаженное, в огромных, залитых одним сияющим цветом, золотым цветом степи, солнца, счастья — полотно приковывало к себе глаза и сердца сотен и тысяч зрителей-первооткрывателей. Он, Она, соединение рук, открытый взгляд — прямо в наши глаза — и сияющая светом первозданная в своей чистоте и древности земля, бережно несущая детей своих на ладони степи. Что ближе и дороже сердцу любящего казаха? А меж тем не о казахах только сия Песнь Любви.

**“Семья”. 1980.
Литография.**

Сам Его Величество Человек предстаёт в гармонии со всем сущим на этом полотне Салихэтдина. Может быть, именно поэтому квинтэссенцией всего лучшего в искусстве первооткрывателей национальной культуры 1960-х стало именно это полотно нашего соотечественника, утверждавшего смысл бытия в столь простой истине — счастье. Простой казахский аул — родина художника — дал жизнь и духовное осмысление всей творческой судьбе Салихэтдина.

Он любил открытый цвет — степи, неба, воды. Любил красивые лица, исполненные благородства, мужества, нежности. Тянулся именно к таким людям. Но всему предпочитал одиночество в кругу своих картин. Потому в мастерской его всё пространство было заставлено полотнами, мольбертами, подрамниками, чистыми холстами. А в центре, на специальном подиуме, сколоченном из досок, была кошма, где в любое время суток мог быть принят за дастарханом собрат по творчеству. И сюда приходили единомышленники со своими открытиями, тайнами и откровениями. Тогда, случалось, звучала домбра или пел Карузо, Паваротти, звучала “Волшебная флейта” Моцарта или квинтет играл музыку Комитаса... Конечно, это были магнитофонные записи. И праздник души, порой сопровождаемый возлияниями, длился долго, вдохновенно, за полночь. А утром изумлённая соседка по мастерской, художница старшего поколения Эмилия Наумовна Бабад, мастер натюрморта, видела Салихэтдина, несущего огромный, ещё влажный холст по коридору. “Как вы думаете, до выставкома высохнет?” — вопрошал он рассеянно. А она восхищённо отвечала: “А как же! Ну какой нахал, а? За ночь — такую махину, и ведь красиво, что скажешь?!”.

Соотечественники отнюдь не вдруг и не сразу приняли взгляд на мир и собственное отношение к нему необычного, нового художника. Плечом к плечу с ним работали Токболат Тогызбаев, Шаймерден Сариев, Адиль Рахманов, Макум Кисамединов, Исатай Исабаев, Себастьян Киракозов, Марлен Темиргалиев, Бахтияр Табиев, Ескен Сергебаев, Тулеген Досмагамбетов. И среди тех, кто запечатлел его в своём творчестве — художник старшего поколения, не менее страстно влюблённый в своё Отечество, послуживший ему в Отечественную войну в военно-морском флоте, а позднее воплотил в своём неукротимо-бурном живописном творчестве — искусствовед и художник Нагим-Бек Нурмухаммедов. Горячая, в пылающих аккордах ультрамарина и киновари, палитра передаёт темперамент творца и вместе с тем живописует характер сдержанный и вдумчиво-серьёзный. Скрестив руки на коленях, нога за ногу, сидит наш художник с характерно опущенной головой и расслабленной линией плеч, мягко и вместе с тем собранно, точно барс перед прыжком. Таким его видит и передаёт мэтр, первым опубликовавший свои суждения о нём в московской, всесоюзной и местной печати. Он защитил своим весом и авторитетом начинающего мастера. И не ошибся, как обычно.

А из ровесников близко дружили с Калжаном монументалист Себастьян Киракозов и скульптор Ескен Сергебаев. Общность интересов, широкий кругозор, тонкое, глубокое чувство времени и пространства, пантеистическое видение природной красоты в Человеке и Человека в стихии природы — всё объединяло, сближало, роднило. Недаром их лозунгом стало: “Главное — Дух! Потом — всё остальное”. И следствием этих отношений стало портретное изображение С. Айтбаева в скульптурной композиции из гальваники и мрамора Ескена Сергебаева. Он увидел в друге то, что словами не отразишь, это не принято у восточных мужчин. Впервые увиденная, при живом Калжане, эта работа поразила. И тогда я написала о ней. Приведу без сокращений. “В композиции “Художник Салихэтдин Айтбаев” (1977 г.) пространственно-пластическое содержание настолько активно, что по существу определяет внутреннюю сущность образа. Создаётся

представление о глубочайшей сосредоточенности, духовной кульминации. Художник запечатлён в момент рождения замысла. Безошибочно угадана и передана гармоничная размеренность небольшой фигуры модели живописца и атрибутов его работы — станка с палитрой и холста. В сдержанной строгости угадывается драматизм ситуации, когда весь мир вокруг — непокорная, таинственная и могучая субстанция, скорее угадываемая, чем ощущаемая, скорее музыка, чем цвет. Поразительно точно уловлены движение, жест художника, стоящего перед мольбертом. И эта композиция с разбивкой пространства на две плоскости, в которой противостоят, но слиты воедино Художник и его творение, обязывает к конкретности образного решения. Характер модели прочитывается с первого взгляда, её эмоциональное содержание — в лице, движении Айтбаева, известного казахстанского живописца, друга и коллеги Сергебаева. К слову сказать, абсолютная профессиональная точность жеста, подмеченного скульптором, выдаёт самого автора как зоркого и талантливого художника, сопереживающего в сложной стихии творчества”.

Работу свою, призвание Салихэтдин воспринимал как единственный способ и образ жизни. Наверное, это качество его созданий, их существа, и даёт им тот невероятный по силе и обаянию магнит притяжения, что не поддаётся коррозии Времени.

Вспомним последний портрет, автопортрет Рембрандта. Великому старцу, Отцу мировой живописи Салихэтдин отдавал дань почтения всегда. На переднем плане, стоя у своего мольберта, из сумрака, позлащённого скупым лучом, улыбается нам, лукаво подмигивая, глубокий старик. Согбенный, сморщенный, в нелепом скошенном набок берете, он смотрит в глаза нам — и Вечности. А рядом, едва виднеясь на краю холста, мерцающая в коричневой мгле, в холодном величии, всевластный, высокомерный, огромный, застыл в мужском обличье лик Времени — Хронос, бог, перед мощью которого все падают ниц. А Художник, ничуть не испуганный, глядит на нас, на своё Грядущее и улыбается. Всем существом своим утверждая: Время, всемогущее Время не властно над тобой. Если ты — Художник.

Салихэтдин эту истину знал и глубоко верил в неё, предчувствуя великие перемены на земле отцов. И сегодня мы, принимая как праздник дату его 70-летия, понимаем, чувствуем, видим: из века XX в век XXI и третье тысячелетие шагнул к нам столь знаемый, близкий и родной человек, подлинный сын земли казахской и её певец, Салихэтдин Айтбаев. Мир его картин вошёл в наш подлинный, сегодняшний, увенчав поэзией тонкого, мудрого Востока, словами Омара Хайяма:

“Из мира я печаль
изгнал бы навсегда,
Чтоб Радость головой
до неба доставала!”.

**Е. Сергебаев. “Художник Салихэтдин Айтбаев”.
1977 г. Гальваника, мрамор.**

Владимир ШЕСТЕРИКОВ

Из цикла “Приишимские хроники”

Первопроходцы здравоохранения

Первые медицинские работники появились на территории современной Северо-Казахстанской области с началом сооружения линии военных укреплений вдоль цепочки горько-солёных озёр, получившей название Горькой, — в 1752 году и её крепостей святого Петра, Пресновской и других. А в 1798 году был развёрнут первый полковой лазарет на 60 мест в крепости св. Петра, альма-матер нынешнего Петропавловска.

Когда в 1763 году в Омске был создан штаб Сибирских пограничных линий, то для управления медицинским обслуживанием войск при штабе были учреждены должности дивизионного доктора линии и штаб-лекаря.

Наглядное представление о санитарном состоянии казачьих войск даёт работа Ф. Усова “Статистическое описание Сибирского казачьего войска”. Он отмечал высокую заболеваемость и смертность населения. Более двух третей умерших не имели возможности за время болезни получить медицинскую помощь. Главными причинами смерти были инфекционные болезни: дизентерия, перемежающиеся лихорадки, оспа, малярия (на Иртышской и Горькой линиях она поражала поголовно всё население).

В связи с образованием в 1822 году Омской области, куда входил Петропавловский округ, устанавливалась должность окружного врача, а в Омске и Петропавловске — дополнительно должности врачей. Должность окружного врача в Петропавловске занимал Г. М. Медиокритский, а городского с 1834 года — лекарь К. А. Барсов.

В 1837 году во всех округах были введены должности повивальных бабок, но эти вакансии долго оставались незанятыми. В Петропавловске в 1825 году должность повивальной бабки получила Х. Тиц, а в сороковых годах её сменила М. Герасимова.

В 20-х годах XIX века во всех укреплениях начали строить типовые двухэтажные здания лазаретов. В Петропавловске строительство лазарета завершилось в 1828 году. Здесь стоял третий линейный Сибирский батальон. Более 16 лет в этом лазарете служил и умер на посту (1833-1849 гг.) штаб-лекарь Тиле, прибывший сюда по окончании Казанского университета.

В 1854 г. на всей огромной территории Северного Казахстана не было ни одной гражданской больницы. Так, когда в 1858 г. выпускник Казанского университета перевёлся в Петропавловск на должность городского врача, в городе не было ни городской больницы, ни аптеки.

Всего вместе с чинами военного ведомства в городе проживали около 10 тысяч жителей. Действовало пять выстроенных на камне мусульманских мечетей и христианских церквей, более десятка питейных заведений. Но единственная гражданская школа для мальчиков, и то начальная, ютилась в небольшом деревянном здании, разваливающемся от ветхости. На улицах — грязь и страшное зловоние.

Только в 1860 г. на пожертвования одного местного купца удалось начать строительство городской больницы. Стараниями артели каменщиков и плотников здание было возведено, и приём больных начался в 1864 г. Прозабав на частные пожертвования, больница просуществовала менее 10 лет.

После образования Акмолинской области, поделённой на пять уездов, среди которых были Омский, Петропавловский и т. д., на её территории работали лишь восемь врачей гражданского ведомства, 22 фельдшера и восемь повивальных бабок. В среднем на одного врача приходилось около 60 тысяч человек, а территория обслуживания составляла 47920 кв. вёрст. Неслучайно санитарное состояние было неблагополучным. В уездах свирепствовали оспа, корь, сифилис.

Насколько трудна была работа уездных врачей, можно видеть на примере Петропавловского уезда, где с 1869 по 1889 гг. работал П. А. Кабанов. Территория уезда занимала свыше 30 тыс. кв. км.

Первым местным фельдшером в Петропавловском уезде стал выпускник Омской фельдшерской школы Ибрай Садржанов. Лишь в 1882 г. открыта больница на 10 коек.

В связи с острой нехваткой медицинского персонала в гражданском ведомстве к работе допускались лица с медицинским образованием, находившиеся в ссылке. В годы эпидемий их активно привлекала на работу администрация.

Среди врачей дореволюционного Казахстана видное место занимал народолюбец Цезарь Александрович Белиловский, уроженец Полтавской губернии. Учился в Дерптском, Лейпцигском и Венском университетах, при Йенском университете выдержал экзамен на звание доктора медицины. Изучал философию, сравнительное языкознание славянских и романских языков. Будучи сосланным в Петропавловск (1885-1892 гг.), очень быстро получил признание и популярность. Уже через два месяца в “Народнической Сибирской газете” отмечалось, что благодаря усилиям назначенного врача, запущенная при прежних врачах больница “приняла прекрасный вид, положение и пища больных улучшились, дезинфекция палат проводится аккуратно и тщательно, выписаны хирургические инструменты. Дополнительно выполняет функции врача Петропавловского пятиклассного городского училища, проводит уроки популярной медицины”.

В библиотеке Томского университета сохранилась и книга Ц. А. Белиловского “Медико-статистический и санитарный очерк города Петропавловска”. Книга состоит из четырёх глав и перечня важнейших хирургических операций, сделанных автором в 1886 г. Описана картина города: топография, промышленные предприятия, санитарное состояние, быт.

В те годы город располагался на горе и состоял из солдатской и татарской слобод. Подгорную часть занимала казачья станица и Кочу чур. В последнем жила беднейшая часть населения — русские, казахи, татары.

Город был очень грязным, особенно казачья станица. Белиловский так писал о ней: “Эта часть есть не только наигрязнейший уголок всего

города Петропавловска, но, мне кажется, и всего земного шара. Вы здесь ходите, а в ненастье бродите по топкой навозной почве. Кроме навоза, на улицу выбрасываются все отходы, помои. Весной и осенью вы с отчаянием пробираетесь на тележке к какому-нибудь больному. Въезжаете во дворик и не знаете, куда ногой ступить: какие бы ни были глубокие калоши, вы непременно очутитесь по колено в какой-то густой бурой навозной грязи. Вы ступаете ногой, кажись, на твёрдое место, а нога тонет и оставляет после себя яму, полную тёмно-бурой вонючей жидкости. По многим улицам и переулкам, находящимися в соседстве с р. Ишим, по улице, направляющей с горы и вдоль мечети, затем через площадь, мимо церкви, дальше вплоть до выезда за город, и по многим другим улицам и переулкам подгорной части весной и осенью невозможно ни пройти, ни даже проехать — сплошные навозные болота, сплошная вонючая каша!”.

Страшную картину быта бедного народа наглядно дают следующие строки:

“Согнувшись в дугу, вы отворяете приземистую дверь и вступаете в избушку где-либо в солдатской слободе или видите перед собой серые стены, а на нарах копошатся, точно в Дантовом аду, грешники. Почти обнажённые дети, тут и взрослые, и малые, и дряхлые старики кряхтят, и грудные младенцы пищат; главная работница больна горячкой; зная что если пропишете хинин, эти голодные и холодные его всё равно не купят, вы ничего не прописываете, скорее вырываясь из смрадной душной ямы, точно из шахты, на свет божий. О гигиенической санитарной обстановке нечего и говорить: она здесь у всех — у крестьян, солдат, мещан и казаков одинакова: вечный угар, грязная кадь, в которой держится вода для питья, грязь и лохань с помоями в избе, грязь и навоз во дворе; сифилис, пьянство, ни малейшего ухода за детьми; побои, иногда очень тяжёлые и т. п. — все факторы, уносящие за собой в могилу массу жертв”.

В самый разгар холерной эпидемии 1892 г. Белиловский, будучи уездным и городским врачом, принимает срочные меры борьбы с ней (уездный врач Черкасов был болен сыпным тифом).

В конце 1892 г. Белиловский выехал из Петропавловска в Санкт-Петербург и приступил к обязанностям врача Петербургского губернского правления, но продолжает активно освещать вопросы, связанные с народностями Сибири и Казахстана. В 1894 г. опубликована работа Ц. А. Белиловского об обычаях и обрядах при родах инородческих женщин в Сибири и Казахстане в журнале “Живая старина”. В том же году выходит его книга “Женщины инородцев Сибири. Медико-этнографический очерк”.

В 1895 году Белиловский успешно защищает при Военной медицинской академии диссертацию на тему: “К вопросу об антропологическом типе преступника”.

Жизнь и научные труды Ц. А. Белиловского — важная страница истории медицины Северного Казахстана.

В начале 90-х годов 19-го века по железной дороге в северные районы Казахстана распространилась холера. В борьбе с ней многие медицинские работники проявили высокие нравственные и профессиональные качества. Открывались пункты медицинского освидетельствования прибывающих, холерные больницы, создавались медицинские отряды для борьбы с холерой, создавались отряды Красного Креста из казённых сестёр милосердия. В Петропавловске особо отмечают врача Б. М. Мариупольского.

Он окончил медицинский факультет Казанского университета и был призван на военную службу. Позже с женой Е. Лобановской переехал в Петропавловск, где работал городским врачом. Голод и холера 1891-1892 гг. с первых же дней его деятельности потребовали особой отдачи, самоотверженности в труде. Рискуя жизнью, не жалея здоровья и времени, боролся Мариупольский с холерой. Врачей не хватало, и летом 1892 г. его направили в Акмолинск, где эпидемия холеры была ещё более опасной. По возвращении оттуда он сам заболел брюшным тифом, но, к счастью, всё закончилось его выздоровлением.

За работу в период борьбы с холерой Б. М. Мариупольскому объявлена благодарность.

Врачами-современниками неоднократно отмечались большое усердие в работе фельдшеров и оспопрививателей-казахов.

В борьбе с голодом, тифом, цингой в 1891-1893 гг. были отмечены в Петропавловском уезде фельдшера Касен Кикибаев, Ибрай Сарджанов, Нурпеис Баранбаев. Последний широко использовал кумыс, как одно из лекарственных средств в борьбе с цингой среди переселенцев в Явленской волости (ныне Есильский район).

В первые годы советской власти проблемы здравоохранения были по-прежнему острыми. О том, что представляли собой уезды в те годы, можно судить по материалам обследования Петропавловского уезда в 1923-1925 гг.

Из осмотренных санитарным врачом 60 селений удовлетворительными оказались лишь 11. Из 38 школ — 2, из 3 маслобоек — ни одной. Из 27 кооперативных квартир — 3, из 60 колодцев — 4, из 20 озёр — 5. Почти все населённые пункты были завалены навозом, большинство из них не имели отхожих мест, помещения низкие, чрезвычайно грязные.

И хотя органам здравоохранения в результате проведённой работы по борьбе с эпидемиями удалось снизить заболеваемость оспой, брюшным тифом, дизентерией, ликвидировать холеру, всё ещё высоким оставался рост социально-бытовых болезней — туберкулёза, венерических.

Однако принимаемые из года в год меры по улучшению санитарно-медицинского обслуживания, дальнейшее развитие здравоохранения, рост сети медицинских учреждений, улучшение социально-экономических условий жизни трудящихся, борьба с нищетой и неграмотностью способствовали ликвидации опасных эпидемий, снижению роста заболеваний.

А основателем первой сельской больницы на севере Казахстана стал организатор здравоохранения, заведующий тубдиспансером и малярной станцией, Герой Труда Алексей Иванович Мухин.

Родился 4 октября 1871 года в Костроме в семье конторщика, служившего у известного в России фабриканта и мецената Саввы Морозова. Случилось так, что Савва Морозов обратил внимание на подростка, отличавшегося жадной познания окружающего мира, и покровительствовал ему в этом.

И Алексей Мухин не подвёл своего покровителя, закончив с золотой медалью гимназию и затем Московский университет.

В начале 1898 года он выбирает местом службы далёкое село Явленку в Петропавловском уезде Акмолинской области.

Врач 4-го участка Петропавловского уезда — так называлась первая должность Мухина. Благодаря его стараниям и усилиям в 1901 году в Явленке открылась первая сельская больница на севере Казахстана.

Летом 1903 года семья Мухиных переезжает в Петропавловск, в котором в то время проживали 30 тыс. человек, а обслуживала население одна больница на 10 коек. И он ходатайствует перед городской думой о выделении средств на строительство новой больницы, которое началось в 1905 году и продолжалось три года. Всё это время Мухин был и архитектором, и прорабом, и снабженцем. В 1908 году к приёму больных был готов новый больничный комплекс из семи корпусов с четырьмя отделениями: терапевтическим, хирургическим, инфекционным, родильным и рентгенкабинетом. Отвечая требованиям своего времени, он являлся лучшим в области.

Кроме врачебной практики, Мухин вёл большую научную работу, состоял членом Омского медицинского общества и был удостоен приглашения участвовать в конгрессе хирургов в Париже. К сожалению, поездка не состоялась из-за отсутствия средств.

Заслуги врача перед городом были отмечены правительством: к 300-летию Дома Романовых ему пожаловано звание дворянина.

После революции, в годы гражданской войны Алексея Ивановича призвали на службу в военно-санитарный подотдел губисполкома, в ведении которого находились госпитали, где лечились бойцы Красной Армии.

После демобилизации, в связи с тем, что из-за болезни он уже не мог продолжать работать хирургом, Мухин соглашается на только что введённую должность санитарного врача. И активно борется со свирепствовавшими в то время эпидемиями тифа и холеры, с оспой, малярией, трахомой.

В 1925 году, когда впервые в республике широко отмечались успехи советского здравоохранения, А.И. Мухин в числе лучших одиннадцати врачей Акмолинской губернии отмечен званием Героя Труда. В это время он одновременно заведовал туберкулёзным диспансером на 25 коек и первой на севере Казахстана малярийной станцией.

В конце 1925 года из обычного ритма работы Мухина выбила малярия, а вскоре её лечение осложнилось тяжёлой формой туберкулёза. Такой нагрузки его и без того больное сердце не выдержало: он умер 18 мая 1926 года на 56-м году жизни.

“Акмолинская губерния потеряла лучшего врача, основателя Явленской больницы, строителя и организатора больницы города Петропавловска, — писала газета “Мир труда”, — умер доктор Мухин, стоя на страже охраны человеческого здоровья, спасая многих от злостных инфекций. Вооружённый знаниями, он помогал всем, чем только мог...”.

Первая советская больница (она так и называлась!) в городе Петропавловске, состоявшая из старых бревенчатых и новых современных корпусов, расположенных в большом саду со столетними деревьями, где так легко и привольно дышалось прогуливающимся по его тенистым аллеям больным, была настоящим памятником отечественного здравоохранения. И кто бы мог подумать, что на неё положат глаз во времена “прихватизации”.

Уникальную и единственную такого типа больницу на севере Казахстана упразднили, что сразу же остро почувствовали горожане, многие корпуса и деревья снесли, а на том месте, которое они занимали,

были воздвигнуты в живописнейшем месте частные коттеджи с высокими заборами.

Но бескорыстное служение народу первопроходцев здравоохранения, повседневная забота об общественном благе, работа на пределе своих возможностей, характерная для земских врачей, навсегда останется в памяти людской и всегда будет примером милосердия, долга и чести для будущих поколений.

А что касается тех, кто смеет поднимать руку на народное достояние, хорошо сказано в известных поэтических строках:

*“А вы на земле проживёте,
Как черви слепые живут.
Ни сказок о вас не расскажут,
Ни песен о вас не споют”.*

Тысяча и одна операция доктора Хамзина

Помнится, довелось как-то прочесть о таинственных хилерах, которые каким-то непостижимым образом запускали пальцы в больной орган больного, вырывали опухоль, ткани смыкались, и операция на этом заканчивалась. И ни крови тебе, ни швов.

Но мировая сенсация, которую подхватили падкие на подобные новости газеты, вскоре забылась. Сейчас о ней, где желаемое выдавалось за действительное, никто даже не вспоминает.

А вот то, что медицина уверенной поступью двинулась вперёд, не подлежит никакому сомнению.

Павлодарский хирург Леонид Березуцкий, с кем в позапрошлом году мне довелось разговаривать, традиционный метод с большим разрезом мышечной ткани, со всеми соответственно возникающими проблемами — с медленным заживанием раны, швами, когда “лезут нитки”, образно назвал каменным веком в хирургии. А всё дело в том, что когда в Павлодаре (а с той поры прошло уже более пяти лет) открылось первое в области многопрофильное отделение эндовидеохирургии, операции стали проводиться с минимальным разрезом, практически без разрезов, кровопотери и травм.

Мне тогда это показалось фантастикой, сравнимой в чём-то, пусть хоть и отчасти, с тем самым хилерским чудом. С той лишь разницей, что хирург творит своё чудо с применением уникального оборудования, вставляя с помощью небольшого прокола зонд с микроскопическими хирургическими инструментами и миниатюрной видеокамерой, позволяющей хирургу видеть и контролировать ход операции на экране монитора.

Преимущество подобных хирургических вмешательств перед старыми традиционными методиками, безусловно, неоспоримо. Меньше времени уходит на операцию, а значит больной меньше находится под наркозом, у него короче процесс реабилитации и он быстрее возвращается в строй. И люди с ослабленным иммунитетом тоже получают шанс избавиться от своих хворей.

Разумеется, в передовых странах Европы, крупнейших городах и столицах России и Казахстана, где есть научные медицинские центры, от “каменного века”, о котором говорил павлодарский хирург Леонид Березуцкий, ушли далеко вперёд. Однако мои земляки-североказахстанцы до недавнего времени были вынуждены отправляться за здоровьем в Алматы, Астану. Число квот по направлениям в медицинские центры ограничено,

ожидание очереди может обойтись себе дороже. Но, кажется, мы дождались того момента, когда передовые технологии и методики в лечении больных, пусть пока ещё далеко не все, стали внедряться и осваиваться и у нас, в Петропавловске. А дома, как говорится, и стены помогают.

И то, что (наконец-то!) решилась одна из самых острых проблем лечения урологических больных, не иначе как достижением в местном здраво(ох!) рании не назовёшь.

Пару лет назад побывал у нас директор республиканского научного центра урологии им. Б. Джарбусынова, главный уролог республики профессор М. Алчинбаев. По соглашению с ним в нашу область был направлен кандидат медицинских наук А. Хамзин, из бюджета были выделены средства на приобретение универсального медицинского оборудования. И когда, наконец, немецкая аппаратура фирмы “Карл Шторц” была установлена в урологическом отделении областной больницы, главврач Серик Алмолдин (ныне он возглавляет районную больницу), давно мечтавший об этом, мог констатировать, что эндоскопия в урологии областной больницы стала реальностью сегодняшнего дня, мировым стандартом, к которому все мы стремимся.

И это доказал уже на первых своих операциях главный уролог области, заместитель главного врача областной больницы, кандидат медицинских наук Адильжан Хамзин.

Он с гордостью говорил о больших перспективах бывшей “золушки” — урологии, в одночасье ставшей “принцессой”, о прекрасном евроремонте урологического отделения, засверкавшего кафелем, пластиком, никелем; о по-новому выглядевших палатах и, простите, приведённых в соответствие с европейскими нормами туалетах, которые, как правило, в целом ряде медицинских учреждений находятся пока ещё в весьма запущенном состоянии.

Замечу, что для действительного члена Европейской ассоциации урологов А. Хамзина, прошедшего стажировку в клиниках Германии, Швейцарии, Австралии, идеальная чистота — норма, которая в урологии является просто необходимостью.

Ну а что касается золотых рук хирурга, о которых уже с благодарностью после его первых операций заговорили пациенты, то это и вовсе неоспоримо. А иначе разве научное светило Германии, профессор Мюнхенской университетской клиники Рудольф Хартнунг пожал бы ему руку после того как, выбрав в качестве ассистента его из всех стажировавшихся у него урологов из стран Европы и Азии, вместе с ним сделал одну из самых уникальных операций в урологической практике.

В небольшом, но уютном кабинете Адильжана Акжигитовича висит, как самая высшая награда за его умение, за одержимость в стремлении помочь страждущим, благодарность от уролога с мировым именем, у которого он трижды проходил стажировку в Мюнхене и многому научился.

Едва начав работать в Петропавловске, Хамзин смог в короткий срок поставить на ноги строителя из Айыртауского района, у которого после

производственной травмы случился разрыв мочевого канала, а первая операция в Алматы не помогла.

Леонида из Тайынши оперировали в Омске в частной клинике “Авиценна”. Уже через двадцать дней последовал рецидив, после которого за весьма рискованную операцию взялся Хамзин и провёл её успешно. А Анатолия С. избавил от опухоли, которая не давала ему покоя.

Все трое — люди, с которыми мне довелось побеседовать в обновлённом урологическом отделении областной больницы, выражали горячую признательность хирургу, называя чудом то, что он сделал, просили пожелать ему всегда оставаться таким же добрым чудотворцем, каким он стал для них. Разумеется, слов благодарности заслуживают и коллеги заведующего урологическим отделением — врачи с большим опытом, прекрасные хирурги Будяков, Шарипов, Ли и другие.

Сам же Адильжан Акжигитович старается избегать высокопарных лестных слов в свой адрес, считая, что успех в лечении — заслуга многих: после операции надо ещё, что называется, выходить больного, чтобы избежать обострений и рецидивов. Отличается Хамзин большой скромностью, простотой в общении, чертами, которые, замечу, всегда характерны для людей, наделённых недожизненным талантом.

Мне было очень интересно узнать, как и почему он выбрал свою профессию. И то, что он рассказал, было больше похоже на исповедь души, чем на обычный ответ.

“Наверно, желание лечить людей появилось у меня ещё в детстве. Я помню, как в нашем дворе жил мальчик Валера Якимов. Он был парализован. Передвигался на инвалидной коляске и мне, как и многим мальчишкам нашего двора, очень хотелось, чтобы он мог бегать вместе с нами, был полноценным членом нашей дворовой команды и так же, как и мы, гонял мяч. У Валеры в глазах всегда таилась какая-то грусть. Видно, ему очень хотелось быть равным с нами и подальше забросить свою коляску, приковавшую его к себе.

Тогда я как-то невольно задумался: как и кто конкретно может помочь таким людям. Вот и подумалось: стану доктором — возьмусь за его лечение.

11-летним подростком я получил ну, не травму, царапину, которая загноилась, и мне пришлось идти к хирургу на приём. Дождался своей очереди, зашёл в кабинет. Усадив меня, доктор отлучился минут на пятнадцать. Я, естественно, осмотрелся. И... увидел шкаф с размещёнными на его полках инструментами: долото, сверло, молоточки, пилу. Я вдруг представил, что они будут использованы на мне. Страшновато стало! Я не рискнул выбежать из кабинета, чтобы не попасться на глаза своему Айболиту, а просто сиганул в распахнутое окно.

Тем не менее этот сюжет в какой-то мере повлиял на меня в дальнейшем, когда я всё-таки решил посвятить себя медицине, на выбранное мною направление — урологии и эндоурологии, на проведение малотравматических операций с использованием безболезненных методов.

Несколько лет назад мне удалось побывать в зарубежной клинике, где широко использовалась именно методика малотравматических операций в крупнейших странах мира. И мне очень отраднo, что здесь, в Петропавловске, я получил возможность использовать её. Мы получили современное оборудование, чему я бесконечно рад, ибо благодаря ему можно совершенствовать своё мастерство и проводить уникальные операции.

Можно привести для примера одну из них — исправление сужения протяжённостью 10 сантиметров мочеиспускательного канала. Я потом просмотрел отечественную и зарубежную специальную медицинскую литературу, но подобного случая в урологической практике не встретил.

Разумеется, хотелось бы расширить аспекты операции, учитывая огромный творческий потенциал наших хирургов. Можно делать операции на почках без разреза, убирать камни из них. Надеюсь, что в ближайшее время мы начнём их проводить”.

Меня интересовал ещё такой вопрос, как он, доктор божьей милостью, одарённый хирург, да ещё находящийся в том золотом возрасте (родился в 1959 году в Боровом ныне Акмолинской области), когда впереди такие заманчивые перспективы дальнейшей карьеры, решил съехать из южной столицы в глубинку, на север Казахстана.

“Ничего удивительного в этом нет, — признаётся Адильжан Акжигитович, — считайте, что я приехал на свою родину. Мне была предоставлена в Петропавловске прекрасная квартира, созданы все условия для работы, где я могу не только проявить самостоятельность, но и совершенствоваться, заниматься научной работой”. Мой собеседник достал из папки листок с 15-ю вопросами — “Опросник Международного индекса эректильной дисфункции”. Доктором Хамзиным проводится тестирование среди населения, чтобы сделать анализ репродуктивного здоровья представителей сильного пола и, основываясь на базе данных, проводить соответствующее лечение, а значит внести свой вклад в программу оздоровления нации Казахстана.

Ещё много лет назад устами известного социолога, профессора Б. Урланиса в “Литературной газете” был озвучен призыв: “Берегите мужчин”, перевернувший в обществе привычные представления о слабом и сильном поле. В наше время этот призыв приобрёл ещё большую актуальность. Известный специалист в области урологии Лев Кругляк, написавший книгу “Мужские болезни”, считает, что мужчина гораздо более уязвим для большинства болезней и чаще, чем женщина, становится жертвой несчастных случаев.

Современные статистические данные показывают, что хотя мальчиков рождается больше, со временем это преимущество сильного пола теряется, а к 60-70 годам мужчин становится чуть ли не вдвое меньше, да и продолжительность их жизни значительно уступает женской.

Большинство людей удивительно мало знают о том, как функционирует их организм и с какими проблемами можно столкнуться. Чаще всего мужчина просто не обращает внимания на своё здоровье, пока не попадёт в неприятную ситуацию, касающуюся лично его или близких. И только когда появляются серьёзные симптомы, начинаются поиски врача. Широкой публике, в том числе представителям сильного пола, о разделе медицины, изучающей проблемы мужского здоровья, — андрологии — гораздо менее известно, чем, скажем, о гинекологии. Для многих само понятие “андрология”, как выразился один из известных специалистов в этой области, сродни китайской грамоте. Вполне справедливо, что для женщин существует широкая сеть различных консультаций, специальных центров и прочих учреждений, куда они могут обратиться. А вот что касается мужчин, то даже такая существовавшая во времена оные структура, как “Брак и семья”, давно почил в бозе. Вот и остались они наедине со своими проблемами. И нам, право же, повезло в том отношении, что ими, особенно теми, что касаются репродуктивного здоровья, помимо своих

каждодневных обязанностей в области урологии, занялся направленный в Петропавловск известный в Казахстане специалист, кандидат медицинских наук А. А. Хамзин.

Проведённое им анкетирование нескольких тысяч североказахстанцев, заполнивших анкеты-опросники Международного индекса эректильной дисфункции, позволило выявить у опрошенных целый ряд патологий, касающихся мужского здоровья. Кстати, решение о таком анкетировании было принято в Западной Европе ещё в конце 90-х годов, но в СНГ оно проводилось разве что в московских клиниках. Так что Хамзин и его единомышленники из урологического отделения областной больницы стали пионерами в этом деле в нашей республике. Доклад Адильжана Акжигитовича на республиканском совещании урологов в Алматы по вопросам репродуктивного здоровья мужского пола, опирающийся на его исследования, произвёл сенсацию в научной среде

В республиканской прессе писали: “Столичные специалисты весьма удивились, что подобные исследования впервые в Казахстане проведены в провинциальном Петропавловске. В результате в резолюции форума было записано: “Провести подобные исследования во всех регионах Казахстана”.

Так что же всё-таки делать тем, кто хочет стать не каким-нибудь там суперменом, а, скажем, уверенным в себе здоровым мужчиной, не испытывающим стыд за свою потенцию.

В рекламных роликах на ТВ, в материалах прессы предлагаются “чудодейственные” рецепты и снадобья. Тут вам и толчёный рог носорога, и порошок из морского конька, и, разумеется, пресловутая виагра. В последнее время рекламируется импаза. Многие хвалёные средства, считает доктор Хамзин, порой лишь усугубляют заболевание, а если и дают какой-то эффект, то временный, и загоняют проблемы, связанные с репродуктивным здоровьем, вглубь.

“Мы в нашем отделении в настоящее время, — сказал Адильжан Акжигитович, — можем принять многих мужчин, страдающих подобными недугами. Тем, кому не подойдут фармакологические средства, делаем малотравматичные операции. Мы понимаем, что это болезни интимного характера, но пациентам, страдающим ими, следует преодолеть ложный стыд. Ведь после проведённого лечения у них заметно повышается качество жизни. А кто бы этого не хотел?”.

В беседе с доктором мы коснулись и вопросов слабой информированности населения в вопросах мужского здоровья. Долгое время не было популярной литературы на соответствующие темы, и вообще об этом не принято было говорить.

“Зато сейчас, — говорю Адильжану Акжигитовичу, — многие СМИ впереди планеты всей, что касается темы секса. А как часто слышится по ТВ, рекламирующему новомодные снадобья и лекарства, бодрящий лозунг: “Просто будь мужчиной”. А им-то, оказывается, быть совсем не просто”.

“Да, тут есть проблема, — подтверждает Хамзин. — Пока чаще всего речь идёт отнюдь не о сексуальном и репродуктивном здоровье, а о том, что более соответствует обывательскому представлению о подобных вещах и привносит ещё большую путаницу и в без того загнанные в угол проблемы.

Просто шок испытываешь, читая в популярном еженедельнике полосу “Размер не имеет значения”, в которой после информации о пленуме казахстанских урологов в Алматы читаем буквально следующее: “В страну

пришла мода на суперпенисы, но желающих увеличить своё мужское достоинство в сотню раз больше, чем специалистов, которые могут это осуществить”. А все мои исследования по вопросам мужского здоровья в переложении автора свелись только к этому. Скорее всего, думается, указанная проблема существует более в его воображении, чем на самом деле. Сводить к названной ей “моде” наши исследования, особенно когда речь идёт о выполнении обсуждаемых на пленуме целой программы по улучшению мужского здоровья, комплекса мер по поддержанию и восстановлению репродуктивного потенциала населения, — это абсурд, рассчитанный на неискушённого в половых вопросах обывателя”.

Полностью разделяем обеспокоенность доктора Хамзина подобным мнимым представлением о сути мужских проблем и от всей души желаем ему новых успехов в большом благородном труде его и возглавляемого им коллектива урологов во имя народного здоровья.

Хочется напомнить читателям слова знаменитого американского учёного Поля Брэга: “Человек — уникальное явление природы, но законы, которые им управляют, довольно просты и очень понятны тому, кто не жалеет времени их изучить и наблюдать за жизнью своего организма — изо дня в день”.

Так что нашим дорогим мужчинам и милым дамам надо и самим поберечь себя.

Замечу, что Адильжан Акжигитович не замыкается в узком кругу своей профессии. Он любит литературу, искусство. “Вот почитайте-ка стихи моего друга из Алматы”, — подаёт мне на прощание книгу своего друга, тоже врача по профессии, К. Зельцера. Но более подробно поговорить на эту и другие темы мы уже не успели. В безупречно белом халате вошла дежурная медсестра и пригласила Адильжана Акжигитовича в операционную.

В просторной синей робе, в высоком колпаке, юркий, подвижный, он и правда показался мне добрым кудесником, избавляющим людей от тяжёлых недугов.

Сколько же им проведено операций за время его неустанной, а вернее, неутомонно-творческой деятельности — тысяча? Цифра, разумеется, условная. Ведь за ней или любой другой непременно последует ещё одна. А когда Адильжан Акжигитович вымоет после операции руки, примет душ, то садится за компьютер, продолжая нести службу здоровья и в расцвете творческих сил встречая своё 50-летие.

Отмечая его большие заслуги в области отечественного здравоохранения, общественность региона, республики сердечно поздравляет его с золотым юбилеем и надеется, что мастерство волшебника в белом халате будет и дальше совершенствоваться и служить на благо людям, помогая решать проблему, чётко обозначенную великим писателем Александром Солженицыным — сбережения народа.

Кто, если не сын Алмолды

Бывает, бросишь камешек в воду — и расходятся похожие на блины круги, большие и поменьше. Быть может, так и жизнь наша состоит из таких разных кругов, словно завершающих какой-то её определённый цикл. Один заканчивается и начинается другой.

И уж наверняка у каждого из нас можно насчитать девять из них, пусть и не Дантовых, но всё же, всё же... Когда приходит пора итожить прожитое,

особенно, если пройдено более полувека, то стоит, прежде чем отправиться в дальнейший путь, остановиться, оглянуться, а заодно и посмотреть в будущее.

Родословную доктора Алмолдина, пожалуй, следует начать с романтической истории любви его родителей. Так уж случилось, что в 30-е годы, спасаясь от особенно свирепствующего в центре Казахстана голода, молодой парень Алмолда на глухой станции Сурган, что на Акмолинщине, в поисках заработка стал ухаживать за скотом бая Балдана, и влюбился в его дочь Камилу. Ясное дело — отец воспротивился браку своей дочери. Камила ослушалась и вместе с возлюбленным бежала в Златоуст. Когда началась Великая Отечественная, Алмолда был призван на фронт. Камила с маленькими детьми вернулась на станцию Сурган, к родителям. Отец после того как его раскулачили, отобрав лошадей, баранов, в одночасье лишился своего богатства, и пребывая к тому времени уже в бедняках, простил молодых за непослушание, не стал осложнять отношения с дочерью, тем более что время-то какое было на дворе!

Слава Аллаху, Алмолда живым-невредимым вернулся с фронта, возглавил бригаду железнодорожников на станции Сурган. Шли годы. Понемногу жизнь налаживалась. Жить бы да поживать Алмолдиным в доброй семейной атмосфере любви и согласия, поднимать на ноги ребятишек, которых у них было шестеро, но гроза пришла, откуда её не ждали. Алмолда погиб во время дежурства от удара молнии, а вскоре ушла из жизни Камила, не выдержав жестокого удара судьбы.

Троих ребятишек из многодетной семьи взяли на воспитание родственники. А Серик Алмолдин с пятнадцатилетней сестрой и десятилетним братом Кали остались дома и, как могли, до поры до времени управлялись сами по хозяйству. А потом старшая сестра стала работать, а Серика определили в школу-интернат в райцентре Есиль, вскоре реорганизованный в детдом.

Здесь он закончил десятилетку и решил поступить в Целиноградский медицинский институт.

Конкурс на лечебное отделение был большим: семь человек на место. Слава Богу, в детдоме педагогический коллектив подобрался сильный, дружный и всё делал для того, чтобы обездоленные его питомцы, лишённые родительской заботы и ласки, покидали свой “сиротский приют” хорошо подготовленными к дальнейшей жизни. Потому отметки в дневнике, спортивные успехи были главными показателями школы, педагогических достижений.

Юный Алмолдин не подвёл своих наставников, успешно выдержал экзамены и стал первокурсником медицинского института. А поскольку на одну студенческую стипендию не проживёшь, а помощь ждать не от кого, приходилось перебиваться случайными заработками. Благо, что к труду ему было не привыкать. Вскоре подвернулся случай, оставивший заметный след в его дальнейшей жизни.

... Они встретились в спортивном зале, занимаясь боксом. Правда, Абдрахманов был постарше, но так же, как и Алмолдин, не мог жить без спорта.

Однажды, усердно лущая “грушу”, они разговорились. И хотя Серик не любил о себе особо распространяться, но Абдрахманов сумел расположить к себе понравившегося ему самостоятельностью суждений, не щадящего себя на боксёрском ринге парня. Узнал о его житье-бытье, почувствовал, как

он нуждается в помощи, и пригласил на ночные дежурства в травмопункт, которым он к тому времени заведовал.

— Трудновато будет. Но тебе же не привыкать к трудностям. Да и мы поможем.

Слова старшего друга подтвердила атмосфера, царящая в лечебном учреждении. Сгустились сумерки за окнами, стихала на улицах городская жизнь, а в “травматологии” она только начиналась: то и дело прибывали “неотложки” с алым крестом, подъезжали такси и просто частники, привозя пострадавших с переломами рук и ног и другими травмами. Работы было, как говорится, невпроворот. Приходилось учиться вправлять вывихи, накладывать гипс, делать тугие повязки, ставить уколы, а утром спешить в институт на лекции. Но как бы то ни было, через полгода студенту Алмолдину уже доверяли несложные операции, а на пятом курсе при нехватке специалистов-травматологов вместо обычных и обязательных для студенчества той поры сельхозработ его посылали в ставшее для него родным домом отделение травматологии, где он мог заменить вскоре и врача-ординатора.

Абдрахманов был доволен способным учеником, очень благодарным своему старшему другу не только за то, что тот вывел из материального кризиса, но и за быстрый профессиональный рост в своём деле, определении своего призвания — стать хирургом. Более того, когда после окончания медицинского вуза началось распределение выпускников, было решено оставить способного парня в клинической ординатуре института, а поскольку на отделении травматологии её не существовало, было принято решение: открыть.

Можно было бы наверняка предугадать, как сложится дальнейшая карьера Серика Алмолдиновича, если бы не одно обстоятельство: молодой хирург к тому времени соединил свою судьбу с врачом-терапевтом Сауле Сагибаевой, родом из Петропавловска. Её родители остались одни и очень просили молодых переехать в их родной город. Серик Алмолдинович, рано лишившийся родителей, упираться не стал. Так и появился в третьей городской больнице в отделении травматологии Петропавловска молодой перспективный хирург, уверенно влившийся в новый коллектив, ведомый опытейшим Вячеславом Смирновым, у которого было чему поучиться. Может быть, самому главному — ответственности за проведённое лечение. При нём и после того, как отделение возглавил уже сам Алмолдин, существовало негласное правило: никто, будь он семи пядей во лбу, не допускается к операции, если не был готов к ней и не вник в существующие на то время методики.

С первых же дней своей работы молодой заведующий приучил своих сотрудников приходить чуть раньше положенного времени, чтобы до начала рабочего дня определиться, что и как сделано, и не уходить до той поры, пока не убеждались, что всё, что положено, выполнено как следует.

Вскоре отделение травматологии, ведомое молодым “капитаном” хирургии, стало самым крупным в больнице. Уже в то время, а это восьмидесятые годы, здесь подбирались на редкость знающие, дружные, не щадящие себя в работе хирурги. И по сей день Серик Алмолдинович тепло вспоминает о своих коллегах, с которыми ему довелось работать — Н. А. Зырянове, Н. Д. Галушко, М. Ш. Омарове, М. Г. Оспанове и, конечно же, о Ш. А. Байгамбетове, ныне работающем в столичной клинике в Астане и ставшем доктором медицинских наук.

Самого же Серика Алмолдиновича жизнь уводила всё дальше от научной стези, где у него ещё со студенческой поры намечались блестящие перспективы: разве не говорят об этом свыше 20 печатных научных работ, девять рационализаторских предложений в области травматологии?

Но судьба распорядилась несколько иначе и решила испытать его на поприще организатора здравоохранения. В 1984 году он был выдвинут на должность заместителя заведующего облздравотделом, а затем, в течение шести лет, он возглавлял его. Пора, надо сказать, далеко не самая лучшая в сфере медицины. А поскольку Алмолдин никогда не был по самой сути своей чиновником, можно представить, в каком он оказался положении, когда ретивые “реформаторы” начали свои эксперимен-

ты, не лучшим образом сказавшиеся на нашем здравоохранении, разумеется, приходилось зачастую не соглашаться с ними, быть в “оппозиции”, а порой и наступать, как говорится, на “горло собственной песне”. И хотя в то время область один за одним стали покидать врачи, что называется, от Бога, Серик Алмолдинович сделал всё, чтобы “костяк” остался. Опытные кадры удалось сохранить. Но какой же ценой! Ценой тревог, нервозности, психологических срывов, и, наконец, прошением об отставке на имя тогдашнего акима области Гартмана, удовлетворившего просьбу строптивого доктора, не очень усердно занимавшегося в то время вопросами приватизации и оптимизации, как того “требовало” время. Министерство здравоохранения республики, не желая терять энергичного руководителя, прошедшего стажировку по вопросам укрепления здравоохранения в клиниках и министерствах России, Бельгии, Турции, Японии, ориентирующегося и знающего не понаслышке о жизни в глубинке, особенно когда дело касается вопросов медицинского обслуживания, предложило ему занять пост главного врача областной больницы.

И можно с уверенностью сказать, что со своим выбором Астана не ошиблась.

В областной больнице за время, когда он занимал пост главврача, были созданы современное реанимационное отделение, эндоскопический кабинет, помещение для бухгалтерии и организационно-методического отдела. Улучшены условия пребывания больных в гинекологическом, хирургическом отделениях и в отделении хронического гемодиализа. После приобретения специального оборудования и сделанного евроремонта неузнаваемо преобразилось урологическое отделение.

Внедрены впервые в области новые методы лечения, такие, как лечебный плазмофорез, гипербарическая оксигенация, современные методы детоксикации организма с использованием новых технологий. Первыми в республике в нашей областной больнице открыли диагностический кабинет “Диабетического стола”, провели регистрацию и взяли на учёт всех больных диабетом.

Несмотря на финансовые трудности, аким области выделил средства для приобретения двух аппаратов “Искусственная почка”.

А как заметно за годы работы Алмолдина на посту главврача была благоустроена сама территория больничного городка, ведь что ни говори, если “театр начинается с вешалки”, то больница с внешнего вида, и украшенная зелёными насаждениями, она заметно преобразилась.

Можно и дальше было бы продолжить перечень сделанного и достигнутого, но хотелось бы подчеркнуть главное — готовность Алмолдина всегда прийти на помощь простому человеку, его открытость, доброжелательность. Проблемы пенсионеров, инвалидов, безработных и других, нуждающихся в социальной защищённости, он знает не с высоты чиновничьих кабинетов, а ежедневно общаясь с ними.

И сейчас он, подобно земским врачам, решил, что более нужен в сельской глубинке, и возглавил коллектив районной больницы в посёлке Бишкуль. При этом успевает вести большую общественную работу. Именно Серику Алмолдиновичу доверено возглавить антикоррупционную комиссию областного филиала партии “Нур Отан”.

Казалось бы, всего достиг бывший сирота-детдомовец: высокого профессионализма, положения в обществе, уважения и признательности людей. Вместе с верной подругой жизни Сауле вырастил и поставил “на крыло” дочь Мадину и сына Алибека, заботится о внуках.

Можно и далее говорить об умении Серика Алмолдиновича работать с людьми, выражать их интересы.

Но, пожалуй, лучше всего суть его жизни и деятельности достойно выражают мысли, изложенные в предисловии к изданию “На посту здоровья”, посвящённого 50-летию областной больницы: “Мы вступили в XXI век, победив такие грозные заболевания человечества, как холера, оспа, чума, малярия. Но кто, если не мы, выбравшие самую гуманную и самую благородную профессию на земле, понимаем, что напряжённый ритм нашего времени и связанные с ним стрессовые ситуации, загрязнённая атмосфера и нарушение экологии способствуют рождению новых болезней и недугов, с которыми приходится сталкиваться нам лицом к лицу. И потому что слишком много ещё проходит перед нами людских драм и трагедий, мы не можем и просто не имеем права успокаиваться на достигнутом.

Беря пример с земских врачей, с тех, кто был в казахской степи первопроходцем здравоохранения, боролся с эпидемиями, порой не щадя своей жизни, и наследуя заложенные ими добрые традиции, мы говорим своим пациентам: думайте о своём здоровье сегодня, не откладывая самое главное в жизни на завтра, пока мы в силах вам помочь и заставить болезнь отступить”.

г. Петропавловск.

Уважаемая редакция! С удовольствием просматриваю ваш журнал, вижу там знакомые имена — Ю. Поминова, О. Григорьевой, А. Пройдакова, В. Семерьянова и других павлодарцев. Я их всех знаю, потому что сам казахстанец и работал в газетах Железинки, Экибастуза, в “Звезде Прииртышья”. С 1989 года — в России, в газете “Эвенкийская жизнь”. Скучаю по Казахстану, раз в несколько лет обязательно наезжаю в свою деревушку на Иртыше, где рос и учился. Закончил КазГУ, печатался и печатаюсь в “Шмеле”, “Литературной газете”, “Советской России”, “День и ночь”, “Колесе смеха” и т. д., автор 3 юмористических сборников. Недавно стал серебряным призёром международного литературного конкурса “Золотое перо Руси-2008” в номинации “Юмор”. С уважением,

Марат Хасанович Валеев,
редактор газеты “Эвенкийская жизнь”.

Марат ВАЛЕЕВ

Записки провинциального газетчика

От автора: Мемуары пишут, как правило, люди известные, я имею в виду классиков литературы, искусства, видных военачальников, политиков и иже с ними. Но ведь история делается не только элитой общества, но и на долю масс и отдельных её прослоек что-то тоже остаётся, верно? Вот одну из таких прослоек, не очень толстую, но всё же заметную, я и имею честь представлять. Это провинциальная журналистика, в которой работают люди, живущие в самой гуще своих читателей и вышедшие из неё же в редакции множества “знамён”, “авангардов”, “побед”, “путей”, “новей” (я перечислил лишь малую толику традиционных для районных, городских и областных газет названий ещё того, социалистического толка). То есть из гущи людской, с теми же достоинствами и недостатками, сильностями и слабостями. Потому-то и полагаю, что мои незатейливые записки (мемуарами их назвать было бы, пожалуй, слишком громко) могут быть интересны именно с этих позиций.

Первая публикация

Отслужив в стройбате, я в 1971 году вернулся домой в Павлодарскую область, в бывшую прииртышскую казачью станицу Пятерыжск, ставшую затем казахстанским колхозом “Красный Октябрь”, а ещё позже — четвёртым отделением совхоза “Железинский”. Отдохнул пару недель, болтаться без дела дольше не хотелось. Специальность у меня была, устроился в тракторную бригаду электросварщиком. Днём — работа, вечером — кино, танцы в сельском клубе, незамысловатые приключения и похождения, обычные для такого возраста. Но что-то во мне изменилось. Я всё больше и больше хотел писать. Ещё в школьные годы участвовал в стенной печати, мои сочинения нередко признавали лучшими. В армии, грешным делом, писал (за “гонорары” — пайку масла, банку сгущёнки, пачку сигарет и т. д.) душераздирающие письма подругам солдат, которые они затем переписывали своим почерком и за которые девчонки влюблялись в них по уши. И у меня тогда возникали проблемы: парни буквально преследовали меня, требуя, умоляя о продолжении переписки с их подругами.

Мои родители выписывали районную газету “Ленинское знамя”, скучноватое такое издание. Время от времени на её страницах появлялись рассказы, стихи местных авторов, прочитав которые, я не без основания думал: “Господи, да ведь так-то и я могу написать! Даже получше...”.

Однажды с двумя пятерыжцами произошла занятная история. Мучимые похмельем, они с самого раннего утра разжились парой рублей и пошли за самогонкой по всем известному в селе адресу. Хозяева только легли: они всю ночь перед новогодними праздниками варили зелье и себе на потребу, и, так сказать, на реализацию. Долго не хотели открывать. В конце концов, сжалились. На протянутые им трясущейся рукой два мятых рубля налили страждущим ещё тёплого вонючего самогона в бутылку. Приятели поспешили домой. Но поскольку тёплый самогон — прекрасное рвотное средство, а умирающие с похмелья мужики не могли себе этого позволить — каждая капля спиртного для них сейчас была как живая вода, они решили остудить самогонку. Взяли и сунули бутылку в снег. Произошло то, что и должно было произойти. Мужики отказывались верить своим ушам и глазам, когда услышали лёгкий треск лопнувшей бутылки и увидели начавший таять снег в том месте, куда вылилась самогонка. Реакция пьяниц была мгновенной: не сговариваясь, они опустили на коленки и горстями стали запихивать в пересохшие рты вонючую снежную кашу... И потом сами же всем рассказывали эту историю. Я же не придумал ничего лучшего, как написать юмореску на этот сюжет и отправить её в районку. Ответ из Железинки пришёл через месяц. Некий В. Циммерман (себя он называл литературным сотрудником) в пух и прах разносил первое моё творение. Правда, признавал всё же наличие у меня “определённых способностей”. И я решил не сдаваться.

Ещё до моего ухода в армию учудили мой младший братишка (ему тогда было лет десять) Рашид и отец. Как-то Рашид пришёл домой с десятком тускло-золотых карасей за пазухой. Батя мой был заядлый рыбак и сразу спросил брата, где и как он наловил таких красавцев. Рашид шмыгнул носом и сообщил, что это он с соседом Ванькой Рассохой намутил в Кругленькой ямке (озерцо такое пойменное). Для непосвящённых поясню, что значит “намутить”. В небольшой водоём — как правило, ложбину в пойме, в которой после весеннего половодья остаётся рыба, когда Иртыш возвращается в свои берега, — забираются несколько человек, и ну давай вздывать ногами донный ил. Через некоторое время задыхающаяся рыба высовывается из воды, чтобы глотнуть свежего воздуха, людей посмотреть, себя показать. Вот тут-то не зевай, знай, хватай её и выкидывай на берег. Сам я так никогда не ловил рыбу и не видел, как это делается. Но рассказывали.

— А ну, сынок, пошли! — воодушевлённо сказал отец, хватая ведро. — Сейчас мы карасиков-то натаскаем.

— Папка, я устал, и живот чего-то болит, — заныл братишка.

— Пошли-пошли, покажешь, в каком месте мутить надо!

Отец не любил, когда ему возражали. А тут его ещё охватил азарт. И Рашиду ничего не оставалось делать, как подчиниться. Они долго прыгали и ползали по Кругленькой ямке, пока вся вода в озере не стала коричневой. На поверхность всплыли пара дохлых лягушек да возмущённые жуки-плавунцы, водоросли. Карасей же не было. До отца начало что-то доходить.

— Сынок, — сказал он ласково. — Скажи, где взяли карасей, и тебе ничего не будет.

Рашид выбежал подальше на берег, на всякий случай заревел и признался, что карасей они с Ванькой натрусили из чужого вентеря (вентиля, как говорят в Пятерыхске) и совсем на другом озере. А правду сказать он забоялся.

— Шалопай! — сплюнул ряской отец и захохотал. Так его ещё никто не проводил.

Я вспомнил эту историю и написал ещё одну юмореску. Отослал в газету. Ждал долго. Но ни ответа, ни публикации в районке не было. Уже успокоился — не признают, и не надо! — как в один из июльских жарких дней 1972 года на четвёртой странице “Ленинского знамени” увидел свою подпись под юмореской “Карасятник”. Рассказ был здорово подправлен, наполовину сокращён. Но в нём оставались целыми — слово в слово — несколько моих предложений и даже пара абзацев. Значит, могу писать! Такого чувства восторга, радости я больше никогда не испытывал!

А вскоре пришло и письмо из редакции. Ответственный секретарь Л. П. Кишкунов (позже его перевели редактором районной газеты “Вперёд” в Экибастуз и я у него проработал шесть лет. Уже когда я из Казахстана уехал, экибастузскую районку “Вперёд” закрыли. А несколько лет назад пришло горькое известие: Кишкунов погиб в дорожной аварии) очень тепло приветствовал меня, разбирал по косточкам моё творение. И предложил попробовать себя в качестве селькора. То есть, пояснил он, рассказы мои время от времени печатать будут. Но газете нужны материалы о живой жизни села: о сенокосе, о жатве, о работе доярок, зарисовки о людях. Я согласился.

Это оказалось куда сложнее и скучнее, чем писать юморески. Одно дело, когда сидишь и сочиняешь рассказы (куда “кривая”, то есть собственная фантазия вывезет), и совсем другое — писать, что называется, “за жизнь”. Врать нельзя, ошибаться тоже нежелательно, потому что герои твоих газетных шедевров живут рядом с тобой, в буквальном смысле этого слова, и покриковать тебя могут прямо в глаза, а то и в глаз. Первый свой публицистический опус (с анонсом на первой полосе: “Очерк рабочего М. Валеева “За романтикой ехать далеко не надо”, его напечатали практически без задержки) я посвятил сверстникам, вернувшимся из армии и оставшимся жить и работать в родном селе. К этой публикации я отнёсся уже более спокойно, чем к первой, но всё равно был горд и счастлив. Газету с очерком прихватил с собой на работу, на полевой стан. Она мне жгла карман, однако никто в бригаде и словом не обмолвился о моей публикации. “Видно, ещё не читали”, — решил я. В обеденный перерыв первым ушёл из столовки в вагончик, где механизаторы обычно отдыхали: забивали “козла”, читали свежую прессу, просто валялись на жёстких лавках и полках. Ещё никого не было, я быстренько развернул районку и положил её на стол так, чтобы материал с моей подписью сразу бросался в глаза. А сам скромненько уселся в сторонке и закурил.

Первым в вагончик зашёл тракторист дядя Саша Горн. Я затаил дыхание и стал отстранённо смотреть в маленькое оконце, о треснувшее стекло которого с громким жужжанием билась муха. Дядя Саша с крихтеньем умолил грузное туловище за столом, подтянул к себе газету и... шмякнул — прямо на мой очерк! — жирного подвядленного леща.

— Подвигайся ближе, — доброжелательно сказал дядя Саша. — Посолнцуемся...

А с коротких толстых пальцев его, которыми он плотоядно раздирал рыбину, на газету стекал янтарный жир, под которым расплывалась моя подпись.

Обида спазмом сжала мне горло.

— Спасибо, не хочу! — кукарекнул я и выкатился из вагончика. Да, слава — она приходит не сразу...

А в сентябре того же года я получил официальное приглашение на штатную работу в "Ленинском знамени".

Старик Державцев нас заметил...

Осенью 1972 я, тогда двадцатидвухлетний электросварщик тракторной бригады четвёртого отделения совхоза "Железинский", а по совместительству и начинающий селькор "Ленинского знамени", получил письмо от ответсекретаря этой газеты Леонида Павловича Кишкунова с предложением посетить редакцию для собеседования. Как раз закончилась уборка, зарядили дожди, мне в бригаде делать было нечего, и я отпросился у бригадира для поездки в Железинку. Мама снабдила меня трояком, я поймал на трассе Павлодар — Омск попутку и уже через полчаса вышагивал по вымытому дождями, пахнущему мокрыми тополями и клёнами райцентру. Расспрашивая редких прохожих, где находится редакция, дошёл до обычного для Железинки белёного, крытого растрескавшимся шифером дома с палисадом, засаженным акациями и клёнами. От других таких же домов этот отличался лишь стеклянной табличкой (бронзовая краска на чёрном фоне) с крупно выведенным названием газеты. Это была улица Квиткова. Из официальных учреждений на ней же тогда располагалась, по-моему, только районная почта.

Уняв сердцебиение (увы, даже пройдя службу в таких бесшабашных войсках, как стройбат, я продолжал оставаться хотя и вспыльчивым, но довольно застенчивым человеком), поднялся на невысокое крыльцо, ещё раз набрал в себя побольше воздуха и толкнул грубо выкрашенную коричневой краской дверь. Так я вошёл в районную журналистику.

Сразу в прихожей увидел стол с пишущей машинкой, клавишами которой трещала миловидная шатенка (это была секретарь-машинистка Гильда Айхлер, по мужу — Тырсина, которая потом за восемь лет перепечатала грудку моих "опусов"). Она вопросительно посмотрела на меня.

— У меня вот письмо, — сказал я и полез в карман пиджака. — Мне бы с редактором поговорить.

— Александр Сергеевич, — не вставая с места, негромко сказала секретарша мелодичным голоском в находившуюся сбоку от неё открытую дверь. — Тут к вам молодой человек. С письмом.

— Пусть заходит, — также негромко сказал кто-то из глубины кабинета.

У меня неожиданно пересохло в горле (признаюсь — не только от волнения: накануне в бригаде хорошо отметили завершение уборки).

— Попить можно? — проскрипел я, увидев на столе графин с водой. Не дождавшись разрешения, набулькал полный стакан воды и поставил графин на самый край стола. Графин упал на пол и со страшным звоном разлетелся на множество осколков, расплескав при этом воду на пол, мне на ботинки и Гильде — на её изящные туфельки. Перепугавшись, я резко поставил стакан на место, и он тоже упал на пол и покатился, дробно

дринькая стеклянными гранями. На деревянных ногах я под изумлённым взглядом секретарши шагнул в редакторский кабинет. Державцев на шум даже бровью не повёл.

— Я из Питера... то есть, Пятерыжска, — представился я. — Вы ещё напечатали мою юмореску “Карасятник”, две заметки и очерк. И вот товарищ Кишкунов прислал такое письмо, — я опять стал судорожно шарить по карманам.

— А, Марат! Ну, здравствуй, — просто сказал Александр Сергеевич, как будто знал меня сто лет, привстал и протянул через стол руку. Это был невысокий мужчина средних лет с внимательными серо-голубыми глазами и проседью в тёмных волосах, с лицом крупной лепки.

— Садись. Вот что, парень, ты нам нравишься. Хочешь поработать в газете?

Я онемел. Для меня пределом мечтаний казалось то, что меня напечатали в газете. А тут ещё и зовут в неё работать (откуда мне тогда было знать, что штаты в районных газетах преимущественно вот так и набираются, буквально с улицы — выпускники университетов в сельскую глушь ехать не хотели)!

— Но я ведь, это, без образования, — растерянно промямлил я.

— Дело наживное, — ободряюще сказал Державцев. — Главное, у тебя есть способность к письму. И желание, так ведь?

Да уж, желания писать у меня было хоть отбавляй. Я вернулся в Пятерыжск как на крыльях, сообщил родным, что меня берут в газету. Отец отнёсся к этому известию сдержанно, хотя и видно было, что доволен. Мама же сначала испугалась, потом обрадовалась, прослезилась и сказала с гордостью, что я весь в её пра-пра-прадеда. О нём она рассказывала часто: мой дальний предок был грамотным по тем временам человеком, принимал участие в Отечественной войне 1812 года — был полковым писарем, и в родную татарскую деревушку Амзю “дембельнулся” в карете, набитой трофеями. Тоже мне, сравнила!

Односельчане к тому, что я ухожу работать в газету, отнеслись с любопытной настороженностью: “Надо же, ещё недавно бегал по деревне босиком, а туда же. Ну-ну...”. Управляющий отделением Г. П. Кутышев моё заявление об увольнении подписал без проволочек, директор совхоза Э. Т. Айхлер не возражал (это его дочь Гильда работала в редакции машинисткой), и уже второго октября 1972 года я вышел на работу в качестве штатного сотрудника газеты. Жил на квартире у матери нашего завклубом железинца Григория Витковского, с которым мы дружили. В редакции тогда работали, кроме уже названного Кишкунова, очень сильный газетчик — заместитель редактора Владимир Мартынович Калиновский, и мы: пришедшие сразу после школы дородная заведующая отделом писем Ольга Сущенко, корреспондент Геннадий Державцев, бывший шофёр Владимир Рыжков и я, бывший сварщик. Такая “пестрота” в кадрах объяснялась элементарной нехваткой профессиональных журналистов. А чтобы газету было кому заполнять, редактор вынужден был брать в штат людей, имеющих хотя бы относительные способности в эпистолярном жанре, в лучшем случае — писавших в школе недурные сочинения. Александр Сергеевич, сам в прошлом учитель, нередко обращался в школы при поиске кадров, отсюда — постоянное наличие в штатном расписании двух-трёх вчерашних выпускников.

Из-за школьной парты пересели за редакционные столы и работали со мной в разное время братья Державцевы Геннадий и Леонид, Ольга Сущенко, Пётр Поминов (его старший брат Юрий, ныне редактор областной газеты “Звезда Прииртышья” работал здесь до моего прихода), Юрий Панфилов, Хасан Бахтияров, сын первого секретаря райкома партии Владимир Гегер... И ведь многие из них, попав в газету совершенно неожиданно для себя, успешно прижились в журналистике. А всех их, как и меня, приветил и, можно сказать, благословил на трудную, но невероятно интересную работу редактор Александр Сергеевич Державцев, которого лично я никогда не забуду.

Калиновский

Как я уже говорил, в редакцию “Ленинского знамени” я был принят в начале октября 1972 года, а уже в ноябре того же года мне дали в Железнодорожном благоустроенную двухкомнатную квартиру. Невиданное дело! А получилось так. Заместитель редактора Владимир Мартынович Калиновский, жилистый пожилой мужчина (хотя мне тогда все, кто был старше сорока, казались пожилыми) со спадающей на бугристый лоб светлой чёлкой, получил назначение на редакторство в только что образованную в Экибастузе объединённую газету “Вперёд” (печатный орган одновременно горкома и райкома партии). Редактор Державцев велел мне оставить снимаемую квартиру, топтать со своими шмотками в двухэтажный каменный дом по улице Ленина с утра пораньше и сразу занимать квартиру Калиновского, как только он освободит её.

— Это редакционная квартира, — пояснил мне Александр Сергеевич. — Я её никому не отдам, так что вселяйся, бумаги потом оформим. Но учти: прознают в райисполкоме, что ты один её занимаешь, кого-нибудь поделят. Так что лучше бы тебе жениться. Есть кто на примете? Ну ладно, иди...

И на следующий день ранним ноябрьским утром, под обильным снегопадом, в жёлтом тусклом свете редких уличных фонарей я пробирался, аки тать, с позванивающей панцирной кроватной сеткой на спине и связанной в узел постелью к своему будущему постоянному жилью.

У подъезда Калиновского уже стоял грузовик с откинутым бортом кузова, куда сноровисто грузили замредакторские вещи сам Владимир Мартынович, ответсекретарь Кишкунов, тоже живущий в этом доме, сосредоточенный корреспондент Гена Державцев, он же сын редактора, и толстенький и жизнерадостный, с исходящей паром на лёгком морозце открытой волосатой грудью редакционный шофёр Толя Загородный.

— Заноси своё барахло в дом и присоединяйся к нам, — приказал Калиновский. Я затащил в открытую настежь квартиру на втором этаже свою постель и успел отнести к машине то ли табуретку, то ли тазик — не помню, и погрузочные работы закончились. Мы ещё покурили все вместе в пустой затоптанной квартире с повсюду рассыпанными газетами и журналами, и Калиновский отдал мне ключи:

— Ну, живи! — просто сказал он. И уехал в Экибастуз. Больше я его не видел.

А впервые я встретил Владимира Мартыновича, конечно же, в редакции. Но имя его мне было известно ещё до того, как меня взяли сюда работать.

Фамилия Калиновского стояла обычно под большими статьями, очерками, зарисовками, подаваемыми в газете отличной от других материалов вёрсткой. Но его материалы отличались не только этим. Калиновский писал обо всём с большим знанием дела: животноводы признавали в нём грамотного зоотехника, полеводы — агронома, работники образовательных учреждений — педагога с большим стажем (вот здесь никто не ошибался — Владимир Мартынович имел педагогическое образование), а все вместе представляли за этими газетными строчками человека вдумчивого, неравнодушного, имеющего большой жизненный опыт, а главное — несомненный талант публициста. Я, когда читал материалы Калиновского, очень легко переносился в описываемые им места, события, проникался сочувствием или негодованием к героям его повествований — настолько велика была сила убеждения его письменного слова, которым Владимир Мартынович владел мастерски.

Этот человек, несомненно, стоял среди нашего небольшого редакционного коллектива особняком. Но сам никогда ничем не выделял себя. Был прост в общении, любил играть в шахматы, бильярд. Был у нас в редакции маленький такой, с металлическими шариками бильярд. Он стоял на веранде (на самом деле здание редакции было не чем иным, как жилым домом, хозяину которого, начальнику райсельхозуправления Нефедьеву, дали то ли особняк, то ли благоустроенную квартиру, а в его прежнем жилище затем вполне комфортно разместилась целая редакция) с окнами на улицу и с отдельным входом. И когда наш редактор Державцев уходил или уезжал на какие-то совещания в райком партии или райисполком, мы — замредактора Калиновский, ответсекретарь Кишкунов, корреспондент Геннадий Державцев и я (хотя все вместе мы в редакции бывали редко — обязательно кто-то был на выезде) бросали писанину и шли гонять шарики, металлический стук которых до сих пор стоит у меня в ушах. При этом все одним глазом посматривали через окно на улицу. И если видели подъезжающий белый “Москвич” редактора или его самого, коренастого и в неизменной фетровой или соломенной шляпе, неспешно вышагивающего по пыльной, но тенистой железинской улице, густо засаженной по обочинам тополями и клёнами (зимой на веранде никогда не играли — она не отапливалась), кто-то из нас сообщал: “Шеф идёт”. Мы спешно бросали кии и неслись к своим рабочим местам. Причём первым улепётывал длинноногий и немного нескладный Калиновский. И так не вязалось это его трусливое бегство (мы-то ладно!) с его положением, ролью в газете, его фактурой, наконец, что я всегда с трудом удерживался от смеха. Но что было — то было. Мы все побаивались Александра Сергеевича: он мог так “вздрючить”, никогда не повышая голоса, за опоздание, невыполнение нормы, прогул, что больше ничего подобного совершать не хотелось.

При всём том у Владимира Мартыновича перо, несомненно, было золотое. Его очерки, статьи охотно печатала областная “Звезда Прииртышья”, не отказывались от них и республиканские газеты. И когда появилась нужда в редакторе для вновь открываемой в Экибастузе газеты, в облполиграфиздате выбор пал на Калиновского. Ему предстояло создать качественный печатный орган, подобрать для работы в нём способных журналистов. К тому времени Владимир Мартынович по праву считался одним из маститых газетчиков области, профессионалом высокого класса. И он-таки оправдал доверие облполиграфиздата: создал хорошую газету

“Вперёд” приходила к нам по взаимообмену, и мы в Железинке с удовольствием и гордостью перелистывали её, читали: “это же наш Мартыныч её сделал!”). Да, газету-то он сделал, но “сломался” сам — запил, попал в психоневрологический диспансер, стал инвалидом, в журналистике, естественно, работать уже не мог. Его забрал к себе брат, живущий в одном из совхозов Иртышского района. Однажды Владимир Мартынович Калиновский вышел из дома, в чём был, и больше его никто не видел. Как и не было человека. Но ведь это не так! Он был, и оставил в павлодарской журналистике заметный след, его помнят. А кто забыл о Калиновском — я напомнил.

Григорьич

В “Ленинском знамени” собственного фотокорреспондента тогда не было. Редакция пользовалась услугами фотографов местного быткомбината (конечно же, это не могло не сказываться на качестве снимков — многие из них были иконоподобными). Снимки нам делали кудрявый балагур Саша Кириков и добродушный пьяница Леонид Б. Звали мы его просто Григорьичем. Пьяницей он стал, уже будучи фотографом — появились левые деньги, которые заначивал от своей суровой жены, а тратя их, не проявлял особой изобретательности. До переезда в Казахстан Босов жил на Украине в Горловке, работал на шахте и не пил вообще. Пока его не оскорбила любимая девушка, к которой он бегал на свидания в городской парк культуры и отдыха.

— Ты понимаешь, — жаловался мне Григорьич. — Всё же было хорошо сначала. В кино ходим, мороженого поедим, поцелуемся, потом я её домой провожу. У меня были серьёзные намерения, хотел ей предложение сделать. А она в один тёплый августовский вечер пришла на свидание, я ещё удивился — от неё вроде как винцом пахнет, — и как шарахнет мне в лоб: “Надоел ты мне, зануда, — говорит. — Не пьёшь, не куришь, молчишь всё время, борщом воняешь. Не мужик! Прощай!”. Вильнула бедрами и ушла. Вот тогда я в первый раз напился...”

Потом Григорьич напивался много раз и часто влипал в разные истории. Самая скандальная произошла с ним во время одной из отчётно-выборных районных партийных конференций. Григорьичу поручили сделать снимки для иллюстрации отчёта об этом важнейшем в жизни района событии (всё равно, что партийный съезд для страны). Первые полчаса работы конференции Б. был ещё трезв и скромно щёлкал своим “Зенитом” где-то в середине зала. Потом он пару раз ненадолго отлучился, после чего в глазах его появился демонический блеск. Григорьич очень твёрдой походкой выходил прямо к трибуне, за которой всё ещё читал ужасающе огромный отчётный доклад первый секретарь райкома, и раз за разом сверкал ослепительной фотовспышкой прямо ему в глаза. После каждого такого блика секретарь непроизвольно дёргал головой, потом с минуту, не меньше, заново привыкал к тексту. В конце концов он не выдержал и после третьего или четвёртого захода извергающего молнии Григорьича раздражённо закричал:

— Да уберите вы этого дурака!

Зал зашумел, раздалось смехи. К фотографу быстро подошёл заворотделом райкома и, цепко взяв его за локоть, повёл к выходу. Б. исчез. Секретарь успокоился и, опустив голову, продолжил свой нескончаемый доклад. Но минут через пять его опять ослепило вспышкой, и он буквально

подпрыгнул за трибуну. Это неугомонный Григорьич, где-то снова пригубивший винца, пробрался в зал через другой выход и опять стал “щёлкать” докладчика. При этом он зачем-то взобрался на одну из батарей отопления. Сделав несколько кадров, Григорьич пошатнулся и с грохотом свалился в проход. Из хохочущего зала его уже не вывели, а вынесли.

Разозлённый редактор Державцев, которому быстро доложили, каков был его нештатный корреспондент при выполнении редакционного задания, хотел было отказаться от его фотографий с этой злосчастной конференции. Но никто другой в этот день партийный форум районного значения, кроме Григорьича, не снимал, а без снимков целый газетный разворот с отчётом выглядел бы сплошной портянкой. Скрепя сердце, редактор снова принял снимки своего непутёвого внештатника.

— Ты бы... это, хоть на такие задания ходил трезвый, — сдержанно попросил он Григорьича.

— Ладно, — легко согласился фотограф. И конечно, ненадолго.

После сорока лет Григорьич заболел облитерирующим тромбозом, ему отняли ногу, и хотя на костылях передвигаться он мог, с постели почти уже не вставал. Григорьичу было нельзя курить, и он жестоко страдал от этого. Когда его навещали друзья и, пропустив “по маленькой”, порывались выходить покурить на улицу, он останавливал их и просил дымить при нём, жадно поводя при этом носом. Как-то он сходил в баню к соседям, хорошо там попарился, а приковыляв домой, лег на кровать и... умер. Его убил оторвавшийся тромб. По-моему, Григорьичу не было ещё и пятидесяти. Сейчас в Железинке уже мало кто помнит, кто был такой Леонид Б. Хотя при этом, наверное, почти в каждой железинской семье есть сделанные им фотографии, навечно остались они и в подшивках районной газеты “Ленинское знамя”.

По ту сторону границы

Железинский район, где выходила эта газета (сейчас переименована в “Родные просторы”), находится на севере Казахстана и граничит одновременно с Новосибирской и Омской областями России. Район в те годы имел обширные целинные поля. Урожайность их была предметом особой заботы как районного руководства, так и сельхозотдела редакции, который мне и доверили с первых дней работы в газете. Одновременно, на общественных началах, я также входил в состав районного комитета народного контроля и довольно часто выезжал в хозяйства с рейдами. Разумеется, организатором подобных серьёзных мероприятий, заканчивающихся, как правило, большими неприятностями для директоров совхозов, специалистов, механизаторов (что это за рейд без денежного начёта?), выступали чины от комитета, моя же задача сводилась к освещению рейдов в газете.

Вот так однажды в начале мая, в разгар весенних полевых работ мы выехали с председателем районного комитета народного контроля Ж.Н. Адамовым, суровым на вид казахом, в отдалённый совхоз “Урлютюбский”. Выбрались из райцентра поздно и попали в расположение наменной тракторной бригады уже на закате дня.

Ещё издалека заметив пылящего на конце поля одинокого “дэтэш-ку”, Жолат Назымбекович приказал шофёру ехать к нему. Но, не доезжая

до трактора, вылез из машины и палочкой замерил глубину пахоты. По-мрачнел, замерил ещё в одном, другом месте: тракторист явно халтурил, лемеха его глубокорыхлителя входили в почву едва на половину нужной глубины.

К трактору Адамов подъехал уже туча тучей. Властно махнул рукой трактористу. ДТ-75М завершил круг и покорно остановился. Из кабины его вылез и пошёл нам навстречу невысокий шупленький тракторист-казах, совсем молодой парнишка.

— Ты что же это делаешь, вредитель? — загремел Жолат Назымбекович. — Что тут вырастет после твоей пахоты? Как твоя фамилия? А ну, давай сюда талон качества — рублём будешь расплачиваться за свой брак...

Переминающийся с ноги на ногу перепуганный тракторист молча протянул замасленную книжицу. Сердито пыхтя, Адамов водрузил на нос очки, полистал книжицу, подумал и вернул её парнишке:

— Ладно, смотрю, она у тебя пока нетронутая. На первый раз прощаю. Но ещё раз попадётся мне на халтуре — шкуру спущу, понял?

— Жаксы, ага! — обрадованно сказал тракторист. — Я сейчас всё мигом исправлю.

Он тут же полез с ключами регулировать плуг. А мы поехали дальше.

— Что-то это на вас не похоже, Жолат Назымбекович: взяли и отпустили бракодела без наказания, — сказал я председателю.

— Да, понимаешь, заехали мы с тобой чёрт-те куда: попали в соседний российский совхоз, — сконфуженно сказал Адамов. — Как я мог оштрафовать не нашего тракториста? Но, я думаю, он всё равно нас принял за своих, российских, напугался, и халтурить больше не будет...

Пожалуй, Адамов был прав. Ведь тогда что в России, что в Казахстане порядки были одинаковые: так же по полям и лесам носились рейдовые бригады, так же изымались талоны качества у бракоделов. А что касается того, что нам на российском поле попался казах-тракторист, так их тогда было полно в приграничных районах России. Как и русских в Казахстане...

Как я немцем побывал

В Казахстане в своё время проживало не менее одного миллиона немцев, репатриированных, как известно, в годы войны с Поволжья. Уже в шестидесятые годы для них стала издаваться республиканская газета на немецком языке "Фройндшафт".

Многие немцы к тому времени подзабыли даже разговорную речь на родном языке, не говоря уже о литературном. "Фройндшафт", издававшаяся в Целинограде, испытывала постоянную нужду в материалах: на немецком им местное население практически не писало, а на русском писать не догадывалось, полагая, что если газета издаётся на немецком, то и писать им надо только на этом языке.

Я в то время, не ограничиваясь своей районной, сотрудничал с рядом других, областных, республиканских изданий, и фамилия моя нередко мелькала на страницах областных газет "Звезда Прииртышья", "Кызыл ту", алма-атинских "Ленинская смена" (молодёжка), "На страже" (милицейская), журналов "Шмель" (сатирический), "Сельское хозяйство Казахстана" и других. Это не только тешило моё профессиональное самолюбие, но и давало некоторый приработок, что опять же не мешало при более чем скромных окладах в малой прессе.

Поэтому, когда мне однажды позвонили из “Фройндшафт” с предложением писать им о жизни советских немцев (а у нас в районе их было хоть пруд пруди — даже целые немецкие сёла), я согласился. Писать-то надо было на русском, что меня вполне устраивало, — они там у себя потом должны были переводить мои материалы на немецкий.

Ну, послал один материал, второй... А сам их не вижу, поскольку “Фройндшафт” специально надо было искать или в киосках, или в библиотеках. И вдруг мне приходит перевод — гонорар прислали, не то десять, не то пятнадцать рублей, уже не помню. А в квитке пунктуальные немцы даже указали, в каком номере “Фройндшафт” напечатан мой материал (кстати, больше такой обязательности, в смысле указания номера издания, я не встречал при получении переводов ни из одной редакции, хоть провинциальной, хоть столичной).

Мне стало любопытно: как выглядит мой опус на немецком языке, хотя все мои его познания ограничивались сидевшими в памяти фразами классического типа “Хенде хох!”, “Вас ист дас?” и почему-то началом озорного смешанного русско-немецкого стихотворения: “Айне кляйне поросёнок вдоль по штрассе шуровал...”.

В районной библиотеке нашёл указанный номер “Фройндшафт”, измозолил глазами все его четыре полосы, но своей подписи так и не нашёл: все фамилии, за редким исключением, были немецкими. Что за чертовщина, а где же моя? Наконец, случайно наткнулся в одном из материалов на знакомые имена, названия, цифры, даты. Нашёл! Вот он, мой материал. Но подписан почему-то — правильно, по-немецки, — но и фамилией немецкой: М. Вайс. Вот те раз! Это что-то новенькое.

Быстренько накатал письмецо в “Фройндшафт” со своими вопросами. Через пару недель получаю ответ примерно такого содержания: “Просим нас извинить, но мы думали, что вы, как профессиональный журналист, поймёте наши проблемы. А они в том, что от нас требуют появления в газете как можно большего числа немецких авторов. Но где их взять, если советские немцы перестают владеть своим языком, а тем более — грамотой. Вот мы и пошли на такой нехитрый подлог и, думаем, что вы на нас не будете обижаться за это как коллега на коллег. Ждём от вас новых материалов”.

Я проникся сочувствием и пониманием к своим советско-немецким коллегам, не обиделся и лишь посмеялся. Но долго с этой газетой не сотрудничал, неинтересно было: никто её практически не читал, гонорары “Фройндшафт” платил чуть побольше, чем в районной газете. А случай тот нет-нет да вспомню. Как вот сейчас.

“Вытупление” секретаря

Восьмидесятые годы. Я по графику — дежурный редактор очередного номера экибастузской районной газеты “Вперёд”. Читаю свежие полосы на пару с нашим корректором Татьяной, пухлой и весьма независимой особой. На пару с ней мы вылавливаем и устраняем “блех” — ошибки. Кроме нас, в этот день в корректорской городской типографии, где печатались все экибастузские газеты, дежурит Володя Еремеев из “Угольного Экибастуза”. Нам скучновато, мы сбрасываемся, и Еремеев, как помоложе, сходил за винцом — раз, другой. К концу дежурства настроение у всех приподнятое, газета благополучно подписана в печать, и мы разъезжаемся

по домам. Наутро в редакции нас встречает разъярённый (ныне покойный) редактор Кишкунов и трясёт свежим номером газеты. Что такое? С ужасом всматриваюсь в отчёркнутое редактором место: на развороте печатается отчёт с пленума райкома партии, и в подзаголовке на второй полосе двадцатым кеглем набрано: “Из вытупления первого секретаря райкома партии О. К. Кожанова”.

Вытупления! Куда-то запропастившаяся литера “с” поставила под сомнение умственные способности первого лица района! Как же это мы с Татьяной лопухнулись? Хотя понятно — как.

Кишкунов рвёт и мечет, потом звонит в типографию, узнаёт, что газета на почту ещё не ушла и отдаёт распоряжение пустить весь тираж под нож — это более двух тысяч экземпляров. И отпечатать его заново после исправления ошибки, за мой с Татьяной счёт. Потом Кишкунов всё же отходит, и тираж печатается за счёт редакции. А в тридцатые годы за это можно было “загременить под фанфары”.

Собкор “Звёздочки”

В 1986 году получаю приглашение на работу в областную “Звезду Прииртышья”. Несколько месяцев мотаюсь по области в качестве корреспондента отдела сельского хозяйства. Потом в Экибастузе освобождается место собственного корреспондента “Звёздочки” по ЭТЭК (Экибастузскому топливно-энергетическому комплексу, одной из всесоюзных ударных комсомольскихстроек). Редакция принимает решение направить на место собкора меня... То есть — домой, в Экибастуз. Бывший собкор Виктор Горбенко, крупный, с красивой сединой мужик, быстро сдал мне свои дела — да что там было сдавать — и шустро смотался из Экибастуза в Краснодарский край. Прихватил с собой молодую симпатичную журналистку из городской газеты Наташу Узунову, отбив её у мужа (мог ли я тогда думать, что скоро и сам выкину такой фортель!). Приступать к работе было страшновато. Одно дело — шастать по сельским районам, где чувствуешь себя как рыба в воде, и совсем другое — освещать ход строительства гигантского топливно-энергетического комплекса, о котором в те годы регулярно писали все газеты и журналы, вещали все теле-радиоканалы. В составе комплекса собственно в Экибастузе — объединение “Экибастузуголь” с крупнейшим в мире угольным разрезом “Богатырь”, выдающим на-гора миллионы тонн плохого, но очень дешёвого угля. Его закупают многие электростанции страны — эшелоны с сотнями тысяч тонн угля ежедневно уходят в Омск, на Троицкую ГРЭС, куда-то ещё, сжигаются на местных ТЭЦ, ГРЭС-1. Ещё одна составляющая ЭТЭК — “Экибастузэнерго”. Её электростанции тоже крупнейшие в стране, с самыми высокими в мире дымовыми трубами — более 300 метров на действующей, более 400 — на строящейся ГРЭС-2, ГРЭС-3. Зольность экибастузских углей достигает 40 %. При их сжигании трубы электростанций выплёвывают в небо огромное количество — счёт идёт на тысячи, сотни тысяч тонн в год! — вредных веществ, которые губят всё живое. Вот, чтобы выбросы не сразу падали под трубами ГРЭС, а их уносило бы воздушными потоками и рассеивало над планетой постепенно, и строят такие рекордно высокие трубы. И цель ведь достигнута: высочайшие в мире трубы теперь загрязняют не только необозримые просторы Казахстана и России, но и Монголию, уже, говорят, и японцы жалуются...

Мне всё чрезвычайно интересно. Поехал на ГРЭС-2 делать репортаж о трубокладах, попросил разрешения подняться на трубу (она уже выложена до отметки 380 метров, а всего в ней росточку будет 440, рядом взмётнется ещё одна такая же). Заходим с мастером в основание трубы — в оставленный в её железобетонном чреве технологический проём спокойно заезжает пара грузовиков, разворачивается внутри трубы. Поднимаемся наверх, мне кажется, бесконечно долго — с пересадкой из одного лифта в другой. С десятков-другой метров карабкаемся ещё и по железной лестнице, и вот мы на самой верхотуре. По внешнему кольцу кромки трубы сооружён дощатый настил, по нему, грохоча тачками с жидким бетоном, — он подаётся лебёдкой снизу, — быстро проходят одни трубоклады и вываливают содержимое тачек в опалубку, другие работают с вибраторами, уплотняя бетон, третьи готовят арматурную обвязку, наращивают опалубку. Ветрено, труба ощутимо пошатывается, доски настила под ногами потрескивают, под ними почти четырёхсотметровая пропасть, мимо проплывают рваные клочья сырых облаков, именно сырых, влага остаётся на лице, на руках. А мужикам хоть бы хны!

Подошёл к огороженному краю настила, взялся за поручни и взглянул вдаль, вниз. Город — до него два десятка километров — просматривался бы хорошо, если бы не был так задымлен, внизу машины как спичечные коробки, люди как муравьи. И это пошатывание трубы (если бы она не покачивалась на ветру, то значит, скоро свалилась бы — определённая амплитуда колебаний закладывается строителями по технологии)! Удовлетворив своё любопытство, хочу вернуться к мужикам, продолжить разговор. Но что такое? Руки от ограждения не отрываются, костяшки пальцев аж побелели — так на меня подействовала высота. И ещё, наверное, с неделю я просыпался от кошмара: падаю с трубы вниз, рассекая облака и распугивая птиц. А очерк “Трубоклады” всё же получился неплохой, его в редакции отметили.

Следующий мой визит — к проходчикам. Уголь в Экибастузе хоть и добывается открытым способом, но под каждым разрезом прокладывается дренажная сеть, она помогает осушать дно разрезов от грунтовых вод. Спускаемся с инженером по технике безопасности на специальном составчике, возящем проходчиков по рельсам с уклоном не менее в 40 %, на сотни метров вниз. Над головой проплывают тускло горящие светильники, снизу тянет холодом — это работает вентиляция. Спустились. У меня на голове — шахтёрская каска с фонариком во лбу, на мне также шахтёрская роба с тяжёлым аккумулятором на поясе, кирзовые сапоги. Я топаю вслед за инженером по плохо освещённым и бесконечно длинным подземным галереям, они укреплены специальными железобетонными арками — это работа проходчиков. Под ногами хлюпает, вода струится по чёрным блестящим стенкам, капает с потолка. Обходим кучу угля впереди. “Вывал”, — коротко бросает инженер. С опаской смотрю вверх — вдруг ещё чего-нибудь вывалится. Беседуем со встречающимися проходчиками. Жалуются на нехватку материалов, на что-то там ещё. Все чёрные, хмурые. Впервые вижу работу угольного комбайна — проходчики пользуются им для прогрызания дренажных штолен, стволов, ортов, штреков, или как там ещё. Фантастическая машина.

Всё записал, блокнот, руки — чёрные. Пора наверх. А составчика нет — он наверху. Ждать, когда он вернётся, нам не хочется, и инженер

по технике безопасности машет мне рукой — поехали. Наверх как раз поднимается грузовой состав с выбранным комбайном углём. И мы с инженером по технике безопасности, в нарушение всех инструкций, цепляемся за ковшы-вагончики и поднимаемся вверх. Внимательно слежу за приближением светильников и, поравнявшись с каждым из них, пригибаюсь, иначе можно зацепиться головой. Моюсь в душе, вода с меня стекает грязнушая, а ведь я побыл-то в дренажной шахте всего пару часов. Оделся, причёсываюсь перед зеркалом — глаза остались как бы подведёнными тушью. Настоящие шахтёрские глаза!

В “Звезде Прииртышья” появляется ещё один рассказ о тружениках ЭТЭКА, за ним другой — я несколько часов провёл в обществе взрывников. Они “встряхивают” внутри разреза угольные пласты один за другим, чтобы их легче было выбирать роторным шагающим экскаваторам (ЭРШРД). Один из этих монстров — целое предприятие на гусеничном ходу, мерно гудит неподалёку, за считанные минуты заполняя углём вагоны медленно проплывающего мимо железнодорожного состава. Громко воет сирена, извещая о предстоящем взрыве (взрывники уже начинили очередной пласт сотнями зарядов), все находящиеся рядом люди прячутся в отведённых местах. Я захожу за громаду экскаватора и из-за гигантской гусеницы, как из-за бруствера, смотрю на подготовленный к взрыву горизонт. Вздрагивает и лопается земля, к небу вздымается чёрная стена и опускается как в замедленной киносъёмке. До экскаватора долетают отдельные куски угля и барабанят по его корпусу. Всё, здесь уголь можно выбирать дальше. Я еду домой — писать.

Служебный роман

В моей зоне, кроме Экибастуза, ещё и сельские Экибастузский и Баянаульский районы, куда надо выезжать регулярно, особенно в периоды массовых аграрных кампаний. Трудно всё охватить самому, и не случайно в задачи собкора входит и создание авторского актива, который бы регулярно писал для областной газеты. Легче всего “навербовать” перьев в редакциях выходящих в зоне собкорства газет. В районной — “Вперёд”, городской — “Заветы Ильича” меня все знают, поскольку в первой я ещё недавно работал сам, во второй сотрудничал очень плотно и мне там и тут всегда готовы помочь. Налаживаю связи с многотиражками “Ленинская искра”, “Угольный Экибастуз”. Охотней всего я бываю в редакции “Ленинской искры”. Здесь работает Светлана Бурыкина, часто и много пишет об энергостроителях — что мне и надо. Подписывается девичьей фамилией Романовская, которая подходит ей больше — чувствуется порода. Хорошенькая, изящная шатенка с точёной фигуркой и чеканным профилем надменного личика, она притягивает мужчин к себе как магнитом, а в женщинах вызывает ревнивую неприязнь. Я на неё и раньше обращал внимание, отмечая про себя, что вот было бы неплохо приударить за этакой... цацей. Да наши пути всё как-то не пересекались, лишь изредка встречались мы в автобусах (жили в одном микрорайоне), да когда совпадали дни дежурств в типографии, что случалось очень редко. Здесь же через день, через два заглядывал в “Искорку” уже как бы по служебным обязанностям (Светлана согласилась писать для “Звезды Прииртышья”) и замечал, что меня ждут.

Мы всё сближались и вот уже с головой окунулись в стремительно развивающийся роман. Я понял, что вляпался безнадежно. Мне было далеко за тридцать, а я, как мальчишка, сломя голову бежал на свидания, с замиранием сердца ждал её телефонных звонков. Мы оба были несвободны, но это уже не могло остановить ни меня, ни Светлану. Влюблённые всегда теряют голову, что произошло и с нами. Скоро о нашей связи заговорил если не весь город, то половина — это точно. Нас всячески пытались растащить (не хочу даже вспоминать — как). Всё кончилось тем, что мы оба ушли из своих семей, сняли однокомнатную квартиру и были безмерно счастливы. Кто-то нас одобрял, кто-то осуждал, но мы знали одно: пути назад нет, там ничего уже не склеишь, там будет только обман, а нам порознь уже нельзя.

Но жить в Экибастузе нам бы всё равно не дали. И я написал в кучу северных газет — хотелось уехать как можно дальше. Где-то через месяц начали приходить ответы — из Архангельска, Мурманска, Норильска, Хабаровска, Владивостока... Вакансии были, но лишь для одного из нас. Мы же хотели не просто жить, но и работать только вместе. А тут подошел ответ из Красноярского края — редактор окружной газеты «Советская Эвенкия» Эдуард Иванов писал, что согласен принять нас обоих, пообещал помочь и с жильём. Он расписывал, какие в Эвенкии природа, рыбалка (а я заядлый рыбак), охота и прочие прелести северной стороны. Впрочем, мог бы и не стараться — главное, что он не разлучал нас, и это определило наш выбор.

Здравствуй, Север!

И вот в июне 1989 года мы летим из Красноярска на север, в столицу Эвенкии Туру в маленьком «Як-40». Летим час, второй, и всё это время «под крылом самолёта о чём-то поёт зелёное море тайги». Наконец, самолёт приземляется. Выходим на бетонку аэродрома. Холодно, моросит мелкий дождь, а мы одеты очень легко. Верчу головой по сторонам — должен же подъехать за нами автобус. А его нет и нет. И народ тоже не расходится, все стоят неподалёку от приземлившегося самолёта, чего-то ждут. Вдруг раздаётся рокот, над нашими головами висает и сваливается на бетонку чумазый вертолёт. Все спешат к нему. Светланка с Владиком (её девятилетний сын) с немым изумлением смотрят на меня, я — на них. Потом хватаем чемоданы и втискиваемся в эту винтокрылую машину, которую так близко мы все трое видим впервые. Вертолёт задрожал и со свистом оторвался от земли. Летим стоя, салон набит битком — людьми, почтой, багажом. Пассажиры чинно беседуют, силась перекричать грохот двигателя.

Несколько минут полёта — и вертолёт высаживает нас в Туре по-настоящему, в местном аэропорту. А перед этим, оказывается, был междугородный аэропорт «Горный». Идём к выходу в посёлок, увязая в грязи. Нас никто не встречает, хотя телеграмму в редакцию я отбил. Добираемся пешком. По дороге продолжаем устало удивляться. Бесстыже развалившимся там и тут деревянным коробам теплотрасс, бесцеремонности часто встречающихся мокрых грязных собак — они неспешно трусят по тротуару навстречу и напроць отказываются уступать дорогу, — обшарпанным домам, безлюдности улиц. Нутром чую — вот она, начинается наша северная жизнь. Глазами со Светланкой стараюсь не встречаться. Завёз, что называется...

Редакция газеты размещается в потемневшем от времени деревянном (да в Туре практически всё жильё и объекты соцкультбыта деревянные) здании, сумрачном и прохладном как погреб в летнюю жару. Нас встречают доброжелательно и в то же время со сдержанным достоинством, за которым можно прочесть: “Мы-то здесь давно. Посмотрим, на сколько вас хватит”. Редактор Иванов, лысоватый, с открытым простым лицом мужчина моих лет, создаёт впечатление своего парня. Так оно и есть, с ним легко и просто. Нам нужен угол — как-никак целая семья прибыла. Иванов тащит нас к себе, его жена с детьми в отпуске и он холостякует. Живём несколько дней у него. В первую же ночь выхожу на улицу по потребности. Время около двух, а на улице светло как днём. Сосед Иванова, насвистывая, красит лодку, по деревянному тротуару осторожно пробирается кошка с ошарашенными глазами. Кошкам здесь очень несладко. Во-первых, эти истинные ночные хищники никак не возьмут в толк, почему здесь, когда их после долгой зимы, наконец, начинают выпускать на улицу, круглые сутки день; во-вторых, на улице им вовсе не до охоты — в Туре полно бродячих собак, для которых кошка сама становится объектом охоты, тот же соболь с виду.

Экстремальная экзотика

Иванов договаривается с коммунальной гостиницей, даёт нам на время крохотный и в то же время очень тяжёлый (железный, что ли) редакционный телевизор “Романтик”. Переезжаем в деревянную двухэтажку у здания аэропорта, занимаем одну из комнат на втором этаже. Здесь живут сутками и неделями, ожидая своего рейса, жители отдалённых факторий — преимущественно эвенки, якуты. Постоянно пьяные вопли, всё время кто-то путает двери, не успеваешь выталкивать непрошенных гостей; толпами, не обращая на тебя внимание, бродят тараканы, и понимаешь, что истинные хозяева в этом клоповнике — они. Светланка на грани срыва, но держится пока молодцом. Правда, иногда глубоко уходит в себя, в такие минуты её лучше не трогать. С ней происходит то, что происходит с тепличным цветком, пересаженным из комфортной оранжереи в открытый грунт. Наш союз проходит настоящее испытание на прочность этим вот первобытным бытом.

В зарплате мы потеряли оба — у меня как у собора вместе с гонорами в иные месяцы выходило до 400, Светлана в отраслевой многотиражке стабильно получала свои 300. Здесь нас проводят корреспондентами, с районным коэффициентом (северных надбавок пока ноль) “зашибаем” на двоих в пределах 500 — вот он, длинный северный рубль. Впрочем, на жизнь нам хватает, да и не за барышами мы сюда, по большому счёту, ехали. Мы начинаем осваиваться.

Иванов читает первые подготовленные нами материалы и веселеет. Первая командировка. С фотокором В. Прошевым нас включают в специальную комиссию в составе представителей окружка партии, окрсельхозуправления, райисполкома, кого-то ещё. Летим на восток округа, в сёла Кислокан, Юкту с целью проверить подготовленность хозяйств к зиме. Везде проводим собрания (господи, и тут собрания — как же мы любим сотрясать воздух!), сопровождающие нас начальники записывают и делают вид, что запоминают высказываемые обиды, предложения, критику.

По многолетнему опыту знаю, что почти всё останется, как было, без движения. Разве что газета потом лишний раз напомним, что не мешало бы сделать то-то и то-то. Между тем в Юкте совхозная картошка может остаться под снегом. Завсельхозотделом окружкома Царьков, председатель райисполкома Сидоров матерятся и принимают дельное решение: помочь выкопать картошку. Правильно, пусть одним собранием будет меньше. Нас в группе человек восемь — чуть ли не половина рабочей силы Юкты. Выкапываем, собираем картоху, а руки уже мёрзнут, хотя на дворе только-только начался сентябрь. Впереди — наша первая северная зима.

Жизнь на Крайнем Севере в девяностые годы была — во всяком случае, в Эвенкии, каждодневным испытанием, борьбой за выживаемость, никогда не прекращающейся “экстремалкой”. И это не громкие слова, а горькая констатация действительности. В Туре, как практически во всех любых других населённых пунктах округа, каждую зиму кто-нибудь замерзает насмерть. Обязательно перемораживаются пара-тройка домов, учреждений. С небольшими промежутками бушуют пожары. В огне гибнут ветхое жильё, конторы, какие-то производственные объекты, люди. Холодно в домах, стыло в учреждениях, вот народ и согревается, кто как может. Нам, наконец, дали однокомнатную квартирёшку. Единственное достоинство этого жилья — работа в паре сотен метров. Квартира на первом этаже — для Туры с её брусовым жильём нет ничего хуже, и в этом я убеждаюсь с первыми крепкими морозами. Батареи едва дышат, хотя до котельной — только через теплотрассу перебраться. Когда на улице за 40, вода в ведре на полу замерзает. Да что там — она и в подвесном умывальнике покрывается коркой льда.

Жильцы регулярно навещают соседнюю котельную: проверить, не пьют ли кочегары. То же самое делают рейдовые бригады, милицейские наряды. Кочегары, конечно, пьют. Потерявших сознание увозят, на их место привозят трезвых. Но уголь дрянной, в нём больше породы и нужную температуру через прогнившие тепловые коммуникации нагнать почти невозможно. И потому все, кто может, ходят с вёдрами к угольным кучам у котельных. Хожу и я туда каждый вечер, как шахтёр к себе в забой на смену. Как ни придёшь, обязательно видишь несколько сидящих на корточках жителей окрестных домов, с матерками набивающих вёдра, мешки углём, который надо тут же, по ходу отсортировывать от кусков породы. Кочегары, время от времени выкатывающие из котельной тачки с дымящейся золой, косятся на нас — после каждого такого набега угольная куча уменьшается, становится менее качественной, — но молчат. Да и что тут скажешь? Прежде чем улечься спать, я вытапливаю в печке до шести вёдер угля (они превращаются в четыре ведра золы — вот такое качество привозного угля. Абсурдно, но на территории Эвенкии при этом находится крупнейший в стране и совершенно ещё нетронутый угольный бассейн — Тунгусбасс). В метре и выше от пола почти жарко, а ногам по-прежнему холодно, халабуда, в которой мы живём, тепла совершенно не держит. Я прикрываю печную выюшку, чтобы тепло не так быстро покинуло наше жилище. Утром встаём в уже напрочь выставившей квартире. Но топить некогда, теперь уже до вечера.

Однажды утром с неимоверным трудом просыпаюсь от жалобного стона Светланки. Голова раскалывается, перед глазами всё плывёт. Жена, не открывая глаз, всё время повторяет одно и то же:

— Марат, дай лекарство, у меня голова сильно болит!

Я вырос в селе и понимаю, что мы угорели. На ватных ногах, пересиливая приступ тошноты, добираюсь до окна и выбиваю стекло в законопаченной двойной форточке. Оживаю с каждым глотком морозного воздуха, бегу к соседям вызвать по телефону “скорую помощь”. Светланка лежит с лицом белым как полотно, её рвёт. Приехавшая фельдшерица выслушивает мой сбивчивый рассказ и делает Светланке какой-то укол. Медичка внешне спокойна, но глаза испуганные. Она, как и я, понимает, что мы чудом избежали гибели. “Скорая” уезжает, я ставлю на стул у постели жены чашку горячего чая с лимоном, но она заснула. Я уйду на кухню, закуриваю и кашляю, кашляю, сдерживая сухие рыдания. Господи, я ведь чуть не убил нас обоих (Владика после первой же зимы от греха подальше отвезли к его бабушке в Кызыл-Орду)! Лишь потом выяснилось, что я после того, как протопил на ночь печь, сделал всё правильно. Это Светка посчитала, что я неглубоко толкнул печную задвижку, ей было жаль уходящего тепла, и она подтолкнула задвижку ещё немного. Спать-то было тепло, но мы ведь могли и не проснуться.

Про довольствие

Морозы в Эвенкии просто потрясают воображение: тридцатиградусная стужа здесь устанавливается уже в октябре и держится весь ноябрь, “зашкаливая” и за 40; 45-48 — весь декабрь, 53-55 — пару недель в январе, и опять 45 — до марта. Мы по неопытности в первый год закрепили на окне с улицы ртутный термометр, а шкала его заканчивалась на 40 градусах. Потому купили пружинный, тот может показать до 50 градусов. Но и его порой не хватает. Говорят, рекорд, зарегистрированный в Туре — 67 градусов. Впрочем, здешние морозы переносятся даже легче, чем североказахстанские 30 с ветром, главное — беречь нос и щёки да быть тепло обутым.

В такие морозы в Туре тишина — мёртвая, лишь стоит густой туман, да иногда гулко каркнет со столба огромный, величиной с гуся, аспидно чёрный ворон. Из птиц только они в такие дни оживляют промёрзший насквозь пейзаж. Жалко бездомных собак. Они прячутся где-то в тепло-трассах, но голод не тётка, и каждое свежавываленное в деревянный мусорный короб (непременный атрибут любого туринского двора) ведро с дымящимися объедками, нечистотами тут же привлекает к себе три-четыре крупно дрожащих псины. Вытягивая от усилия шеи и царапая стенки “мусорок” когтями, они вскарабкиваются внутрь заледенелых ящиков и жадно пожирают всё, что хотя бы отдалённо похоже на съестное. Вспыхивают короткие ожесточённые схватки, свирепое рычание перемежается почти женским рыданием побеждённой более слабой шавки. Она кубарем катится вниз и с поджатым хвостом исчезает в морозной мгле...

А помойки в Туре в начале девяностых годов всё беднее и беднее. Страна голодает, и дефицит еды проникает и на Север. Хотя с продуктами здесь было всегда лучше, чем на материке. Я помню, как то ли в 1963, то ли в 1964 году — в целинном Казахстане! — люди давились в очередях за хлебом, в нашем сельском магазинчике в сутки его отпускали на человека всего по 300 граммов. Когда уже работал в газете, в Железинке, являвшейся центром крупного животноводческого района, имевшей собственный маслозавод, огромные стада овец, крупного рогатого скота, свиней,

с продуктами всегда было туго. Скот откармливали и вывозили на мясокомбинаты. Сливочное масло практически всё уходило в областной центр, а что оставалось — расходилось по так называемым закрытым учреждениям (больницам, детским садам — ну да это святое дело), да с заднего хода отпускалось блатным.

Особая примета тех лет: высокие глухие заборы вокруг усадеб главных районных, совхозных начальников, с задними калитками и воротами, откуда втихаря завозилась или заносилась — в зависимости от чина и объёмов — дефицитная жратва. Мяса в свободной продаже, так же, как и масла, практически никогда не было. Куда всё девалось — оставалось полной загадкой. Ну не съедали же всё, что складывали в закрома родины неутомимые труженики села, советско-партийно-хозяйственные кадры? Даже если жрали в три горла, их, по сравнению с нынешней невероятно расплодившейся чиновничьей братией, было всё же куда меньше.

В Экибастузе жизнь до середины восьмидесятых годов была сытной. Это был город шахтёров, энергетиков, здесь был ЭТЭК, и снабжался он отменно. Колбасы — какие хочешь, во всяком случае, три-четыре сорта всегда присутствовали; мяса — навалом, кофе растворимый, сгущёнка, тушёнка... Коммунизм, да и только. В то же время вся Павлодарская область голодала, в соседних российских регионах народ варил супы из рыбных консервов. И потому в Экибастузе всегда было полно машин из соседних казахстанских областей, а также с российскими номерами: люди приезжали сюда за едой, чтобы затариться впрок. И тогда ещё не делили на своих и чужих, отпускали всё и всем подряд. А уже ближе к перестройке и в первые годы правления Горбачёва даже в Экибастузе стали вводиться ограничения, дефицитом отоваривали (слово-то какое появилось тогда! На сленге оно ранее означало «дать в морду») — уже преимущественно через предприятия, учреждения.

В Туре мы обрадовались, когда увидели в гастрономе ряды банок с тушёнкой и сгущёнкой. Думали, хоть на Севере сохранилось изобилие. Фигушки! Оказалось, отоваривают только по спискам. А свободно можно было купить вечно кровавую чёрную оленину. Это как же надо было не любить потребителя, чтобы выставлять на продажу продукт вот в таком виде!

Ушли, чтобы остаться

Все эти наблюдения, результаты поездок в командировки, помимо корреспонденций, статей, репортажей и заметок, ложатся в основу фельетонов «На деревню дедушке», «Собачья жизнь», «Зуб» и других. Их печатают наша «Советская Эвенкия», «Красноярский рабочий», «Красноярские профсоюзы», «Экология Красноярья». Налаживаю регулярный выпуск сатирико-юмористической страницы «У-(Скребок)». Такое название странице даём по совету заместителя редактора Ю. А. Шебалина. Этот высококлассный журналист, автор уже нескольких книг, мог бы спокойно работать в какой-нибудь из центральных или, на худой конец, краевых газет. Но он предпочитает всем столицам Туру и эту маленькую северную газету. Юрий Александрович женат на эвенкийке, кандидате педагогических наук З. Н. Пикуновой (первой эвенкийской кинозвезде, снявшейся в главных ролях в фильмах «Мой друг Тыманчи»,

“Злой дух Ямбуя”), вообще очень любит всех эвенков и главная тематика его публикаций, наряду с партийной, — защита и сохранение маленьких северных народов и среды их обитания.

“У” — так называется эвенкийский инструмент скребок, который используют при очистке выделываемых шкур от грязи, сала, всего лишнего. Весьма подходящее название для сатирической страницы. На её основе, кстати, решил сделать свою дипломную работу, уже и название придумал: “Юмор и сатира на страницах газеты “Советская Эвенкия”. Ещё в Казахстане я поступил на заочное отделение факультета журналистики Казахского госуниверситета им. С. М. Кирова (сегодня — им. Аль-Фараби). Здесь продолжил учёбу. И каждый год в марте улетаю на сорок дней в Алма-Ату на экзаменационную сессию. У нас ещё тридцатиградусные морозы, а в Алма-Ате всё уже зелено, зацветают яблони и вишни, теплынь. Учёбу начинал казахстанцем, продолжаю россиянином, жителем Крайнего Севера. Всем крайне интересно, что такое Эвенкия, где она, что за люди там живут. Рассказчик я неважный, больше предпочитаю, чтобы меня читали, а не слушали. А тут слушают, с любопытством шуршат страницами привезённых мной экземпляров нашей северной газеты, где чуть ли не в каждом номере запросто пишется об охоте на соболя, об оленеводах и геологах, на снимках — сцены из таёжной жизни с чумами, оленями. Этот колорит, романтика всех завораживают, и я предпочитаю не распространяться, что на самом деле за ними стоит.

Но вот все зачёты, экзамены сданы, в зачётной книжке — заветная запись о переводе на следующий курс. В Алма-Ате совсем жарко, когда я занимаю место в вылетающем на Красноярск “Ту-154” — уже студентом четвёртого курса КазГУ.

Счастливый, спешу по грязным раскисшим улицам Туры — уже май, и здесь тоже весна, — домой. По дороге встречаю нашего корректора Елену Лелис. На минутку останавливаюсь, чтобы поздороваться, узнать последние новости. И как обухом по голове: нашего редактора Эдуарда Иванова уже нет в живых. Светланка при последнем телефонном разговоре со мной утаила горькую весть — побоялась, что это помешает мне сдать последний экзамен. Спрашиваю, что да как? Повесился у себя дома в ночь на первое мая 1991 года, на детской скакалке. Ну не было у него видимых причин для самоубийства, нельзя же домашние ссоры, неурядицы отнести к таковым. А вот, пожалуйста, — в сорок лет поставил точку в своей жизни. На могиле ему поставили стилизованный памятник — симбиоз пера и гитары. Они в его жизни были неразделимы, журналист, редактор Эдуард любил петь под гитару. Он вообще много чего любил, и особенно рыбалку в верховьях Тембенчи. Так любить жизнь и добровольно уйти из неё — не понимаю. Но и не осуждаю — это уже не в нашей компетенции.

Увы, но это не последняя наша потеря. Через полгода, не дожив даже до северной пенсии, неожиданно умирает Ю. А. Шебалин. Его нашли ничком лежащим в теплице — прихватило сердце. Оно у него и так было не железным. А тут грянул августовский путч. Шебалин, будучи коммунистом до мозга костей и оставаясь в это время за редактора, открыто высказался в поддержку гекачепистов в редакционном, но не подписанном им самим материале, таким образом вольно или невольно выдав своё собственное мнение за позицию всей редакции. Разразился скандал, на нас “наехал” “Красноярский рабочий”, звонят возмущённые читатели.

И.о. редактора Свиридову, вернувшуюся к тому времени то ли из отпуска, то ли из командировки, потащили на расправу в администрацию округа, в крайуприздат. Дело завершается тем, что Шебалина понижают в должности до заведующего отделом. Сказать, что Юрий Александрович переживал — значит ничего не сказать... Хороним Юрия Александровича недалеко от Иванова, обязательно навещаем их как в родительский день, так и в годовщину смерти, они ещё долго как бы остаются членами редакционного коллектива, и оставаться будут, пока мы их помним. А теперь надо ещё навещать и Володю Полунина, директора типографии, добродушного, никогда не унывающего толстяка. Неподальку от Ванавары на берег таёжной речки Чамбы падает пассажирский "Як-40". Гибнут все пассажиры и члены экипажа — всего 27 человек. И среди них жена Полунина. После похорон Любаши (так ласково он называл свою жену) Полунин какое-то время ещё крепился. А потом сорвался, запил... Нашли его дома в петле, стоявшим на коленках. Хоронили на новом кладбище — Тура за семьдесят с небольшим лет своего существования, с максимальным количеством населения в семь тысяч человек, заполнила уже два погоста в поселковой черте, интенсивно "обживает" третье насыпное (там скальные породы, и потому для рытья могил сверху насыпали десятки тысяч тонн сыпучего грунта) в тайге. Средний возраст укладывающихся туда один за другим мужчин — 40-45 лет...

Гиря

Ну да хватит о грустном. Мы с фотокором Грошевым вылетели в очередную командировку, на этот раз в Байкит — один из трёх районных центров Эвенкии. Смотрелись на пару дней на буровую, "обсосали" все более или менее значимые организации в самом райцентре — материала набралось выше крыши. Можно лететь домой. Обошли напоследок местные магазины. В "Культоварах" увидел коренастую, в 24 килограмма, гирю. А я ещё с Экибастуза взял за правило заниматься по утрам силовой зарядкой. Естественно, с собой из Казахстана ни гирю, ни гантели не привёз. В Туре же их в продаже почему-то не оказалось, и я всё тягал какие-то самодельные железяки. Обрадовался, купил гирю. От гостиницы до аэропорта — с километр, и всё в горку. В день отлёта ждём обещанную нам из администрации района машину. А её нет. Звоним, говорят — сломалась.

— Михалыч, — говорю Грошеву, — надо топать. А то опоздаем на самолёт.

Опаздывать не хочется. Мы и так уже вторую неделю сидим в Байките, Светка оборвала все телефоны, разыскивая меня.

Михалыч тащит свою и мою сумки, я с пыхтеньем волоку, то и дело меняя руку, гирю. Окружающая нас чудная природа через свои приметы сообщает о порче погоды: туман, низкая облачность, мокрый снег... Нехорошее предчувствие жмёт мне грудь, или это просто спазм натруженной грудной мышцы? Что ни говори, а гиря хоть и всего на полтора пуда, но тяжёлая, зараза. Особенно — на дальней дистанции. Но через полчаса мы, распаренные, задыхающиеся, уже в порту. Ждём рейса. Народ вокруг делает вид, что не замечает моей гири — мало ли какие чудачки прилетают в Байкит.

Отправку самолёта из-за погодных условий переносят раз, другой, третий. Потом вообще дают отбой до завтра. Сидим на жёстких лавках в самых расстроенных чувствах. Народ же быстро рассосался, позакрывались и все немногочисленные службы порта. Надо идти обратно в гостиницу. А гирю оставить негде. Бросить же жалко, давно о такой мечтал. Решаю тащить её с собой, благо теперь идти под горку. Бодро насвистывая сквозь стиснутые зубы, колобком качусь в Байкит.

Наутро в порт идём заранее, не спеша, поэтому и гирю тащить как будто легче. Однако и сегодня повторяется та же самая история — самолёт раз разом отбивают, погода безнадежно испортилась. Снова возвращаемся в опостылевшую гостиницу. С гирей я будто бы уже сросся и даже непринуждённо помахиваю ею на ходу. И неожиданно для себя делаю невероятное, на первый взгляд, предположение: наше невезение оттого, что я всюду таскаю за собой эту чёртову гирию. А она снова страх как тяжёлая, потому что мы уже отмахали с полкилометра от порта, шея у меня взмокла и колючий шарф неприятно натирает её. Я мгновенно раздражаюсь на себя, на гирию, на весь белый свет, и ухаю эту опостылевшую железяку с мостика, по которому мы сейчас проходим, прямо в ручей. Гирия вздымает фонтан брызг и скорбно замирает на дне неглубокого и прозрачного ручья. А с моих плеч будто гора свалилась. Михалыч удивлённо смотрит на меня и хмыкает.

Самое интересное ждёт нас на следующий день. С утра к гостинице подкатывает машина — починили. Мы с комфортом добираемся до порта. Погода как по заказу солнечная и тихая, посадка в самолёт проходит по расписанию. И я жалею, что вчера так безобразно обошёлся с гирей: вот донёс бы её снова до гостиницы, сегодня она бы уже летела со мной в Туру. А с другой стороны, вдруг бы эта гирия послужила той самой последней каплей для перегруза самолёта, который повлёк бы за собой какие-то нехорошие последствия? И я бы больше никогда не увидел свою Светланку? Ну её, эту гирию, пусть себе лежит в ручье!

Рыбацкие байки

“Эй, на судне!”

Однажды приехал я на выходные в своё село Пятёрыжск из райцентра Железинка, где тогда работал в районной газете, и в воскресенье отправился на рыбалку. Клевало на Иртыше в тот день просто замечательно, и в садке становилось всё теснее от ельцов, окуней, сорог, подъязков. Время летело незаметно. А мне надо было успеть на автобус — с утра на работу. И как назло, часы я забыл дома, а на берегу в этом месте, недалеко от подъёма в деревню, я был один.

И тут послышался рокот — мимо проплывал пассажирский теплоход на воздушной подушке “Заря”. У моей деревеньки пристани не было. Да “Заре” она и не нужна была: обычно, завидев людей, стоявших у таблички с расписанием движения, капитан наезжал носом судна прямо на берег.

Я рыбачил как раз неподалёку от этой самой таблички. На “Заре” меня увидели и сбавили ход, раздумывая, пассажир я или просто так. “Вот кто мне скажет время!” — обрадовался я и призывно замахал рукой. “Пассажир”, — поняли на “Заре”. И судно направилось к берегу. На носу стоял

матрос, готовясь скинуть мне трап. В рулевой рубке с папиросой в зубах торчал капитан, с кормы выглядывал шкипер.

— Не надо приставать! Не надо! Я не поеду с вами! — закричал я, сияясь переорать рокот двигателя. — Скажите только, сколько времени?

Шкипер приложил ладонь к уху:

— Чего?

— Этот козёл время спрашивает, — обиженно прокричал матрос.

— Полвторого, — рявкнул высунувшийся из рубки капитан.

— Спасибо, — вежливо сказал я. — Езжайте дальше.

... Бросив судно на произвол судьбы, они все втроем гнались за мной почти до самой деревни. Но потом опомнились и повернули обратно. Во-первых, родная деревня меня в обиду бы не дала. Во-вторых, непришвартованную “Зарю” могло унести течением без экипажа.

— Больше нам не попадайся! — пригрозили мне на прощание “речные волки”.

Нашли дурака. С тех пор, если мне надо было сплавить в соседний райцентр Иртышск, я у себя в Железинке садился только на “Ракету”...

А бабочки крылышками “бьяк-бьяк-бьяк”!

Дело было летом, в Железинке. Я собрался с вечера на рыбалку на Старицу (старинное русло Иртыша, ставшее протокой): накопал червей, приготовил удочку и закидушку. А душной ночью на улице... пошёл снег. За окнами, в свете уличных фонарей, беспорядочно метались мириады крупных снежных хлопьев. На самом же деле это был не снегопад. Каждый год в июне в одно и то же время из глубин Иртыша вылетает бесчисленное множество белёсых бабочек-однодневок, в которых переродились живущие на дне реки в глинистых норках страховидные личинки мотыля (или, как его называют иртышане, “бормыша”).

Эти бабочки живут считанные часы — их задача отложить яйца на берегу, а то и водной глади, и навсегда сложить свои хрупкие крылышки. Но если где-то рядом есть населённый пункт, бестолковые бабочки миллионами устремляются на свет горящих фонарей, бьются о стёкла квартир с не выключенным ещё освещением и откладывают свои яйца уже где попало.

Увидев эту круговерть за окном, я понял, что рыбалка пропала: к утру вся береговая поверхность реки будет завалена трупиками однодневок, которыми будет обжираться рыба. На червя уже не посмотрят ни степенный чебак, ни суетливый елец, ни даже ненасытный ёрш. Но ещё была надежда, что вот на бабочку-то они и могут клянуть. И я придумал, как заготовить однодневок, не выходя из дома. Я просто оставил включённым в зале свет, открыл настежь балкон и спокойно улёгся спать, предполагая встать утром пораньше и собрать налетевших за ночь мотылей. Уж на консервную-то банку их наберётся, а больше мне и не надо.

Будильник сработал вовремя. За окном спальной было уже светло. Пожёывая, я открыл дверь в зал и буквально очумел. Комната была завалена сугробами! И эти сугробы ещё копошились. Бабочки были везде. Под их толстым слоем не было видно ни пола, ни стола, ни дивана! Вообще ничего, кроме стен и потолка. Да и они были частично облеплены вездесущими крылатыми насекомыми.

В общем, на рыбалку в тот день я не пошёл. И на работу тоже — по крайней мере, до обеда. Битых несколько часов, проклиная всё на свете, я сначала при помощи совковой лопаты, а потом уже просто веника и совка выгребал на балкон, а оттуда сваливал на улицу килограммы и килограммы бабочек. А потом ещё и отчищал квартиру от липкой яичной массы — ведь эти крылатые монстры успели отложить своё потомство!

Кстати, о мамонтах

Всякий раз, бывая в краеведческом музее либо у себя в Туре, где я сейчас живу, либо в Красноярске, и, глядя на мамонтовы мощи, вспоминаю вот эту историю.

Как-то, опять же в Железинке, пошёл я на рыбалку на Старицу. Но в тот день клевало неважно. На влажном илисто-песчаном берегу присесть было негде. Я заметил неподалёку какую-то корягу. Подтащил её, почему-то страх как тяжёлую, поближе к снастям, и уселся. Но что-то в коряге выдавало, что это было не дерево. Поскрёб складником поверхность “коряги” — оказалось, что это огромная кость, судя по строению — голень мамонта. Откуда она здесь взялась — понять было несложно. Высокий песчаный берег Старицы постоянно обрушивался огромными кусками — так “работали” весеннее половодье и бьющие из основания крутой стены берега неисчислимы родники и ключи. А вместе с вывалами на берег сыпались и кости древних животных, до этого безмятежно покоившиеся десятками тысяч лет под толщей песка.

Поскольку к старине я никогда равнодушным не был, рыбалку тут же оставил и, взвалив эту гигантскую кость на плечо, поволок её домой. Весу в костяре было, наверное, пуда полтора (хорошо ещё, что она была без мозгов). Определил её для хранения в ванную комнату — всё равно в те годы водопровод в нашем доме не работал, и здесь мы держали картошку и пр. Потом к этой голени добавились несколько огромных зубов мамонта, рёбер, обломков бивней и ещё каких-то других костей.

Скоро моя ванная превратилась в мамонтовое кладбище. Домочадцы пугались этих костей и жутко на меня ругались. Да и мамонтовы мощи начали обсыхать, трескаться и обсыпаться. Скрепя сердце, я нашёл телефон Павлодарского областного краеведческого музея и сообщил, что готов продать не менее центнера ценных экспонатов, пусть приезжают. Когда там узнали, что я имею в виду мамонта, то предложили мне самому привезти эти кости — это за 200 километров. И бесплатно.

Уже началась зима, домочадцы мои начали потихоньку утаскивать на помойку наиболее подъёмные кости. И тогда я договорился с директором Железинской средней школы о меценатском акте — передаче костей мамонта в школьный музей. В школе машины не было, и остаток костей — где-то килограммов 70, я утащил туда на санках сам. При передаче ценных экспонатов представителей прессы не было, не считая меня самого. Я же тогда был очень скромным молодым журналистом районной газеты “Ленинское знамя” и предпочёл замолчать этот общественно значимый факт. Но лишь до сегодняшнего дня.

г. Тура

Красноярского края.

Валерий КУКАРЕНКО

Радуга над водопадом

Мало найдётся на земле мест, сравнимых с Восточным Казахстаном по великолепию, уникальности и красоте. Одиннадцать ландшафтных зон, если говорить сухим языком науки, а для туриста великое разнообразие творений природы. Эпитет “красивый” даёт лишь общее и слабое представление об их реальном виде, не отражая всей прелести и очарования, поражающих воображение человека. Это калейдоскоп красок и пейзажей от песков Каратала, Букони и Кулуджуна до ледников в верховьях рек Белой Берели и Убы, Кабы и Курчума. Любой человек может найти для себя уголок по душе. Спокойно отдохнуть у тихой глади озера или отправиться в поход по глухим таёжным местам, полюбоваться водопадом или яркими цветами джайляу, посидеть под гигантскими кедрами или подняться на скалистую вершину, просто понежиться на Бухтарминском водохранилище.

Сфотографировать понравившиеся места, чтобы потом можно было опять любоваться ими дома, вспомнить и пережить снова радостное волнение тех минут.

Очень красивые голубые озёра: огромный Маркаколь, Рахмановское и Маралье, Себинские и сотни других во всём своём своеобразии. Живописные ландшафты берегов реки Курчум, Каракабинская долина с резвыми речушками и островками лесов. Ковыли необъятных степных просторов. Каиндинский, Шыбындыкульский и другие боры. Густые таёжные дебри Карагужихи. Смешанные кедрово-лиственные леса с пихтой, елью, берёзой, осиной и тополями. Особенно красивы горно-таёжные ландшафты, гряды гор в шапках лесов и кустарников. Пёстрый ковёр яркоцветных альпийских лугов с десятками видов ароматных трав и цветов. Поросший лиственницей сибирской хребет Листвяга, тысячелетние кедры на склонах высокого Ивановского хребта. Плавающие адыры хребта Манрак. На западной оконечности Линейского хребта находится уникальный комплекс гранитных скульптур “Каменная сказка”. В причудливых формах останцев человек, в зависимости от своего воображения, видит различных фантастических и реальных существ, зубы дракона и черты людей, башни, часовни или что-то другое. Материалистическое воспитание и обучение, холодные рассуждения говорят, что эти фигуры созданы долговременными геологическими процессами при воздействии различных физических факторов. Но таинственная сила гранитных скульптур поражает. Плядя на эти созданные природой шедевры, кажется, что такими они были всегда и время как будто остановилось. Возможно, в этом ощущении сказывается скоротечность человеческой жизни и неимоверная бездна, отделяющая эти мгновения от вечной природы, для которой появление и исчезновение человека пройдёт почти незамеченным, как и многих других видов живых существ.

Ивановский и Ульбинский хребты, сближаясь на востоке, образуют Чёрный узел, неприступную, с обрывистыми скалами группу вершин. У их основания расположены Тургусунские озёра, из которых вытекают реки Большой и Малый Тургусун. С перевалов хребтов и вершин открываются, в дымке, дали, неповторимая панорама контрастов и красок всего великого разнообразия природных чудес края. На многих вершинах, называемых белками, лежат нетающие даже летом снега и ледники, питающие Убу и Нарым, Ульбу и Хамир, Бухтарму и сотни других рек. Полутора-двухкилометровая высота

падения рек придаёт воде стремительность и силу. Узкими щелями среди скальных уступов с грохотом и шумом несут свои воды вниз. Впечатляют шестидесятиметровой высоты водопад Кокколь и теснины Кальджира. Над ревущими водопадами переливается радуга. Вырвавшись в долины, реки широко разливаются, зарастают по берегам деревьями, кустарниками и травами. Реки приносят людям воду — бесценный и незаменимый дар природы, дающую жизнь всему живому.

Мы просто ещё не осознали до конца, насколько нам повезло и в каком замечательном месте земли живём.

Вылазка

Заканчивалась тяжёлая трудовая неделя. Несколько дней стояла тихая, почти безветренная погода. За плотной пеленой смога, окутавшей город и окрестности, не было видно даже ближайшей гряды. В небе висело тусклое и размытое солнце. Воздействие “букета” промышленных выбросов усиливало чувство болезненной усталости. Появилась и стала воплощаться в жизнь мысль — выехать отдохнуть коллективом на природу с ночёвкой. И не в домики отдыха, с галдящей, шумной толчеей, а куда-нибудь в глушь.

Остановились на заимке, находящейся в стороне от наезженных трасс на берегу реки, в лесу. Заказали автобус. В пятницу, через пару часов после окончания рабочего дня, загруженный палатками, рюкзаками и другим снаряжением, автобус уже выезжал из города. Вскоре к полотну дороги, ныряющему по увалам, вплотную подступил лес. Вот и съезд с трассы, на еле заметную грунтовую просёлочную дорогу, петляющую вдоль реки. Дорога постепенно становилась всё хуже, и водитель автобуса занервничал, а затем вообще отказался ехать дальше. Его можно понять. Случись какая-нибудь поломка, на помощь рассчитывать не приходилось. До заимки мы не доехали. Вдали виднелось несколько её построек. Появилась возможность оглядеться вокруг. Какая разительная перемена! С неба ласково светит яркое, словно умытое солнце. Оно радует своим чистым блеском и чёткими очертаниями. Хорошо видны гряды синеющих вдалеке горных вершин. Воздух наполнен тончайшим ароматом цветов и трав. Звенящая тишина нарушается только пением и щебетом птиц, жужжанием насекомых. В журчащих струях чистой и прозрачной воды на дне переливаются в солнечных лучах разноцветные камушки. Выбрали удобную поляну и дружно принялись за обустройство лагеря. Установлены палатки. Заиграла музыка, начались танцы и различные игры. Весело и шумно в лесу. Песни, разговоры и смех. Затем поздний ужин в наступающих сумерках. Пламя костров освещало плотную хвою окружающих поляну пихт и елей.

Со временем усталость берёт своё. Умолкла музыка, стих гомон, погасли костры. Люди разошлись по палаткам.

На рассвете наша небольшая группа тихо вышла из лагеря и вскоре разделилась. Андреич, заядлый охотник, захвативший в поездку ружьё, с двумя добровольцами направился вдоль реки к небольшому плёсу, где вчера были замечены утки. Над рекой и заросшим берегом плыли рваные клочья тумана. Мы с другом решили подняться на ближайшую гору, чтобы сфотографировать момент восхода солнца, и пошли к ней по влажной от росы траве. Поднялись на вершину, приготовили фотоаппараты. Вскоре от реки донеслось два выстрела и несколько радостных криков. Видно, охотникам улыбнулась удача.

На востоке разгоралась заря. Вначале лучи ещё не видимого солнца обозначили кромки лёгких облаков. Вдоль гребня горы, из-за которой должно появиться солнце, высветилась золотистая, зубчатая сверху полоска, вроде нимба над головами святых на старинных иконах.

Надо сказать, что описать зарю и восход солнца практически невозможно. Просто нет подходящих слов. Из этих динамических процессов выхватываются отдельные моменты, к которым более или менее можно подобрать подходящие определения. И фигурируют в описаниях одни и те же слова: чудесный, великолепный, лучезарный и т. п. Человеческий глаз способен различить более пяти тысяч оттенков. А сколько слов мы имеем для описания разворачивающейся красочной панорамы? Семь названий основных цветов и ещё три десятка терминов, обозначающих оттенки и какие-то специфические цвета типа золотистый, пурпурный, сиреневый и т. п. К тому же одинаковых зорь и восходов не бывает. Их вид определяется многими постоянно меняющимися факторами, в основном погодой. Только при непосредственном наблюдении человек может, пользуясь шаблонным термином, всеми фибрами своей души ощутить и оценить всё великолепие протекающих перед глазами явлений.

Молча смотрим на восток. Полоска над горизонтом светлела и расширялась. В её центре появилась алая точка, быстро расширяющаяся в полукруг. Она становилась всё ярче и сочнее. К краю полукруга краски меркли и бледнели. Ещё миг. Вырвался ослепительно яркий, ощутимо чистый и свежий первый луч солнца. И произошло чудо. Куда он падал, тёмно-серые поверхности мгновенно преображались, расцветая и искрясь. Раскрылось всё буйство цветов, переливающихся всеми цветами радуги в каплях росы. Из-за горизонта выкатился весь солнечный диск и залил окрестности ярким светом. Стали фотографировать, выбирая самые “фотогеничные” сюжеты, меняя ракурсы и точки съёмки. Вдруг в тишине, нарушаемой только пением птиц, отчётливо донёсся звук работающего двигателя. Взглянув туда, мы увидели, что наш автобус, совсем маленький на расстоянии, вырвался на дорогу и направился назад к трассе. Вот так шуточки! Уехали, бросив нас! Ругаясь, стали спускаться к опустевшему лагерю. Впереди было ещё много времени, и мы, особо не спеша, двинулись по дороге. Главное — дойти до трассы. Прошли несколько километров и увидели наш автобус. Он стоял под деревьями у самого берега реки. Несколько человек суежились у костра, часть загорала, другие рыбачили. Невдалеке сидел на лошади и смотрел на эту редкостную для него картину местный пастух. Встретивший нас Андреич приложил палец к губам, и мы отошли в сторонку. Тут-то и прояснилась ситуация. Когда охотники тихо приблизились к речке, он в стелющемся над водой тумане на плёсе увидел уток и стал стрелять. С ликующими воплями добровольцы ринулись в ледяную воду за добычей. Вся глубина конфуза выяснилась только в лагере. Убитые утки были домашними, дикие успели взлететь. Предвидя конфликт с жителями заимки, решили — пока те не хватились своей живности, уехать от греха подальше и дожидаться нас на дороге. Женщины категорически отказались принимать участие в приговлении утиного меню.

Подул и стал набирать силу долгожданный ветер. И затеплилась надежда, что и на улицах города станет приятней и легче дышать. Место новой стоянки выбрали неудачно. Собранный около реки валежник был сырой, горел плохо, и приготовление обеда затянулось. Нам, как самым

потерпевшим, выделили по утиной ножке. Плохо ошипанные и полусырые, они аппетита не вызывали. Тем не менее уток съели. Но бодрость и активность отдыхающих быстро пошла на убыль. Вскоре автобус двинулся в обратный путь. Вылазка на природу завершилась. Кто дремал, кто смотрел в окна автобуса. Мы возвращались в привычную среду обитания.

Первый полёт

Старенький “кукурузник” поднялся с полевого аэродрома у села. На откидных сидениях вдоль бортов сидели пассажиры. Один из них, уже немолодой мужчина, летел на самолёте впервые в жизни. Любопытный с детства, он ещё подростком облазил все окрестные сопки. Не раз любовался коврами цветов на их склонах: алыми пионами, синей сон-травой, жёлтыми тюльпанами и другими незнакомыми яркими цветами. Иногда, стараясь сократить путь, пытался пробраться сквозь кустарники караганы, шиповника, черёмухи, которые лучше обойти стороной. Повзрослев, стал уходить всё дальше в горы, поднимаясь иногда к белкам. Видел светлые лиственные леса, под которыми настоящие джунгли кустарников и трав. Акации, чёрная и красная смородина, малина и бузина, жимолость. Заросли ели и пихты, берёз, осин, сосен и реликтового сибирского кедра, шишками которого кормятся многие животные и птицы. Любит их пощёлкать и человек. Вспомнил, какое удручающее зрелище представляют собой кедровники после набегов оголтелых “шишкарей”. Изуродованные стволы и поломанные ветки, пустые бутылки и консервные банки, выжженная земля кострищ. Отдыхал в не опоганенных ещё человеком лесах. В чистых красивых пихтачах с тонким смолистым запахом хвои. Девственной хвойной тайге с мрачной сказочной красотой. Любовался соснами на скалах, каменными изваяниями, напоминающими то древних легендарных чудищ, то современных животных, то лица или фигуры людей. Забавной любопытной мордочкой бурндука, нервно подёргивающего хвостиком. Видел радугу над бурлящими порогами реки и красочные альпийские луга. Сидел у говорливых ручейков с идеально чистой и прозрачной водой, наслаждался их прохладой и свежим дыханием. Пил студёную воду, пахнущую ледником. Слушал птичьи рулады в звенящей тишине, цоканье белок и тревожный, предупреждающий других зверей, крик сойки. И понял, что только труднодоступность, к счастью, пока помогает природе сохранить отдельные свои уголки в первозданном виде.

Под крылом самолёта проплывали поля. Посевы зерновых, копны скошенного сена. Вот и первые сопки, покрытые сплошным ковром цветов и кустарниками. Ему почудился даже дурманивший аромат и ощущение острых шипов колючек, цепляющихся за одежду. Увидел чёрные тополя и ивы в пойме извивающейся змейкой реки. Началась тайга. Сквозь деревья проглядывали осыпи камней и скальные пики. Он смотрел в иллюминатор и громко выражал свой восторг, любясь, теперь уже с высоты, красотами природы родного края. То привставал, прижимаясь лицом к стеклу иллюминатора, то садился и, обращаясь к пассажирам, возбуждённо говорил. Его сосед, равнодушный к природе, нервно вертел головой и страдальчески морщился, словно от зубной боли. Когда слишком разговорчивый, по его мнению, пассажир в очередной раз привстал, уткнувшись в иллюминатор, сосед быстро убрал сидение к борту. Садясь и не чувствуя под собой опоры, говорун побледнел и с громким криком: “Ой, мама”, —

свалился на пол салона. Ему помогли подняться, усадили на вновь установленное в рабочее положение сидение. До конца полёта он обиженно молчал и больше не смотрел в иллюминатор.

Поход “дикарей”

Массу новых незабываемых впечатлений и заряд бодрости приносит свободный поход в горы, в глухие, далёкие и нехоженые места. Нет чёткого маршрута и жёсткого лимита времени, как у организованных туристов. Можно идти в любом направлении, останавливаться в понравившихся местах и любоваться, любоваться окружающей тебя природой, наслаждаться неограниченной свободой.

И вот мы уже на первом перевале. Со скалистых гор в дымке даль и вся зелень долины как на ладони. Внизу змеится узенькая полоска реки, видны заросли кустарников и поляны. Вечереет. К зубчатым вершинам гор склоняется солнце. Тени ложатся на скалы, высвечивая мелкие неровности рельефа. Противоположный склон ещё освещён солнцем и выглядит приветливо и тепло. На скалистых вершинах ещё не потухла позолота заката, а внизу мрак уже заполнил лощины. Вот солнце зашло за гору, на палатку легла тень, и сразу похолодало. В горах темнеет быстро. Погас костёр. Чернота ночи. На небе высыпаят звёзды. Самые крупные и яркие, а среди них Вега и Альтаир, кажется, висят совсем низко и мерцают прямо над головой. Сразу бросается в глаза ковш Большой Медведицы. Пугающая и зовущая космическая бездна, чудо Вселенной. А в светлой полосе Чумацкого шляха (Млечного пути) высветились мириады мелких, невообразимо далёких звёздочек. А на соседней сосне сова таращит свои жёлтые круглые глаза.

Утром уходим дальше в глушь и поднимаемся всё выше к выделяющемуся на фоне голубого неба перевалу. Сверху предгорья напоминают поверхность очищенного гигантского грецкого ореха: борозды и складки, возвышенности, щели и глубокие провалы. Бесконечные лесные массивы, пересекаемые хребтами, реками и ручейками. Распадки с лиственницами и кедрами с многоэтажный дом. Нескончаемое волнующееся море тайги, коричнево-зелёные заросли карагайника. Неповторим лес во всём его многообразии. Урманы, сосны на скалах, зелень кустов, буйство трав, краса невиданных цветов на полянах. Далёкой и нереальной кажется городская суэта. Шагаешь легко и бодро.

Красивы альпийские луга. Полыхают яркими кострами стена пышного разнотравья и россыпи цветов, а среди них пушистые стебельки бархатных на ощупь эдельвейсов. Невесомый благоуханный воздух. Вьются пчёлы и шмели, замысловатыми зигзагами порхают бабочки. Деловито и уверенно, с басовитым гудением летает полосатый, как тигр, шершень. Птичьи рулады в звенящей тишине. Малахитовая вода горных озёр, исток многих рек. Вот уже почти рядом поднимаются сияющие вершины белков, на многие из которых вряд ли ступала нога человека. Белки — ослепительные, блистающие нетронутой свежестью вечные снега. Поднимаемся к самому их подножью. Здесь суровые условия высокогорья и царство карликовых, ниже колена, деревьев и крупных высокорослых растений. Маковки цветов раскачиваются над карликовыми берёзками. Фантастическая картина. Удивительная тишина как райская музыка. Вновь спускаемся в зону тайги. У говорливых ручейков со светлой, как слеза, водой прохладно. Под лучами солнца в прозрачной воде дрожат, переливаются и сверкают на дне, словно сказочные богатства, разноцветные камушки.

В походе каждому найдётся дело по душе. Кто фотографирует, чтобы запечатлеть эти счастливые мгновения на память. Выбирает подходящие пейзажи: лес и цветы, причудливые нагромождения скал, водопады, реки и гладь озёр, уходящую в дымку даль грандиозной панорамы хребтов. Кто перебирает россыпи гальки, выискивая узорчатые кремни, пестроцветные яшмы, другие удивительные минералы, радующие и ласкающие глаз. Кто рыбачит, пытаясь поймать на быстрине стремительного, отливающего серебром хариуса или вытащить из глубины озера матёрого разбойника окуня. Вкусна уха с дымком костра у говорливой воды под шум окружающих стоянку деревьев.

На рассвете солнце вначале высвечивает белки и тысячи солнц дробятся в их снегах. Ниже в сиреновой дымке полоса склонов, а в распадах ещё тяжёлая и влажная сероватая мгла. И вот уже видны весь первобытный хаос девственной земли, нагромождение отрогов, ущелий, горных распадков. По предгорьям перекатываются гигантские мохнатые таёжные волны. Над ними торчат обнажённые серые вершины хребтов. Некоторые, видимо самые древние или больше подверженные действию окружающей среды, постепенно разрушаются. Под ногами каменная крошка, а уцелевшие останцы приобрели иногда самые причудливые очертания. Разглядывая их, можно увидеть различные каменные строения и невероятные фигуры, изваяния реальных и сказочных персонажей. Вот прижалась к земле лягушка, вот что-то жуёт крокодил Гена, вот свысока смотрит огромный динозавр. В восходящих потоках воздуха парят орлы. Шум водопада и мягкое пение лиственниц на ветру. Возникает ощущение беспредельной свободы и единения с природой. Первозданная благодать. От необозримого простора может закружиться голова.

Но вот наполнили клубящиеся валы туч, то и дело озаряемые изнутри багрово-жёлтыми и голубыми вспышками, горное эхо многократно повторяет громовые раскаты. Из палатки не выйти. Хлещет дождь. Всё затянато водянистой пеленой. Страшна и свирепа гроза в горах. С адским грохотом с неба падают бело-оранжевые снопы молний и дрожит под ногами земля. Ураганный ветер с треском ломает ветви деревьев. В конце распадка, несмотря на непрекращающийся дождь, пылает громадный кедр, расщепленный надвое ударом молнии. Но вот дождь и гроза утихли. Медленно уходит густой туман. Растаяли в небе облака и выглянуло солнце. Стали видны последствия бушевавшей стихии. Вывороченные с корнем деревья, сломанные словно былинки. В некоторых мрачных и влажных распадах непролазный бурелом.

В старом вековом бору, даже в солнечный жаркий день, прохладно и тихо. Под ногами мягкий ковёр хвоинок и мхов. Дышится легко и свободно. Тишина, как будто все обитатели леса спят. Но она обманчива. Жизнь в лесу бьёт ключом. Только терпенье и бинокль помогут увидеть потаённую жизнь его осторожных обитателей.

Многие животные и птицы отличаются незаурядными способностями и иногда удивляют и поражают осмысленностью и разумностью своих действий, где и не пахнет инстинктами.

Природа полна необъяснимого очарования. Только в походе можно его ощутить и почувствовать. Здесь не помогут рассказы и фото. Неумолимо течёт время, и пора возвращаться, но остаётся и живёт в душе желание снова отправиться в новый поход.

г. Усть-Каменогорск.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **Г. К. Байзакова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 05.02.2009 г.

Подписано к печати 10.03.2009 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 1085.

Номер набран и свёрстан в ТОО
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.